

Автор этих воспоминаний Адиз Асталов родился в 1919 году в селе Гордали Саясановского района ЧИАССР. В 1937 году окончил семилетку. В том же году начал трудовую деятельность в качестве секретаря Гордалинского сельского Совета.

С 1939 по 1942 год - первый секретарь Саясановского РК ВЛКСМ. С 1943 по февраль 1944 года - заместитель председателя Саясановского райисполкома.

В феврале 1944-го был репрессирован и до 1957 года жил в Киргизской ССР.

С 1945 по 1949 год - контролер-ревизор КРУ МФ СССР по Базар-Курганскому району Киргизии. В ноябре 1957 года со своей семьей вернулся в ЧИАССР.

В 1961 году работал председателем Саясановского райисполкома, с 1961 по 1963 год - первый секретарь Ножай-Юртовского РК КПСС.

В возрасте 53 лет окончил Горский сельскохозяйственный институт.

С 1965 по 1975 годы - заведующий Ножай-Юртовским райфо.

Вплоть до 1982 года работал главным бухгалтером Грозненской межреспубликанской заготконторы «Табаксырье», а также старшим экономистом-финансистом объединения «Чечингскотопром».

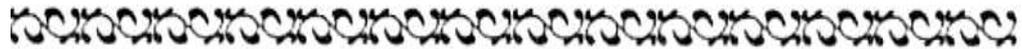
В данное время Адиз Асталов, как сам говорит, временно проживает в Нальчике.

Рядом с ним дети, внуки и правнуки. Он живет в ожидании возвращения домой, в Чечню. А это всецело будет зависеть от того, как скоро будет восстановлен дом, который потеряла его семья во время боевых действий.

Издание данной книги стало возможным благодаря моему внуку **КАЗБЕКУ ВИТАРИГОВУ**.

У меня есть и соавтор - это мой старший сын **ШАМИЛЬ АСТАЛОВ**, который собрал рукопись, терпеливо отредактировал ее и набрал на компьютере.

ВОСПОМИНАНИЯ КАК ВАЖНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В начале своей книги «По лабиринтам памяти» Адиз Асталов (привел глубокомысленное изречение немецкого философа Артура Шопенгауэра: «С точки зрения молодости - жизнь есть бесконечное будущее, с точки зрения старости - очень короткое прошлое»). Прочитав воспоминания, невольно «примеряешь» это изречение к автору повествования, прожившему долгую и сложную жизнь. А в самом повествовании Адиз Асталов описывает не только свою жизнь, но и жизнь всего чеченского народа, которая прихлась на тот исторический отрезок времени.

Перед читателем проходят детство, молодость, зрелость и пожилые годы автора. На старости лет, по воле судьбы оказавшийся за пределами своей исторической родины, он подытоживает дела и поступки своей достаточно длительной жизни. Он описывает свои поступки, трудовые достижения, удачи и промахи, взаимоотношения с людьми, друзьями, государственными и политическими деятелями, с которыми ему пришлось сталкиваться. Автор книги «По лабиринтам памяти» родился на заре становления советской власти в Чеченской автономной области и все его детство, молодость, трудовая жизнь в зрелые годы прихлись на это время, ставшее объектом его осмыслений и воспоминаний. Важное место в повествовании автора занимает его мать Буру, труженица и кормилица двух детей, оставшихся без отца.

Лишившись отца в младенчестве, он со школьных лет приучился к труду, ежедневно выполняя монотонную работу по домашнему хозяйству. Прилежная учеба позволила ему успешно окончить школу, в 1934 году он назначается «культурмейцем по ликвидации неграмотности среди взрослого населения с месячной зарплатой 75 рублей». В это время вступает в комсомол и до 1936 года ведет работу по преодолению безграмотности чеченцев.

В воспоминаниях автора важное место занимают события 30-40-х годов прошлого столетия, недостаточно освещенных в исторической и художественной литературе Чечни. Он пишет о массовом голоде на Украине, происшедшем в 1932-1933 годах, и о голодных людях, прибывших в чеченские села, в том числе и в родное село автора - Гордали. Чеченцы горных сел, никогда не отличавшиеся богатством, принимали несчастных, кормили, давали приют, а те, в свою очередь, оказывали помощь им в ведении хозяйства. По его утверждению, голодающие украинцы в Чечне нашли спасение.

30-е годы в Чечне сопряжены ничем не оплачиваемым изнурительным трудом в колхозах, репрессиями, арестами и расстрелами людей, раскулачиванием. Политика малограмотных и бездарных чиновников от советской власти, по мнению автора, озлобляла людей, приводила к стихийным вспышкам недовольных, толкала к созданию абреческих групп. Автор, как очевидец времени и событий, пишет: «Отчаявшись найти справедливость у тех, кто представлял власть на местах, не вынеся кровавого натиска власти, эти группировки приобретали некие очертания, которые впоследствии именовались бандами» (стр. 12). С точки зрения советской идеологии, любой, кто в те годы противился методам сплошной и насильственной коллективизации, а также раскулачиванию, зачислялся в классовые враги советской власти с приклеиванием ярлыка «бандита».

В книге описывается малоизвестное, бессмысленное антисоветское восстание Моцу, происшедшее в Ножай-Юртовском районе. Его разгром и бессудные расстрелы чеченских крестьян, духовенства, осуществляемые НКВД во главе с известным представителем этого репрессивного органа М. Ушаевым - производят гнетущее впечатление на читателей. Чего стоит откровение автора о том, что «некий отряд», возглавляемый чекистом М. Ушаевым, состоял из бывших конокрадов (стр. 35). Между тем, детальное изучение таких фактов в новейшей истории Чечни до сих пор не осуществлено, что образует так называемые «белые пятна», не дана им правовая и этическая оценка.

В сложный и трагический 37-й год Адиз Асталов работал секретарем Гордалинского сельского Совета, избирался первым секретарем Саясановского райкома ВЛКСМ, являлся очевидцем противоречивых процессов, наблюдал, оценивал становление и развитие советской системы. Как воспитанник этой системы, изнутри наблюдал её преимущества и недостатки, описывает поведение простых людей, их характеры, показывает достойных и честных людей, фиксирует и человеческие слабости, пороки.

К началу Великой Отечественной войны А. Асталов работает заведующим отделом пропаганды и агитации Саясановского райкома партии. В воспоминаниях отмечается участие чеченцев в войне, их работу в тылу. Автор свидетельствует, что по всей ЧИАССР для фронта собирались теплые вещи, продукты питания, крупнорогатый скот, и на эшелонах в сопровождении местных партийных руководителей все это отправлялось сражающейся Советской Армии. В частности, в Саясановском районе в феврале 1944 года проводился сбор денежных средств на сборку танковой колонны для фронта.

Автор также сообщает, что из его небольшой ветви племени ушли на фронт пять человек и все они, воюя с фашистами, погибли. В воспоминаниях автора также описываются факты, касающиеся действий бандитских группировок, грабивших государственное и колхозное имущество, отдельных людей (стр. 41-43). Пытаясь выявить мотивы так называемого бандитизма в горах Чечни, автор пишет: «...беззаконие, творимое органами НКВД, обозлило народ, в результате чего множились ряды тех, кто по разным причинам совершали правонарушения... Именно власть, пользуясь своей безнаказанностью, была повинна в том, что молодые, инициативные, полные жизненных сил люди уходили в ряды абреков» (стр. 45).

Особое место в книге автора отведено грязным и коварным методам НКВД. Примечателен факт изъятия у населения оружия и боеприпасов. Эта операция проводилась следующим образом: приводила к стихийным вспышкам недовольных, толкала к созданию абреческих групп. Автор, как очевидец времени и событий, пишет: «Отчаявшись найти справедливость у тех, кто представлял власть на местах, не вынеся кровавого натиска власти, эти группировки приобретали некие очертания, которые впоследствии именовались бандами» (стр. 12). С точки зрения советской идеологии, любой, кто в те годы противился методам сплошной и насильственной коллективизации, а также раскулачиванию, зачислялся в классовые враги советской власти с приклеиванием ярлыка «бандита».

В книге описывается малоизвестное, бессмысленное антисоветское восстание Моцу, происшедшее в Ножай-Юртовском районе. Его разгром и бессудные расстрелы чеченских крестьян, духовенства, осуществляемые НКВД во главе с известным представителем этого репрессивного органа М. Ушаевым - производят гнетущее впечатление на читателей. Чего стоит откровение автора о

том, что «некий отряд», возглавляемый чекистом М. Ушаевым, состоял из бывших конокрадов (стр. 35). Между тем, детальное изучение таких фактов в новейшей истории Чечни до сих пор не осуществлено, что образует так называемые «белые пятна», не дана им правовая и этическая оценка.

В сложный и трагический 37-й год Адиз Асталов работал секретарем Гордалинского сельского Совета, избирался первым секретарем Саясановского райкома ВЛКСМ, являлся очевидцем противоречивых процессов, наблюдал, оценивал становление и развитие советской системы. Как воспитанник этой системы, изнутри наблюдал её преимущества и недостатки, описывает поведение простых людей, их характеры, показывает достойных и честных людей, фиксирует и человеческие слабости, пороки.

К началу Великой Отечественной войны А. Асталов работает заведующим отделом пропаганды и агитации Саясановского райкома партии. В воспоминаниях отмечается участие чеченцев в войне, их работу в тылу. Автор свидетельствует, что по всей ЧИАССР для фронта собирались теплые вещи, продукты питания, крупнорогатый скот, и на эшелонах в сопровождении местных партийных руководителей все это отправлялось сражающейся Советской Армии. В частности, в Саясановском районе в феврале 1944 года проводился сбор денежных средств на сборку танковой колонны для фронта.

Автор также сообщает, что из его небольшой ветви племени ушли на фронт пять человек и все они, воюя с фашистами, погибли. В воспоминаниях автора также описываются факты, касающиеся действий бандитских группировок, грабивших государственное и колхозное имущество, отдельных людей (стр. 41-43). Пытаясь выявить мотивы так называемого бандитизма в горах Чечни, автор пишет: «...беззаконие, творимое органами НКВД, обозлили народ, в результате чего множились ряды тех, кто по разным причинам совершали правонарушения... Именно власть, пользуясь своей безнаказанностью, была повинна в том, что молодые, инициативные, полные жизненных сил люди уходили в ряды абреков» (стр. 45).

Особое место в книге автора отведено грязным и товарным методам НКВД. Примечателен факт изъятия у населения оружия и боеприпасов. Эта операция проводилась следующим образом: через осведомителей составлялись списки более или менее обеспеченных людей, с которых можно было получить материальное вознаграждение. По этим спискам в массовом порядке задерживали и сажали людей, требуя сдачи оружия, которого у них не было. Чтобы освободить задержанного, родственники вынуждены были искать оружие, которое приобреталось у лиц, работавших на НКВД. Автор пишет: «Они одну пятизарядную винтовку, принадлежащую тому же НКВД, продавали нескольким десяткам людей, сдирая с каждого по пятнадцать-двадцать тысяч рублей. В результате приходилось одну винтовку, как изъятую у населения». Подтверждая эту схему, А. Асталов приводит случай ареста его родного дяди, освобожденного посредством Приобретения и сдачи НКВД гранаты (стр. 46). На основе преступных действий НКВД осуществлял баснословные сборы денег, а донесениями своему боссу Л. Берия многократно преувеличивал число так называемых бандитов, дезертиров и изъятую у населения оружия.

В связи с этим очень важен вывод автора: «Органы НКВД республики во главе с наркомом внутренних дел Султаном Албагачиевым каждый единичный случай вылазки скрывающихся от властей уголовных элементов возводили в величину в тысячу и более раз и отправляли соответствующие донесения в Москву, в органы НКВД СССР. Нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия, в свою очередь,

докладывал Сталину, завышал численность бандгрупп в тысячу раз - выходило, что чуть ли не все взрослое население Чечено-Ингушетии состояло из бандитов. Исходя из этих дутых данных, руководство СССР делало свои выводы, и готовило то, что случилось в феврале 1944 года» (стр. 48).

Многие подробности, приведенные автором, могли бы занять важное место на страницах новейшей истории Чечни. В целом он опровергает утверждение о том, что чеченцы были изменниками родины и сотрудничали с фашистами. Значительное внимание в воспоминаниях уделяется черным дням депортации чеченского народа, описывается поведение людей и митинг, проведенный перед отправкой чеченцев на железнодорожный вокзал г. Гудермес, для погрузки в телячьи вагоны, предназначенные для перевозки людей в Казахстан и Среднюю Азию. Подробно описано прибытие части чеченцев в Киргизию, враждебное отношение к ним местного населения и власти, массовую гибель спецпереселенцев от холода, голода, болезней. Как образованный человек, ранее занимавший руководящие должности в партийной системе, автор в годы депортации вынужден был искать работу, что было сопряжено с известными трудностями, соответствующими ограничениями. В книге описаны различные жизненные коллизии, конфликты с местными органами власти, чиновниками, с которыми бесправному спецпереселенцу приходилось бороться и добиваться справедливости. Работая на разных ответственных должностях, он везде демонстрировал профессионализм, честность и добросовестное отношение к работе.

Смерть Сталина, осуждение культа личности смягчили режим НКВД по отношению к спецпереселенцам. 9 января 1957 года был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР о восстановлении Чечено-Ингушской АССР, что позволило чеченскому и ингушскому народам вернуться на свою историческую родину и включиться в сложный процесс восстановления. А. Асталов, многие годы работавший в Саясановском районе на должностях заведующего райфо, председателя райисполкома, первого секретаря райкома партии, секретаря парткома производственно-колхозного управления, активный его участник. Он также отмечает напряженную работу колхозников, жителей Саясановского района, по выполнению и перевыполнению производственных планов. Он в своих воспоминаниях также касается партийных и чиновничьих интриг.

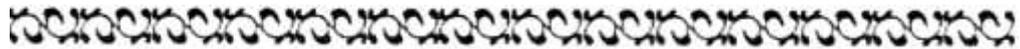
А. Асталов называет имена чеченцев, которые встречались на его жизненном пути и оказавших на него позитивное влияние. Это - М. Г. Гайрбеков, С. Б. Мизаев, А. И. Сухов, Г. Д. Умаров, М. Индербиев, У. Г. Осмаев, Г. Э. Межидов, А. Хакимов и др. Именно эти люди, занимавшие большие должности, много сделали для развития экономики и социальной сферы Чечено-Ингушетии, в создании рабочих мест, повышении уровня жизни людей. Думается, в своих воспоминаниях автор смог передать дух времени, достижения и недостатки советской системы, поведение людей, их характеры, что делает книгу автора реалистичной. Автор пишет, что «самый длинный отрезок моей активной жизни пришелся на так называемые годы застоя» (стр. 97). Если сравнить «застойные» с тем, что происходит в современном российском обществе, то очевидно, что это было время экономической и политической стабильности. В то время каждый человек был уверен в завтрашнем дне и был защищен от чиновничьего произвола, а коррупция не имела нынешних масштабов.

Автору «По лабиринтам памяти» нужно было рассказать своим детям, внукам, правнукам, в целом и всему народу, в какое время он жил, что делал, чего достиг, что переживал. И такой рассказ у него получился. Сегодня его возраст такой, что

он может произнести вторую часть вышеприведенного афоризма А. Шопенгауэра: «жизнь - короткое прошлое». Именно поэтому он и переживает не только за детей, внуков, но и за безвинно погибших и пострадавших в ходе недавних военных действий, за скитающихся по всей России и за рубежом чеченцев.

Адиз Асталов написал свою книгу в жанре воспоминаний, как очевидец многих сложных, жестоких событий становления советской власти в Чечне, в частности, Саясановском районе, он стремится объективно их объяснить, беспристрастно интерпретирует, что очень ценно в познавательном плане. В ней конкретизируются многие события, имевшие место в 30-40-е годы в ЧИАССР, в период депортации чеченцев, а также в 60-80-е годы. Эти периоды в жизни чеченского этноса в должной мере не осмыслены исторической, политологической наукой. Книга А. Асталова в значительной мере преодолевает данный пробел.

Вахит Акаев, доктор философских наук, академик Академии наук Чеченской Республики

С точки зрения молодости - жизнь есть бесконечное будущее, с точки зрения старости - очень короткое прошлое.

Артур Шопенгауэр

Дети, внуки, а теперь уже и правнуки меня часто спрашивают о том или ином отрезке жизни, которую я прожил, интересуются событиями, которые происходили на моей памяти, или участником которых я стал. Отвечая на их вопросы, ловлю себя на мысли, что иногда во многом приходится повторяться. Поэтому и решил: если спрашивают, значит, это интересно. Соответственно, мне необходимо изложить все это на бумаге, чтобы помочь молодым узнать некоторые детали новейшей истории нашей республики. Годы бегут, мое прошлое уже давно больше, чем будущее. К счастью, на память не приходится жаловаться. Поэтому постараюсь изложить свои воспоминания, не избегая мелких деталей. По опыту знаю, что любая, казалось бы, незначительная деталь, может сказать об эпохе значительно больше, чем целые страницы текста.

Родился я в обычной крестьянской семье в горном селе Гордали Веденского округа Чечни. Наше село в те времена было самым большим населенным пунктом в горной части. В прошлом здесь насчитывалось более тысячи домов в исчислении, как тогда говорили, «дымящихся печных труб» (*эзар к/ур болу юрт - чеч. здесь и далее*). Раньше величина населенного пункта определялась по количеству печных труб, из которых выходил дым. Сами понимаете - если из печной трубы выходил дым, значит, там жили люди, как правило, жила семья. Соответственно, по печным трубам можно было сосчитать и количество семей, проживающих в данном населенном пункте.

Я уже много лет на пенсии, и главное занятие сегодня - периодическая печать, ряд телевизионных передач, преимущественно, информационных, а также живу заботами детей и внуков.

Чтобы читатель мог представить расположение нашего населенного пункта, позволю себе перечислить близлежащие от Гордали села: к востоку находится село Энгеной, к северо-востоку - селение Саясан, к западу - Ширди-мохк, к северу - селения: Шуани, Исай-Юрт, Ялхой- мохк, к югу - село Центорой. В состав Гордали входят села Бас-Гордали, Хашки-мохк, хутора - Мааси, Чаганки, Кюччи, Ватана, Роади, Дукал-теха, Бетель-ирзо.

По сравнению с остальными селами, Гордали имеет довольно обширные земельные угодья. Гордалинцы постепенно расширяли свои общественные владения за счет освоения новых, примыкающих к населенному пункту, земель. Но случалось, что этот процесс нередко приводил к конфликтным ситуациям с приграничными обществами. Примером тому - присоединение земель местечка «Дукал-теха» (*Дукъал-т1ехъа*) по реке Ахк (*Аьхк*), некогда принадлежавших шуанинцам. Но такого рода затеи не всегда увенчивались успехом.

Одним из искуснейших переговорщиков по решению спорных дел был некий Дядди из села Бас-Гордали. Однажды старейшины послали его к курчалинцам для урегулирования спорных вопросов и четкого определения границ между земельными владениями двух соседних сел. Курчалинцы же, догадавшись о предстоящей миссии знаменитого на всю округу переговорщика, поймали Дядду, положили на землю, приставили острие кинжала к горлу и сказали:

- Вот вам граница!

Когда Дядди вернулся обратно, его спросили, как и где установилась граница. Дядди, говорят, ответил: Границу установили между глоткой и гортанью. Потом, оглядев изумленных односельчан, добавил: Если вы появитесь там с претензиями по поводу земельных границ, и вам установят границу там же, где и мне.

Гордалинцы так и не получили ни пяди курчалинской земли. А вот с другими соседями, центароевцами, земельный вопрос был решен мирным путем. И довольно оригинальным, должен вам сказать, путем. В данном случае центароевцы, как это иногда бывало, применили исключительно хитрый трюк. Как говорили гордалинцы, они пришли на спорный земельный участок, предварительно насыпав в чарыки (обувь, изготовленная из шкур крупного рогатого скота.) землю со своих исконных земель, и произнесли клятву на Коране, утверждая, что земля, на которой они стоят, действительно принадлежит им. Таким образом, этот спорный земельный участок закрепился за центароевцами.

Село Гордали полностью было покрыто плантациями грецких орехов, а также фруктовыми садами, где в основном преобладали плодовые деревья с хорошо развитой кроной: яблони, груши, сливы, вишни, черешни, айва и абрикосы. Многие семьи жили на те средства, которые получали от своих садовых участков. Впрочем, для некоторых семей и сегодня сады являются основным источником семейного бюджета.

Жители, в том числе и наша семья, каждый год получали хороший урожай грецких орехов - по десять-пятнадцать мешков, и это являлось большим подспорьем в обеспечении приличного достатка в семье. Кроме этого моя мать Буру была хорошей мастерицей в швейном деле. Она прекрасно шила различного рода мужскую и женскую верхнюю одежду - пальто, шубы, черкески, кафтаны, рубашки, брюки, а также находила время выполнять различные мелкие заказы. Она также умела ткать шерстяные ковры. Изготовленный ею небольшого размера ковер

долгое время хранился у меня дома. Ее золотые руки создавали для нашей семьи условия для безбедной жизни.

Не знаю, где и как она приобрела это мастерство, но семью она вполне обеспечивала. У нее была знаменитая швейная машинка «Зингер» - вещь по тем временам бесценная. Кстати, я слышал, что многие мастерицы и сегодня были бы рады приобрести такое сокровище.

Точную дату своего рождения, как и многие мои сверстники, я не знаю: в то время, когда я родился, не было ЗАГСов, и, естественно, записи о рождении ребенка нигде не фиксировались. Мать рассказывала, что я родился осенью того самого года, когда гордалинцы вернулись из села Энгеной, где они находились в качестве беженцев. Думаю, об этом следует рассказать более подробно, хотя о том периоде жизни гордалинцев я знаю только по рассказам старших. Люди рассказывали, как в ходе становления Советской власти гордалинцы вступили в сражение с частями Красной армии и под напором военной силы были вынуждены покинуть свое селение. Население было неграмотное, соответственно, сельчане плохо разбирались в политической ситуации, а вооруженных людей в свои села они, естественно, не пускали, рассматривая их как потенциальную угрозу для себя и своих детей.

В силу этих обстоятельств основное население Гордали оказалось в селе Энгеной. И это с позиции сельчан было вполне логично, потому что по преданиям наши праотцы Гордало, Энгино, Даттах, соответственно, основатели селений Гордали, Энгеной и Даттах, были братьями. Следовательно, когда приближалась опасность, они отправились к своим ближайшим родственникам. Гордали от села Энгеной отделяет река Аксай (*Ясси*). Как только человек переходит реку, он вступает во владения энгеноевцев.

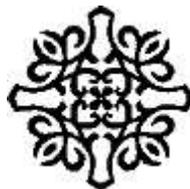
Однако, когда братское гостеприимство несколько затянулось, и местным жителям стало в тягость такое совместное проживание, к тому же и власть была недовольна тем, что энгеноевцы приютили сопотивленцев, сельчане пришли к выводу, что этот вопрос надо решить, не откладывая. И однажды с минарета мечети прозвучало воззвание:

Эй, гордалинцы, кто остался до вечера, не оставайтесь в селе до утра, а кто остался до утра, не оставайтесь до вечера! Просим вас - покиньте территорию села Энгеной!

И гордалинцам ничего не оставалось, кроме как вернуться в свои заброшенные дома.

Была еще одна возможность установить точный день моего рождения. Говорили, что у некоего Мусы Тутаева из села Бас-Гордали хранится тетрадь с записями, в которой с давних времен велись записи рождения и смерти людей. Но эта возможность стала невозможной, так как знаменитая тетрадь Мусы Тутаева была утеряна во время депортации чеченцев в 1944 году в Казахстан и Среднюю Азию.

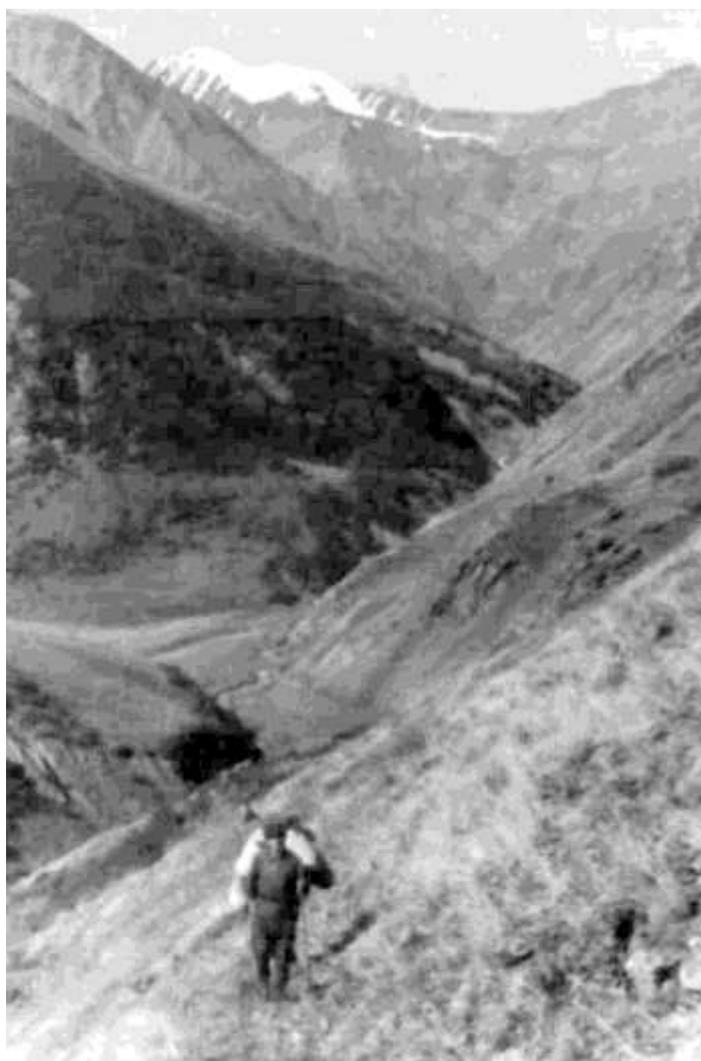
Теперь оставалось установить год моего рождения по году смерти моего отца. Мать говорила, что, когда умер мой отец Астал Эслоев, мне исполнилось три месяца. А отец мой, согласно записи на надмогильном камне, умер в 1340 году по летоисчислению хиджри. В переводе на григорианское летоисчисление, это соответствует 1921 году. В этом году моя мать овдовела и одна воспитывала меня с сестрой Тамарой, которая была старше меня на два года.

*Что молодо не может оставаться спокойным.
Аристотель*

Детство у меня было достаточно обеспеченное. Меня воспитывали мать вместе с тетей - сестрой моего отца. Я ее называл деци Аров. Она была бездетная, поэтому вся ее нерастроченная любовь и доброта достались мне.

Я вспоминаю, как деци Аров, несмотря на ее сравнительно молодые годы, очень сильно сутулилась (не хочется произносить слово -горбилась») - видимо, у нее был спондилез. В детском возрасте она меня часто носила на спине - привяжет к спине огромным платком, и носит на закорках. Могла в этом положении множество дел по дому переделать - печку растопить, посуду помыть, постирать, сходить за скотиной, даже коров могла подоить. Воспоминания о той поре у меня достаточно

скудные - то ли мал был слишком, то ли событий особых не происходило. Это сейчас дети избалованы сызмальства - вон сколько игрушек у каждого. Чего только не умудряются придумать! А для моих сверстников большой роскошью считались вырезанные из дерева замысловатые фигурки. Для девочек же шили тряпичные куклы, на мой взгляд, настоящие уродины. Не дай Бог во сне что-то подобное приснится! Я жил у тети вплоть до школьного возраста.

Автомобильных дорог в те годы не было. Люди в основном передвигались по горным тропам, а для доставки в села продуктов и предметов обихода использовали гужевой транспорт.

Всегда был хорошо одет, обут, ухожен, обеспечен хорошим питанием. Зимой, как и все мои ровесники, катался на санях, сначала на деревянных, а потом у меня появились и металлические сани. Весной и летом мы играли в мяч. А ранней осенью детвора зажигала костры из опавших листьев, в основном из листьев грецких орехов. Они достаточно хорошо горят, но огонь поднимается не очень высоко - в самый раз, чтобы через него перепрыгивать. После таких активных прогулок домой мы возвращались усталые и насквозь пропахшие дымом.

Моя мать, как и многие другие женщины в нашем народе, имела несколько имен: Буру, Езихат, Муслимат. Однако закрепилось за ней только имя Буру. У нее был брат по имени Израил. Они были братом и сестрой по матери. Израил жил в селении Ишхой-юрт, которое находится примерно в полусотне километров от селения Гордали.

Мать поддерживала родственные отношения со всеми братьями: и с Израилом, и с двумя другими братьями - 1ади и Дуду, которые ей были родные по отцу и по матери и жили в селении Гордали.

Я помню, как мать периодически бывала у Израила в Ишхой-Юрте, куда можно было добраться только пешком, так как в то время другого транспорта для сообщения между селами не было, кроме гужевого или верхом на лошади.

Однажды мать собралась проведать брата и мы пешком отправились к нему по длинному маршруту через села Шуани, Турты-хутор, Бешил-Ирзо. Побыв у него неделю, также пешком мы возвратились обратно, но уже по другому маршруту - через села Мескеты, Согунты, Шовхал-Берды, Аллерой, Турты-хутор, Шуани. Конечно, это было трудное и очень утомительное пешеходное передвижение, которое очень утомляло. Через некоторое время Израил со своей семьей переехал на другое место жительства - селение Симсир Хасав-Юртовского района Дагестана. Спустя некоторое время матери пришло устное известие о том, что Израил в тяжелом состоянии - заболел сыпным тифом. Недолго думая, она собралась проведать его, и мы отправились в селение Симсир.

Это был неблизкий путь. Теперь мы отправились по маршруту через села Шуани, Аллерой, Шовхал-Берды, Согунты, Мескеты, Ишхой-юрт, Успан-юрт - в Симсир. Наконец, добравшись до пункта назначения, мы действительно обнаружили Израила в тяжелом состоянии. Однако, спустя какое-то время, то ли от снадобий, то ли от молитв или от моральной поддержки моей матери ему стало лучше и мы через неделю тронулись в обратный путь уже по маршруту - Хасав-Юрт, села Бильты-аул, Галайты, Замай-юрт, Балансу, Айти-мохк, Ишхой-хутор, Совраги, Саясан.

Несмотря на такую сложную ситуацию с трудными переходами, мать все-таки старалась поддерживать родственные связи со своим братом по матери, часто упоминала о нем в своих разговорах. По истечении непродолжительного времени,

вскоре после нашего возвращения домой, она через людей получила из нестие о том, что ее брат Исраил скончался от нозвратного тифа. На этот раз мать отправилась в селение Симсир уже без меня - проводить Исраила в последний путь.

Однажды летом мы с матерью поехали в Хасав-Юрт. С нами были жена дяди Жайнмат, мои дяди по отцу Халим, Доу и друг Халима Элмирза. Мы отправились на двух арбах, запряженных в рабочие быки. С собой мы для реализации взяли некоторые сельскохозяйственные продукты: кукурузную муку, грецкие орехи, фасоль, куриные яйца. Прибыв в Хасав-Юрт, мы оставили арбы с быками на прибазарной площади, быкам дали зеленый корм. Мать и Жайнмат ушли на базар, чтобы реализовать продукты, мужчины тоже отправились по своим делам, а я в это время ходил по шумному базару и рассматривал все, что попадалось в поле моего зрения.

Печка выглядела вот таким образом.
При ней - домашняя утварь

В те времена воду носили в таких кувшинах,
изготовленных из меди

Здесь все было интересно. Людей было много. Одна половина людей продавала товар, другая - его покупала.

Ближе к вечеру мы вернулись к своим арбам. Мать с Жайнмат вернулись очень довольные, потому что им удалось продать все, что они привезли на рынок. Кроме того, они прикупили на вырученные деньги необходимые по дому товары, преимущественно, посуду и одежду. Среди купленных вещей, помню, были красивые тапочки кустарного производства, которые предназначались для меня.

Из раннего детства помню нашу скотину, которую я безошибочно узнавал среди возвращающихся вечером соседских животных. Помню, я любил наблюдать, как наша корова подолгу что-то жевала. Я не понимал, что можно так долго и неустанно жевать. Бывало, даже наклонялся, чтобы заглянуть в пасть лежащей корове, когда она монотонно ее раскрывала. Но, к моему разочарованию, ничего у нее во рту разглядеть мне не удавалось. А она, тем не менее, продолжала жевать, иногда прикрывая свои огромные глаза. Приоткрывала она их только тогда, когда надо было мотнуть юловой, чтобы отогнать прочь назойливых мух и слепней.

Еще я помню восхитительный запах горячего чурека, когда его только-только вынули из печи, и он словно дымился, когда его разламывали. Корочка румяная, хрустящая. Если и шовчиться, отломленным от нее кусочком можно было зачерпнуть побольше сыра со смежной. А потом надо было быстро отправить ее к рот и наслаждаться самой вкусной на свете едой. Так проходили мои самые счастливые и беззаботные годы.

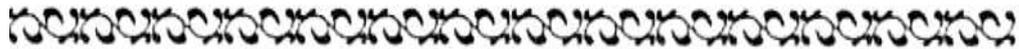
Прибыв в Хасав-Юрт, мы оставили арбы с быками на прибазарной площади, быкам дали зеленый корм. Мать и Жайнмат ушли на базар, чтобы реализовать продукты, мужчины тоже отправились по своим делам, а я в это время ходил по шумному базару и рассматривал все, что попадалось в поле моего зрения. Здесь все было интересно. Людей было много. Одна половина людей продавала товар, другая - его покупала.

Ближе к вечеру мы вернулись к своим арбам. Мать с Жайнмат вернулись очень довольные, потому что им удалось продать все, что они привезли на рынок. Кроме того, они прикупили на вырученные деньги необходимые по дому товары, преимущественно, посуду и одежду. Среди купленных вещей, помню, были красивые тапочки кустарного производства, которые предназначались для меня.

Из раннего детства помню нашу скотину, которую я безошибочно узнавал среди возвращающихся вечером соседских животных. Помню, я любил наблюдать, как наша корова подолгу что-то жевала. Я не понимал, что можно так долго и неустанно жевать. Бывало, даже наклонялся, чтобы заглянуть в пасть лежащей корове, когда она монотонно ее раскрывала. Но, к моему разочарованию, ничего у нее во рту разглядеть мне не удавалось. А она, тем не менее, продолжала жевать, иногда прикрывая свои огромные глаза. Приоткрывала она их только тогда, когда надо было мотнуть головой, чтобы отогнать прочь назойливых мух и слепней.

Еще я помню восхитительный запах горячего чурека, когда его только-только вынули из печи, и он словно дымился, когда его разламывали. Корочка румяная, хрустящая. Если и изловчиться, отломленным от нее кусочком можно было зачерпнуть побольше сыра со сметаной. А потом надо было быстро отправить ее в рот и наслаждаться самой вкусной на свете едой.

Так проходили мои самые счастливые и беззаботные годы.

*Жизнь - гора: поднимаешься медленно, спускаешься быстро.
Гиде Мопассан*

В 1929 году в селе Гордали была построена первая типовая школа. Здание состояло из двух больших классных комнат, учительской и маленькой кладовки. Помещения были светлые, с непривычными для наших мест большими окнами. Школу строила приехавшая из Грозного бригада русских строителей. Все строительные материалы привозились из Грозного на гужевом транспорте (арбы, запряженные рабочими волами), так как дорог, пригодных для проезда автотранспорта, во всей округе не было.

В этом же году я пошел в школу, и это был самый первый и самый большой праздник в моей жизни. Учителя были русские - Клавдия Седова и Лариса Романова. К сожалению, их отчества за давностью лет я сейчас не припомню. Они у нас вели все школьные предметы.

Учился я прилежно. Ходил в школу с удовольствием, и никто, как некоторых моих сверстников, меня не принуждал. Я не помню, чтобы меня дома старались настроить на учебу - просто не было такой необходимости.

В школе я был одним из первых пионеров, и, как отличник, периодически поощрялся грамотами и ценными подарками. От имени учащихся школы я выступал с приветственными словами на Первомайских праздниках, а также на праздниках, посвященных 7 ноября. Случалось, стоял на праздничной трибуне вместе с руководителями района и очень этим гордился. Такие выступления мне давались непросто, так как был достаточно стеснительным мальчиком.

Учеба мне давалась легко, диктанты и контрольные для меня были в радость, потому что-то была проверка моих знаний и повод для самоутверждения. Но отличная учеба в школе для меня была не самоцель - я просто хотел учиться. Это

Вот по такому радио мы узнавали главные новости страны

была обычная жажда знаний. А упорные занятия давали свои плоды в виде отличных оценок в журнале и слов похвалы от учителей.

Во время перемены обычно из класса я не выходил, чтобы поиграть со всеми, а сидел за партой и занимался уроками. Дома все дверные косяки, дверные проемы, оконные рамы и подоконники были исписаны мною вдоль и поперек. За эти художества мать меня ругала, говоря, что эти надписи, по поверьям, создают долги.

После смерти отца все дела по хозяйству легли на плечи матери. И она успешно справлялась с этим тяжким бременем. Весь дом и все работы по хозяйству были на ней. Рано овдовев, она так в своей жизни и не узнала, что значит помощь главы семьи. Я был слишком мал, и пока не мог оказать действенную помощь в хозяйстве. Но мать справлялась и с заготовкой дров на зиму, и с работой в поле, и корма у нас на зиму были заготовлены, и кукурузу на мельницу свезти удавалось. А сколько было других повседневных дел, которые тоже надо было переделать. Теперь я понимаю, какая неутомимая труженица была моя мать.

На нашем подворье обитали два рабочих быка, две дойные коровы и телка. У нас также было пять земельных участков, купленные еще при жизни отца. Один из этих участков, называемый «Булсяккинчу», мы сдавали в аренду. Условия были простые - половина урожая отдавалась нам, другая половина оставалась у того, кто взял участок в аренду.

Остальные участки наша семья обрабатывала сама. Обычно сеяли кукурузу. А на участке, называемом «Ирзе», косили сено. Здесь же были посажены плодоносящие деревья грецких орехов, с которых мы собирали значительное количество урожая. Другой участок под названием «Баар-Нара» засаживали кукурузой, фасолью и тыквой.

По мере своего взросления часть забот по хозяйству я взял на себя. В первую очередь это были пахота и боронование, а также прополка кукурузы и ее уборка. Осенью я отвозил домой кукурузу в початках, затем снимал початки и заготавливал кукурузные стебли для корма скоту. В сенокосную пору заготавливал сено,

скирдовал его, затем отвозил сено домой. Теперь заготовка дров на зиму тоже стала моей заботой.

За дровами я ездил с Халимом, дядей по отцу. Мы отправлялись в большой лесной массив «Мыши-дук» в местечке Гансолчу. С дядей Халимом я также ездил на мельницу в селение Аллерой Курчалоевского района. Здесь бывали очереди, и нам иногда приходилось ночевать на мельнице. Это было сущее наказание, так как нас постоянно одолевали комары, которых на мельнице было - тьма-тьмуца. Они были крупные, очень злые и голодные - такого ненасытного комариного войска я больше не видел нигде и никогда. Кусачие были невероятно - живого места на теле не оставляли. Потому каждый раз перспективу отправиться на мельницу я встречал без особого энтузиазма.

Как я отмечал выше, у нас в хозяйстве были коровы. Их каждый день выгоняли на общественный выпасной участок вместе с остальными сельскими буренками. Этот участок находился на расстоянии пяти-шести километров от села в местечке, называемом «Дукьал-т1ехьа». Скот после пастбы домой возвращался самостоятельно. Особенно охотно это делали дойные коровы, у которых дома оставались телята и которые привыкли к тому, что вечером их доят. А нетели оставались на пастбище, как правило, без особого присмотра. Это обстоятельство

нередко приводило к печальным последствиям: на скот часто нападали волки и были случаи, когда животных находили растерзанными.

Такой случай был и с нашей телкой, которую волки ночью порядком покусали, и с этими ранами она на рассвете вернулась домой. После этого нам пришлось прирезать ее на мясо. Чтобы избежать подобных случаев, нам приходилось до наступления сумерек отправляться на пастбище, разыскивать нетелей и пригонять их домой. В нашей семье эта обязанность, разумеется, была на мне. Дома мы держали двух быков. В сенокосную пору я каждый день отправлялся на наш участок «Ирзе» и пригонял сюда наших бычков. До обеда я их выпасал, а после обеда ставил на подножный корм. Для этого я сделал большую плетеную кормушку в тени грецкого ореха, приладив ее к стволу дерева. Здесь я их привязывал с таким расчетом, чтобы быки свободно могли прилечь на отдых.

Примерно в километре от этого места находился участок, которого мы называли «Баар-Нара». Его засеивали кукурузой. Делали это вручную. Человек шел по вспаханному полю, обычно правой рукой брал семена кукурузы из небольшой емкости, которую он обнимал левой рукой, и широким жестом разбрасывал их перед собой. А так как это был далеко не квадратно-гнездовой способ, который повсеместно стали внедрять значительно позже, всходы получались густые и их приходилось прореживать. Делалось это опять же вручную - с помощью мотыги лишние всходы срезались. Там, где подобная процедура не проводилась, урожай получался низкий.

Когда стебли кукурузы достигали примерно метровой высоты, они, как правило, выкидывали метелку, а в самой середине стебля завязывался кукурузный початок. Сначала из него появлялись нежнейшие водянистые рыльца, которые со временем высыхали и превращались в коричневые, довольно прочные волокна. Зерна кукурузы становились твердыми, метелка тоже высыхала, и это говорило о том, что пора собирать урожай. Эта работа тоже была на мне. С помощью серпа я у самого корневища срезал стебли и аккуратно укладывал их в своеобразные снопы. Срезанные стебли я на своем горбу переносил поближе к сараю, и, пристраивая их друг к другу, собирал из них большой своеобразный сноп (*такхор*), состоящий из множества снопов поменьше. Это делалось для того, чтобы ни дождь, ни снег не смогли надолго задержаться на них - иначе стебли попросту могли сгнить. Это было удобно вдвойне, так как в зимнее время мне проще было заносить стебли в сарай, чтобы потом укладывать их в кормушки. Прежде чем подать срезанные стебли быкам, я их разрубал на куски, и только после этого заполнял ими кормушку.

После вот такой нехитрой работы я возвращался домой, и, пообедав, отправлялся в школу. После занятий приходил домой и сразу же шел к сараю - к месту кормежки быков. Пригонял их домой, и по дороге давал им вдоволь напиться воды из нашей речки. Когда наши два быка-исполины становились к кормушке, они немедленно принимались пожирать кукурузные стебли, особо смакуя початки кукурузы, которые им иногда попадались. Эта серая монотонность моих прямых обязанностей повторялась каждый день, кроме воскресного дня. Вот в таких нелегких условиях мне и приходилось учиться. Моим сверстникам было проще, потому что у них в семье было несколько мужчин, и эту работу они попеременно делали сообща. А в моей семье я был один, и переложить это занятие на женские плечи я не мог. Это правило я установил сам для себя еще в раннем детстве, и придерживался его неукоснительно.

*Фортуна многое дает во временное пользование Навечно же - ничего.
Публий Сир*

Я и не заметил, как закончилось мое детство, а следом - и отрочество, пора, когда в силу возраста ты находишься на особом счету - даже если и набедокуришь, окружающие склонны найти оправдание твоему поступку и все списывают на малый возраст. А достигнув четырнадцати-пятнадцати лет, такого снисхождения ждать не приходилось - уже надо было держать ответ по-взрослому, без всяких скидок.

В 1934 году я был назначен культармейцем по ликвидации неграмотности среди взрослого населения с месячной зарплатой 75 рублей. Вот эта вполне ощутимая цифра и была предметом моей особой гордости. Теперь я мог помогать семье не только своим трудом, но и деньгами, которые были очень кстати.

Передо мной отныне стояла очень важная задача - обучить элементарной грамоте взрослых людей, многие из которых мне в родители годились. С этой миссией меня отправили на хутор Кючки, расположенный на реке Аксай. В этой же зоне находились еще два хутора - Чаганки и Ватана. Пункт ликбеза находился в доме Вантана Чуликова.

Работал я там до 1935 года. Вскоре меня перевели в местечко Веданты. Здесь находился наш дом, что для меня было очень удобно. В Ведантах я проработал до второй половины июля 1936 года. К тому времени я уже был комсомольцем и активно интересовался происходящими политическими событиями, много читал.

Для сегодняшней молодежи тот период - это уже далекая история. Поэтому постараюсь в своих заметках передать дух того времени, рассказать о тех повседневных событиях, проходивших при моем участии или свидетелем которых я был. Делаю это потому, что, насколько я знаю, тот отрезок нашей истории в литературе описан очень скупо - то ли некому было это сделать, то ли война, грянувшая вскоре, и последовавшее через три года поголовное выселение помешали. Как бы там ни было, мне очень хочется хотя бы в малой доле восстановить картинку из моей далекой юности, и тем самым помочь живущим сегодня увидеть коллективный образ не только моих сверстников, но и всех тех людей, которые меня окружали,

В те годы первым секретарем Северокавказского крайкома ВКП(б) был известный деятель Коммунистической партии и Советского государства Анастас Иванович Микоян. Ему приписывают слова, которые сейчас довольно часто цитируются. Он, говорят, как-то сказал: «Если хотите знать положение дел в Северокавказском регионе, достаточно подняться на Эльбрус и посмотреть в сторону Чечни. Если там спокойно, то знайте, что спокойно на всем Северном Кавказе».

В 1932-33 годах на Украине разразился массовый голод, и большое количество людей разбрелось по тогдашнему Советскому Союзу, в том числе, и на Кавказ, преимущественно - на Северный Кавказ. Видимо, они знали, что там живут

люди, которые не дадут им умереть голодной смертью. И часть мигрирующего голодного населения попала в Чечню, в основном - в ее горную местность.

Люди из голодающих регионов страны прибыли и в селение Гордали. Изможденные, голодные, ослабшие, они стучали в калитки к местным жителям и просили помощи. В первую очередь их надо было накормить. Местные жители, несмотря на свое далеко не богатое положение, оказывали им помощь - делились кукурузной мукой, чуреками, молоком, сыром, яйцами, топленым маслом, сухофруктами, словом, делились всем, чем могли. Большим подспорьем оказались и дары природы: богатый урожай тутовника, лесных груш и яблок, мушмулы, кизила, ежевики, шиповника и других плодов. Приехавшим в эти края повезло тем, что стояло лето, а природа в эту пору особенно щедра к людям.

Гордалинцы приютили несчастных. Кому не доставалось места в домах, селились в летних постройках. Ситуация в селах была непростая, потому что горцы в основной своей массе жили небогато, но вековые традиции не позволяли им спокойно созерцать чужую беду. Многие из приезжающих, конечно, оказывали местным помощь в ведении домашнего хозяйства по своему желанию и без всякого принуждения. Вот так, вместе, и преодолевали беду.

Жестокие законы и репрессии ни в чем не повинных людей, их аресты и расстрелы, раскулачивание, тяжелый труд в колхозах за трудодни, ничем неоплачиваемые, озлобляли людей. И эта злоба в первую очередь была направлена против власти. На этой почве происходили стихийные вспышки с участием недовольных, отдельные люди примыкали к группировкам, образовавшимся из несогласных. Отчаявшись найти справедливость у тех, кто представлял власть на местах, не вынеся кровавого натиска власти, эти группировки приобретали некие очертания, которые впоследствии именовались бандами. Именно это утверждение и стало впоследствии предметом различных спекуляций, когда речь заходила о чеченском народе.

Теперь, уже задним числом, я стараюсь понять природу абречества, которое злопыхатели называли и продолжают называть бандитизмом. Между тем это были обыкновенные неграмотные крестьяне, которые в силу разных причин оказались по ту сторону баррикад. Со временем их преступления против власти множились и обрастали невероятными слухами. Найди власть подход к ним, ослабь она свой репрессивный аппарат, будь она последовательна в своих поступках, ничего подобного в нашей жизни не наблюдалось бы. А между тем власть сама толкала несогласных в объятия врагов.

В марте 1933 года произошло событие, известное под названием «Мартовское событие в Ножай-Юртовском районе». Люди, разбирающиеся в политике, говорили, что это исходит от организованных антисоветских сил и их руководства не только в Чечне, но и в других регионах страны Советов. Организаторы мартовских событий 1933 года в Ножай-Юртовском районе имели связь и получали руководящие и направляющие директивы от руководства антисоветского движения извне. Эти события готовились известными абреками как Маккхал из Майртупа, Асахи и его брат (*вежарий Асарлап*) из Бачи-Юрта Курчалоевского района.

Они подыскивали человека, которого можно было бы использовать в дальнейшем в своих целях. Этим человеком оказался никому неизвестный, неграмотный, психически ущербный Моцу, проживавший в маленьком хуторке на территории Малой Шуани, который иначе называли Чари-мохк. Им нужен был человек в роли имама, под водительством которого можно было бы поднять народ для восстания против Советской власти.

По совету этих людей Моцу вырыл в земле своего неказистого двора яму, называемую на чеченском языке «холбут», и закрылся в ней. Объявив голодовку, он пробыл там две недели без света, без пищи и воды, в полной темноте. По истечении двух недель Моцу вышел из ямы и объявил, что Всевышний сказал ему: «Твое время пришло. Выйди оттуда».

После этого абреки возвеличили Моцу и наделили титулом имама в надежде, что народ поддержит новоявленного имама, и с горсткой своих подвижников двинулись через Шуани в сторону селения Беной, ожидая, что беноевцы встанут под знамена имама Моцы. Когда эта процессия двинулась в сторону Беноя, очевидцы рассказывали, как они по пути грабили магазины, раздавали детям конфеты, разбрасывая их на дороге, а также громили в селах здания сельских Советов.

В это время, заметив приближающихся вооруженных людей и опасаясь, что они войдут в селение Гордали и возмутят людей, житель Мааси-хутора по имени Дууш, поднявшись на высокий холм, громко произнес воззвание:

- Эй, гордалинцы! Приближается вооруженная толпа под предводительством имама Моцы. Они идут через Шуани в направлении к Беною. С ними вместе идут абреки. Если толпа повернет в сторону селения Гордали, не пускайте их в село. Это большое зло, из-за которого могут пострадать многие мирные люди.

Во время похода на Беной собралось значительное количество зевак, которых, как правило, интересовало, чем все это закончится. «Имам» Моцу между тем выкрикивал:

- Мы возьмем Грозный без единого выстрела!

Люди недоуменно спрашивали:

- Как же это так? Ведь Грозный надежно защищают вооруженные силы Советской власти. Возможно ли такое?

На это Моцу возражал: Как имам, я возьму горсть земли и брошу ее в сторону вооруженных людей. Каждая крупинка этой земли будет превращаться в пули и поражать противника.

На чеченском языке это звучит более колоритно: *«Ас схья а оьцуш, сайн канаш юьззина мостаг1чун б1аьхошна т1е латта кхуссур ду, т1аккха цу лаяттан х1ора буйртигах х1оь-молха хир ду».*

Надежды организаторов выступления на то, что все беноевцы встанут под знамя «имама» Моцы, не оправдались. Очевидно, люди поняли, в чем дело, и не поддались на эту уловку и не поддержали толпу.

Словесный портрет «имама» Моцы: ниже среднего роста, одет в шубу из сыромятной овечьей кожи, шапка из белой овчины, обувь из кожи крупного рогатого скота. У него также была белая неказистая лошадь.

Вскоре оправдались высказывания «имама» Моцы о том, что они «без единого выстрела возьмут Грозный», только все случилось с точностью до наоборот. Вскоре «имам» Моца вместе со своей шайкой был схвачен и заточен в Грозненскую тюрьму. Из-за мартовских событий 1933 года много — вот таких зазывал были арестованы и отправлены в Сибирь вместе с действительными участниками восстания.

В те годы по линии НКВД по республикам, краям и областям спускалась разнарядка на арест людей - по 58-й статье - столько-то, по 59-й - столько-то. А начальники выше рангом отправляли эти разнарядки в районы. Начальники районных отделов НКВД из кожи вон лезли, чтобы выполнить задания, поскольку

невыполнение грозило им потерей должности и привлечением к уголовной ответственности, как укрывателей врагов народа.

Так же проводилась кампания по изоляции от общества воров, которые крали у сельчан скот и лошадей. По данному обвинению из села Гордали были арестованы Хажов Астемиров, Алдибир Баймирзаев, Бетельгери Дашухаджиев, Закри Чутуев, из которых последние двое после отбывания срока не вернулись домой и умерли в лагерях.

В марте 1933 года со своим отрядом в район нагрянул Мазлак Ушаев. Он остановился в доме Дикьхи Мудаева, а впоследствии перешел в дом Зовлмакана Мидалишева. Для содержания арестованных в доме Дуку Хатаева была отведена отдельная комната. У Ушаева была выработана своя тактика: он приглашал к себе на беседу человека, и после разговора с ним, когда тот уже выходил из комнаты, стрелял ему в затылок: в упор, находясь лицом к лицу с обреченным, он стрелять не решался, опасаясь встречного выстрела.

Такой жертвой стал и житель нашего села Хажов Астемиров, которого он, по своему обыкновению, вызвал на беседу. Это был красивый, мужественный, крупного телосложения мужчина. Люди его уважали, так как за ним не водилось ничего такого, за что его могли упрекнуть. Всегда открытый, доброжелательный, он пользовался заслуженным авторитетом у людей. Хажов Астемиров прекрасно ладил с людьми, был щедр на доброту, и его смерть болью отозвалась в душах людей.

После беседы с Ушаевым, Х. Астемирова под охраной отправили в комнату для содержания арестантов. Но Ушаев хотел его уничтожить, а не арестовывать, поэтому отдал сопровождающим дьявольский приказ застрелить его по дороге, иницировав побег, что те и сделали. Потом они составили соответствующий акт о том, что арестованный застрелен при попытке к бегству.

В 1932-33 годах председателем Гордалинского сельского Совета работал двоюродный брат моего отца Мухамед Махматов. Его вызвали в РО НКВД и потребовали составить скрепленный подписью и печатью сельсовета список всех арабистов и мулл, проживающих в селе. Мухамед Махматов заявил, что в его селе таких нет, и не дал им такой список. Тогда НКВД, используя сообщения своих сексотов, арестовали несколько человек. В их числе был очень просвещенный знаток ислама по имени Кама. Его уважали за честность, скромность, за умение говорить с людьми, вселяя в них надежду на будущее, надеясь прежде всего на Всевышнего.

После этого Мухамеда Махматова арестовали, как врага народа, и поместили в Грозненскую тюрьму, где содержался и Кама. Он тогда сказал Мухамеду:

Ты ничем не сможешь нам помочь. Чем погибнуть здесь, лучше сделай то, что требуют власти, и уходи отсюда.

Тогда Мухамед сказал Каме:

Я не хочу спасать свою жизнь за счет вашей гибели. Если суждено нам погибнуть, то погибнем вместе.

Вот таким мужественным человеком был Мухамед Махматов. Его и всех остальных расстреляли в тюрьме без суда и следствия.

В 1933 году, ночью, во время совещания учителей, выстрелом в окно был убит директор неполной средней школы селения Гордали Умарали Сайдуллаев. Он был обучен арабской и латинской грамоте, и был умнейшим человеком. Его хоронили со всеми почестями. Никто так и не узнал истинных виновников этого злодеяния.

По подозрению в убийстве были арестованы братья Талаевы - Бешир и Абдулха. До суда они содержались в Грозненской тюрьме. Жена Бешира пешком

отправилась в Грозный с передачей для арестованных, но там попала под поезд и погибла. У них остались малолетние дети.

Бешира и Абдулху осудили и отправили в лагерь для отбывания срока. Бешир из заключения не вернулся, а Абдулха вернулся по окончании срока наказания. Это случилось в 1957 году - сразу после возвращения чеченцев из депортации. Дома их были конфискованы. В доме Абдулхи находился сельский Совет, а в доме Бешира - классы неполной средней школы.

В 1936 году на площади перед сельским Советом собрали всех жителей. Предстояло обсудить вопросы, связанные с определением категории личных хозяйств и статуса жителей села. Все решения утверждались открытым голосованием. При определении статуса жителей следовало решить, к какой категории их отнести: к беднякам, середнякам или кулакам. Схема была простая: зачитывался список, затем шло короткое обсуждение, к какой категории следует отнести хозяйство того или другого жителя, и уже потом люди голосовали.

Вряд ли они тогда до конца понимали, что в эти минуты принимались жизненно важные для каждого сельчанина решения. Ладно, беднякам терять было нечего, а если человека относили в список кулаков? За этим сразу следовали жесткие меры, для которых и термин соответствующий был придуман - раскулачивание. Из нашей истории мы знаем, на что обрекались люди, признанные кулаками

Но иногда на таких собраниях случались и курьезы. Например, в списке бедняков оказалось хозяйство Абдулали Сайдуллаева. Он, говорят, выкрикнул:

Прошу исключить мое хозяйство из списка бедняков, так как я абсолютно не терплю слово «бедняк».

Хорошо, - сказал представитель из района, - тогда мы ваше хозяйство занесем в список кулаков.

Занесите, куда хотите, только исключите меня из списка бедняков, - сказал Абдулали своим картавым голосом.

Однажды я оказался в Саясане, райцентре Саясановского района, где проходило открытое совещание руководителей колхозов и председателей сельских Советов. Совещание проходило в помещении парткабинета. Я стоял у открытых дверей и слушал, о чем там идет речь. Выступил на совещании и первый секретарь Саясановского РК ВКП(б) Магомед Папанов. Когда речь зашла о кадрах, он сказал:

В Гордалинском сельском Совете работает старик, бывший чиновник, работавший еще при царской власти. Назначьте на его место вон того комсомольца, который стоит у дверей.

Это стало для меня большой неожиданностью. Но, опять же, воля руководителя такого ранга - закон. Так я стал секретарем сельского Совета и оставался на этой работе до марта месяца 1937 года.

Однажды меня пригласил в РК ВЛКСМ тогдашний первый секретарь райкома комсомола Петр Ефимович Кравцов и предложил работу в качестве заведующего отделом пионеров и школьной молодежи райкома комсомола, с чем я и согласился. В этой должности я проработал до февраля 1938 года, а затем меня перевели на должность заведующего отделом пропаганды райкома комсомола.

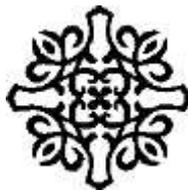
Жизнь не стояла на месте, поэтому постоянно приходилось учиться, пополнять багаж своих знаний. Когда через некоторое время меня направили на трехмесячные курсы идеологических работников, организованные Чечено-Ингушским обкомом ВЛКСМ, я с радостью отправился на учебу.

Эти курсы я окончил с отличными оценками, и, видимо, был замечен комсомольским руководством республики. Делаю такой вывод потому, что после

курсов Чечено-Ингушский обком ВЛКСМ рекомендовал меня на работу в качестве первого секретаря Саясановского РК ВЛКСМ.

Разумеется, вопрос о моем избрании на эту должность был согласован с Саясановским РК ВКП(б). Вскоре на конференции Саясановской комсомольской организации я был избран первым секретарем райкома комсомола. А моего предшественника, тогдашнего первого секретаря райкома комсомола П. Е. Кравцова, перевели на работу в обком ВЛКСМ в качестве секретаря.

В тот период первым секретарем Чечено-Ингушского обкома ВЛКСМ работал Василий Иванович Филькин, исключительно порядочный, внешне очень симпатичный и добродушный человек, который в последующем работал в партаппарате республики сначала в качестве первого секретаря Грозненского горкома ВКП(б), а затем секретарем Чечено-Ингушского Обкома ВКП(б) по кадрам.

То, что юность всегда счастлива, - это иллюзия тех, кто давно расстался с юностью
Сомерсет Моэм

Годы моей молодости проходили в довольно сложное время. В стране происходили непредсказуемые события, которые в той или иной мере отражались и на нас. В 1930-х годах по всей стране шла коллективизация сельского хозяйства, организовывались колхозы. Повсеместно шла мощная идеологическая работа, направленная на то, чтобы вовлечь в колхозы местных крестьян. Основу колхозного хозяйства составлял частный скот. Крестьян, как правило, заставляли писать заявления о вступлении в колхоз и забирали часть его скота для колхозного хозяйства.

Наверное, именно к тому периоду относятся цитаты, которые я вычитал не так давно. Первая: «Социализм: у вас две коровы, одну вы даете соседу». Вторая цитата гласит: «Коммунизм: у вас две коровы, правительство забирает обеих и выдает вам молоко по карточкам». Есть и третье суждение: «Фашизм: у вас две коровы, правительство забирает обеих и продает вам молоко». И мораль: «Никогда не имей дела с коровами. От них одни неприятности».

Это сейчас, имея за плечами солидный жизненный опыт, я смотрю на эти вещи с другой стороны, оценивая и свои поступки, и поступки людей, которые искренне верили в декларируемые властью установки. Пропагандистская работа, развернутая в период коллективизации сельского хозяйства, способствовала определенной промывке мозгов. К тому же, пропагандистские семена падали в благодатную почву, так как люди в основной своей массе были неграмотные, соответственно, не могли размышлять, опираясь на свои знания и предыдущий

исторический опыт. И как здесь не согласиться с утверждением, которое приписывают Уинстону Черчиллю: «Большевики сами создают себе трудности, которые успешно преодолевают».

Между тем в полную мощь продолжалось раскулачивание более или менее зажиточных крестьян. У них, как правило, изымался скот и имущество. Раскулаченных отправляли в Сибирь, Казахстан и другие отдаленные регионы. В тот же период проводилась и кампания по разоблачению «врагов народа».

Органы НКВД в 1937 году проводили специальные операции по аресту и возвращению в прежние места ссылки лиц, ранее раскулаченных и сосланных в Сибирь. Получилось так, что по истечении некоторого времени часть людей, сосланных в Сибирь, нелегально вернулась домой. Это и стало поводом для невиданной доселе акции арест и заключение под стражу этих несчастных. На такую категорию людей была объявлена настоящая охота. И такая картина наблюдалась не только в Чечне, но и в других регионах страны.

Для проведения такой операции в селение Гордали прибыло три работника НКВД. К ним для оказания помощи выделялись сельские активисты. В их числе был и я, работавший в то время секретарем сельского Совета. Меня вместе с одним из работников НКВД направили в селение Хашки-мохк. Операция проводилась в строго секретном порядке. Мы, например, до прибытия на место не знали, кого будут арестовывать, где проживает подлежащий аресту человек. Чувствовал я себя, конечно, в этой роли прескверно, потому что прекрасно понимал, насколько тяжела будет участь людей, которым сегодня предстояло быть арестованными.

Утром я вернулся домой из селения Хашки-мохк и узнал, что арестовали и нашего близкого соседа и дальнего родственника Зямци Бай-мирзаева. Вместе с ним арестовали его единственного сына Абзу. Детей в этой семье больше не было. Жена Зямци, Хамасат, осталась одна.

Задняя стена их большого дома была в ста метрах от нашего, и закрывала их двор, не оставляя доступа для обзора. Поэтому невозможно было увидеть то, что происходило во дворе соседнего дома. Об итогах спецоперации мы узнали только после того, как работники НКВД покинули село.

Хамасат была тихая, молчаливая женщина. Она все время плакала, тоскуя по мужу и сыну. Эта тоска приблизила ее смерть и женщина вскоре умерла. На месте ссылки также умерли Зямци и его сын Абзу. очевидцы рассказывали: когда их повели из села, и они стали подниматься вверх по дороге, Зямци оглянулся назад и сказал: *«Маржа я1, г1ордалой, х1ара к1ант ца ваьккхи-кх аша суна т1аьхара»*, что по-русски означает: «Эх, гордалинцы, не сумели вы отсечь от меня моего сына!»

Таковы были реалии жизни, такова была сама жизнь: суровая, кровавая и бесправная. Но при этом мы были дети того времени, и каждому была отведена своя роль.

Прежде чем начать работу по созданию того или иного колхоза, как правило, в народной среде предварительно проводилась некая «промывка» мозгов: созывалось общее собрание граждан, на котором обсуждался вопрос о создании колхоза по «добровольному» желанию собравшихся. Голосование было открытым. Попробуй, - выступи против или выскажи свое мнение.

Раскулачивание же состоятельных крестьян проходило по тому же сценарию - утверждением списков лиц, подлежащих раскулачиванию. Весь этот фарс проходил на общих сходах граждан и при открытом голосовании. Народ был настолько напуган, что в основном голосовал единогласно за все, что предлагалось властью. Недовольных и несогласных граждан органы НКВД, наделенные на тот

период широчайшими полномочиями, брали на особый учет. Никаких законов эти органы не соблюдали, так как им была выдана высочайшая индульгенция на самое циничное попрание закона как такового.

Я, будучи секретарем сельского Совета, оказался под угрозой ареста и чудом избежал этого. Дело обстояло следующим образом: органы НКВД стали требовать от сельского Совета справки, в которых нужно было подтвердить, что граждане, попавшие в списки раскулачиваемых, действительно являются кулаками. В частности, от нашего сельского Совета потребовали справку о том, что гражданин Тойсум Тозуркаев действительно является кулаком. Мы же написали в справке, что названный гражданин является бедняком, так как мы все хорошо знали его как самого бедного человека в селе. А в список кулаков его занесли лишь по той причине, что он соорудил подобие мельницы на маленькой речке Ахк между селами Гордали и Бас-Гордали.

Мельницей это сооружение трудно было назвать, так как она состояла из одного камня, который незадачливый «кулак» насобирал здесь же, в пойме реки. Никого не интересовало, что мельничный жернов мог вращаться только при обильных ливневых дождях, а в остальное время речка стояла обмелевшая - она не только жернов крутить не могла, иногда даже нам до щиколоток не доставала и текла среди каменного безмолвия тоненьким ручейком.

Так вот, из-за этой справки меня и председателя сельского Совета вызвали в Саясановский РО НКВД. Поехал только я, так как председатель в это время был в отпуске. Там меня пригласили в кабинет. За столом сидел русский человек в форме сотрудника НКВД. Он спросил у меня:

- Справку вы писали?

- Я.

- Он принялся меня ругать. Теперь и не припомню, что именно он говорил, но свой гнев он выказывал не только повышенными интонациями, но и активной жестикуляцией. Затем последовал вопрос:

- Вы комсомолец?

- Да, комсомолец.

Снова ругань, к которой примешивались слова, которые вы ни в одном словаре не найдете. Дальше я был проинформирован о том, что он непременно сообщит обо мне в райком комсомола как о защитнике кулаков. Это сообщение ничего хорошего мне не сулило. На моих глазах была разыграна сцена, когда человека, ничем себя не запятнавшего, чуть ли не сделали врагом народа. И только по счастливой случайности за этими угрозами не последовали репрессивные меры. Теперь трудно сказать, что помогло мне избежать ареста и заключения в тюрьму. Видимо, меня спасло то, что я был слишком молод, а репрессивному аппарату нужны были люди постарше, а значит, матерые «враги народа».

В 1936 году в стране произошло очень важное событие - был вынесен на всенародное обсуждение и, естественно, одобрение, проект Сталинской конституции СССР. Повсеместно проводились общие собрания, где граждане должны были принять самое активное участие. Разумеется, проект был обсужден народом и одобрен. Конституция была принята на сессии Верховного Совета СССР. На основе этой Конституции в стране развернулась грандиозная работа по подготовке к выборам в Верховный Совет СССР и местные Советы депутатов трудящихся. И даже в это самое время в стране продолжались репрессии в отношении руководящих деятелей партии и Советской власти. Аресты производились на всей территории тогдашней Чечено-Ингушетии. Эта участь не миновала и Саясановский район: был арестован председатель райисполкома Тимирсолта Басханов, заврайзо

Селим Кужуев. Оба были осуждены на десять лет как враги народа. Селим Кужуев провел в лагерях полный срок и вернулся, а Тимирсолта Басханов умер в лагере политзаключенных. Первому секретарю Саясановского РК ВКП(б) Магомеду Чапанову на тот момент удалось избежать ареста, так как его выдвинули на пост председателя окружной комиссии по выборам в Верховный Совет СССР. В состав Веденского окружного выборного округа входили Веденский, Саясановский и Ножай-Юртовский районы.

После того, как М. Чапанова избрали председателем окружной избирательной комиссии, мы глубоко вздохнули: удалось миновать арест, так как к избирательным комиссиям допускались только доверенные лица, исключительно верные партии работники. Но наши надежды оказались, обманчивыми. В конце 1938 года, сразу после окончания выборной кампании в Верховный Совет СССР и местные Советы, Магомеда Чапанова арестовали, как врага народа. По поручению НКВД ЧИАССР арест был произведен Ножай-Юртовским районным отделом НКВД.. Начальник РО НКВД со своими сотрудниками приехал к нему домой ночью, и человека, который только что занимал самый высокий пост в районе, пешком погнали в Ножай-Юрт. Позже стало известно, что он умер в лагере. Вот такое непредсказуемое и по-настоящему страшное было время.

По случаю хочу рассказать об исключительно благородном поступке одной юной особы из села Ачерешки тогдашнего Саясановского района. За этой девушкой ухаживал упомянутый мною выше ее односельчанин Селим Кужуев. Она дала обет не выходить замуж и ждать возвращения Селима из заключения, сколько бы ни прошло времени. И девушка сдержала свое слово. По возвращении Селима из лагеря, она вышла за него замуж, у них родились замечательные дети, которым они впоследствии дали отличное воспитание и образование.

После отбытия срока наказания по надуманному обвинению, Селим Кужуев работал по своей специальности в качестве главного зоотехника Саясановского районного сельхозуправления, затем - в Ножай-Юртовском районном управлении сельского хозяйства. Умер он несколько лет назад, уже будучи на пенсии. Это случилось в Нальчике, где Селим проживал в качестве беженца, пока на территории нашей республики продолжались военные действия.

На фото слева - Селим Кужуев. Снимок сделан в середине 70-х.

Летом 1938 года меня вместе с инструктором РК ВЛКСМ Сарали Камшаевым командировали в Ачерешкинский сельский Совет. Сарали был моим односельчанином и был порядком старше меня. Перед нами стояла конкретная задача - провести в комсомольских организациях собрания с целью разъяснения доклада Генерального секретаря ЦК ВЛКСМ А. В. Косарева на пленуме ЦК ВЛКСМ. Когда, выполнив это задание, мы вернулись в райцентр, то увидели такую картину: первый секретарь РК ВЛКСМ Петр Ефимович Кравцов снимал портрет А. Косарева со стены, так как тот уже попал в разряд врагов народа. Сам же Петр Ефимович был очень напуган - как бы и ему не пришили обвинение за связь с врагом народа М. Папановым. Дело в том, что последнее время проживавший в районе без семьи Магомед Папанов часто обедал у Петра Ефимовича, и это обстоятельство могло бросить тень на репутацию Кравцова.

В тот период в стране царил настоящая вакханалия - повсеместно проходили обсуждения с одобрением обвинительных заключений Генерального прокурора СССР А. Я. Вышинского по обвинению во вражеской деятельности многих честных и преданных партии и Советской власти работников высшего и низового эшелонов власти. Разумеется, и я, как комсомолец, принимал участие в этих собраниях. Люди, совершенно не искушенные в политике, и тем более, в юриспруденции, единогласно голосовали за одобрение обвинительных заключений Генерального прокурора страны.

В конце 1939 года я вступил в кандидаты в члены ВКП(б), а в апреле 1940 года меня приняли в члены партии. Это произошло до истечения годовичного кандидатского стажа - в отдельных случаях, по необходимости, ЦК ВКП(б) допускал такую процедуру, т. е. разрешал прием в партию досрочно до истечения установленного Уставом годовичного кандидатского стажа.

На прошедшем районном партийном собрании я был избран членом РК ВКП(б) по должности, так как в то время занимал пост первого секретаря РК ВЛКСМ. В тот период из-за малочисленности Саясановской районной парторганизации районные партконференции не проводились, и, следовательно, состав пленума не избирался, а были избраны члены РК ВКП(б) в количестве семи человек.

После прошедших в 1939 году выборов в Советы в районе проходили первые организационные сессии сельских Советов, где избирали состав исполкома и его председателя. Для проведения этих сессий РК ВКП(б) посылал в сельские Советы своих представителей. Кандидатуры председателей сельисполкомов, как правило, подбирал РК ВКП(б) и предлагал депутатам эти кандидатуры для избрания. Отступления от этих кандидатур не допускались ни в коем случае, если даже депутаты на этот счет имели свое мнение. Как сами видите, это обстоятельство являлось прямым нарушением демократических основ выборов. Но высказываться по этому поводу было опасно, и то, что у тебя в голове возникали некоторые крамольные мысли, могло выдать в тебе «врага народа». Поэтому мысли эти надо было хоронить тут же, не озвучивая.

Для проведения первой организационной сессии сельского Совета по избранию сельис- полкома и его председателя, районным комитетом ВКП(б) я был командирован в Эникалинский сельский Совет. Получилось так, что на своей сессии депутаты в качестве своего кандидата выдвинули Эсу Мусаева. А в качестве кандидата РК ВКП(б) значилось имя Якуба Исакова. Когда началось голосование, случился неожиданный казус: оба кандидата получили равные голоса. Решить что-то от себя я, как сами понимаете, не мог, поэтому пришлось обратиться за советом к тогдашнему первому секретарю РК ВКП(б) Джамалайле Муханову.

Пока мы ждали разъяснительную записку от партийного руководителя, работу сессии пришлось прервать до утра следующего дня. При этом я опрометчиво предупредил депутатов, что завтра они непременно должны проголосовать за того кандидата, за которого они голосовали сегодня. И при этом я сделал небольшое дополнение: если окажется, что голоса изменились, то мы будем считать, что их за ночь подкупили. И уже на следующее утро пожалел о сказанном.

Нарочный, посланный мною к Д. Муханову, вскоре вернулся с ответом. В записке на мое имя недвусмысленно предлагалось в обязательном порядке провести кандидатуру РК ВКП(б). Ситуация была тупиковая, но, как оказалось, не безнадежная. Дело в том, что накануне в работе сессии не принимал участие один депутат - секретарь местной комсомольской организации. Его голос мог решить судьбу кандидата Якуба Исакова. Я разыскал секретаря комсомольской организации и пригласил его к себе на беседу. Обрисовав обстановку, спросил его: За кого намерен голосовать утром?

Видя мое затруднительное положение, он ответил: Отдам голос за того, за кого вы скажете...

Таким образом на следующее утро с перевесом в один голос Якуб Исаков был избран председателем сельисполкома.

В связи с этим делом я сейчас вспоминаю еще одну деталь. Оказавшись в довольно непростой ситуации, я, помимо первого секретаря РК ВКП(б), обращался за помощью и ко второму секретарю РК ВКП(б) Еревенко, который проводил аналогичную работу в соседнем Ачерешкинском сельсовете. Однако он мне

На отдыхе

ответил, что ничем не может помочь, так как сам находится в еще худшем положении в связи с аналогичной проблемой. Впоследствии часть депутатов Ачерешкин-ского и Эникалинского сельских Советов написали заявления в Чечено-Ингушский обком ВКП(б) о том, что в их сельских Советах при избрании председателей сельисполкомов были допущены грубые нарушения в процедуре проведения выборов в органы Советской власти. Как и следовало ожидать, обком ВКП(б) прислал комиссию по проверке данных фактов. Комиссия подтвердила нарушения в проведении выборов. Позже на бюро обкома партии Еревенко был

снят с должности второго секретаря РК ВКП(б) и ему был объявлен строгий выговор по партийной линии. Меня, видимо, спасло то обстоятельство, что я выполнял прямое указание первого секретаря РК ВКП(б) Д. Мусханова.

Зимой, кажется, это было в январе 1939 года, по путевке ЦК ВЛКСМ я был направлен на курортное лечение в Крым. Санаторий находился в Крымской АССР в местечке Красный Мисхор, в бывшем царском имении Романовых. В это время я действительно нуждался в хорошем лечении и полноценном отдыхе, так как изрядно похудел, был истощен и морально, и физически. Санаторий находился на берегу Черного моря и, несмотря на зимний сезон, здесь было тепло. Здесь я впервые ощутил, что может означать понятие специальный отдых в санатории. Для обычных людей, которые все дни своей жизни с раннего утра и до позднего вечера трудились в поте лица, это понятие было неведомо.

Я рано утром вставал, завтракал со всеми, ходил на процедуры и празднично проводил время, любясь морскими просторами, непривычными для меня зелеными насаждениями, которыми обилела природа Черноморского побережья. Когда срок моей путевки стал приближаться к концу, главный врач санатория, профессор медицины, пригласил меня к себе и сказал:

От стоимости вашей путевки еще остаются неиспользованные деньги. Если вы пожелаете, я могу вам продлить пребывание в санатории еще на пятнадцать дней и сообщу в ваш обком комсомола, чтобы вам продлили срок отпуска.

От этого, безусловно, полезного для меня предложения я сразу отказался. Если честно признаться, причиной тому был мой гардероб - он был беден, и при этом вещей я взял с собой очень мало - только самое необходимое. Ранее ни разу не бывавший на курортах, я представления не имел, что с собой брать и сколько. Собираясь в дорогу, подумал: «Ну что там месяц. Он пролетит очень быстро - зачем мне возить с собой ворох одежды?».

Когда прибыл на место, сразу обратил внимание на то, с какими огромными чемоданами приезжали отдыхающие. А когда они каждый день стали появляться в новых нарядах, тут я здорово начал комплексовать. Это обстоятельство меня очень тяготило, и я почувствовал определенный дискомфорт. Деньги, конечно, у меня были. И я рассчитывал там, на месте, купить себе сапоги или туфли. Но это оказалось невозможным, потому что ни в магазинах, ни на местном рынке нужного мне товара в продаже попросту не было. Я даже ездил на рынок в Симферополь, столицу Крымской АССР, в надежде найти там приличную обувь, однако, и здесь поиски оказались безуспешными.

Я не знаю, как подсчитывали в крымском санатории расходы на мое пребывание там, и где главный врач «нашел» еще пятнадцать дней, на которые можно продлить путевку. После самой первой поездки на курорт я много раз бывал на отдыхе. Это были Минеральные воды, курорты Краснодарского края, Армении, отдыхал в Нальчике, но нигде и никогда мне не предлагали продлить срок путевки, а, наоборот, всегда спрашивали, когда я собираюсь уезжать. Этот, на первый

взгляд, незначительный факт из моей жизни мне надолго запомнился своей уникальностью.

Однако, позволю себе снова вернуться к тому периоду своей жизни. В годы моей ранней юности с одеждой было тяжело, и стоила она очень дорого. Продукты питания относительно были дешевыми. К примеру, килограмм баранины на рынке стоил два рубля пятьдесят копеек.

Работая первым секретарем райкома комсомола, я получал в месяц пятьсот рублей. За половину этих денег можно было купить рабочего быка. Следовательно, за годовую зарплату в шесть тысяч рублей я имел возможность купить двадцать четыре быка.

Припоминаю еще некоторые детали. Так, коверкотовый костюм я купил в комиссионном ларьке в городе Грозном за шестьсот рублей. А каракулевые шапки, сапоги из кожи, серебряные пояса были недоступны многим людям из-за их дороговизны.

В 1940 году военным комиссаром в Саясановском районе был Хамид Денилов. Это был человек жесткий и властный. При этом свою власть над людьми он показывал демонстративно. Он и призвал меня в Красную Армию без экстренной на то необходимости. На службу также отправились народный судья района Хусейн Улубаев, исполняющий обязанности прокурора района Парчиев, следователь прокуратуры района Шамилев, а также судебный исполнитель и другие служащие. Этим военный комиссар района вольно или невольно давал понять, что ему все дозволено.

Вскоре нас вместе с другими призывниками погрузили в вагоны и железной дорогой из Грозного отправили в Ленинградский военный округ. Прибыв в город Батайск, где в то время располагался перевалочный пункт, наш эшелон сделал остановку. Здесь же размещалась военная медчасть. По радио нам объявили, что те, кому необходима медицинская помощь, может обратиться в этот самый медпункт.

Со мной вместе были призывники из моего района, где я работал первым секретарем райкома комсомола. Все они состояли на учете в районной комсомольской организации. Они попросили меня пойти с ними в медицинскую часть в качестве переводчика, так как плохо владели русским языком.

Я отправился с ними в медпункт и переводил жалобы молодых людей на состояние здоровья. Прием проводил военный врач II-го ранга Акоюн. После окончания приема пациентов, Акоюн спросил меня, кем я работал до призыва. Я ответил, что работал первым секретарем РК ВЛКСМ. Тогда он сказал:

- Вы думаете, вам в армии будет лучше, чем на посту секретаря райкома комсомола? Вы там будете рядовым солдатом. Об этом вы задумывались?

На что я ответил:

- Ну, что ж, сначала буду рядовым, а потом видно будет. Я привык трудиться. Может, и воинское звание получу. Все будет зависеть от моих способностей...

После этого разговора он попросил своего помощника измерить мне температуру. Она оказалась несколько выше нормы. Был разгар лета. В Батайске стояла сильная жара, от которой негде было укрыться. Нигде не было холодной воды. К услугам призывников был только кипяток. Видимо, это обстоятельство и способствовало тому, что градусник зашкаливал за отметку допустимых тридцати шести и шести градусов.

Взглянув на градусник, военврач Акоюн сообщил, что у меня высокая температура

Налицо признаки малярии. В таком состоянии я не могу отправить вас в воинскую часть. Отправляйтесь-ка вы первым же поездом обратно, к себе домой.

Естественно, я стал ему возражать. Я попытался ему объяснить, в каком положении могу оказаться, вернувшись вот так, без каких-либо документов. Я сообщил ему, что не только возглавлял районную комсомольскую организацию, но также являюсь членом партии.

Такой поступок может бросить тень на мою репутацию и меня могут обвинить в уклонении от службы в армии, - добавил я, делая акцент на последнем обстоятельстве.

Тогда врач вырвал из блокнота клочок бумаги и написал, что призывник Асталов А. А. с высокой температурой направляется обратно, в распоряжение райвоенкомата, и поставил свою подпись - военврач второго ранга такой-то. Вручив мне эту бумажку, он произнес: Идите к вашему старшему сопровождающему, заберите у него свое личное дело и уезжайте назад.

Я объяснил ситуацию старшему сопровождающему сотруднику республиканского военкомата Домбаеву, и, показав врачебную бумажку, сообщил ему: Меня врачи отправляют обратно, вот соответствующая бумага. Мне предложено забрать личное дело для предъявления в райвоенкомат по прибытии в район. На что получил ответ о том, что личных дел призывников у него нет - они отправлены в Ленинградский военный округ. Домбаев также сказал:

Тебе надо будет вместе со всеми доехать до Ленинграда - там будет окончательная медицинская комиссия. Если эта комиссия тебя забракует, вернешься обратно.

Потом, повременив, наш сопровождающий нахально, с убийственной улыбкой добавил:

Если бы ты еще в Саясане сказал, что не хочешь служить в армии, мы бы тебя оставили дома.

На что я ему ответил:

Если бы я вам сказал, что не хочу служить в армии, то вы немедленно побежали бы в райком партии и там заявили бы, что я уклоняюсь от службы в армии, и этим оскорбили бы меня.

После всех этих словесных препирательств я все-таки решил доехать до места назначения. Потом, до отправки эшелона по назначению, прогуливаясь во дворе медчасти, я встретил того самого военврача. Он поинтересовался, почему я до сих пор не уехал обратно. Я ему объяснил ситуацию, связанную с моим личным делом.

Ваше личное дело из Ленинграда вернут в ваш райвоенкомат, когда выяснится, что вы не прибыли на место. Езжайте немедленно первым же попавшимся поездом обратно, - ответил военврач.

Одновременно он поручил своему помощнику проследить за моим возвращением в Грозный, так как сам он уезжает по делу и не будет на месте. Таким образом военврач настоял на том, чтобы я вернулся назад.

Отсюда на автобусе я приехал в Ростов. По обедав в железнодорожном кафе, сел на поезд и поехал домой. Прибыл я на станцию Хасав-Юрт. На вокзале встретил начальника второй части нашего райвоенкомата Джабраила Дербишева - он возвращался домой из Грозного и ждал прибытия из Саясана конюха с верховыми лошадьми военкомата. Джабраил поинтересовался, почему я здесь. Я объяснил ему, что отстал от поезда. Он отреагировал на это положительно и сказал:

Как бы то ни было, хорошо, что вернулся.

Я специально не стал ему говорить о том,

что меня вернул обратно военврач: хотелось проверить его реакцию на мое возвращение.

Я собирался позвонить в РК ВЛКСМ, чтобы за мной выслали запасную лошадь, но Джабраил предложил отправиться домой на его лошадях, прибытия которых он сейчас ожидал.

Так и сделали. Через некоторое время верхом на лошадях мы оказались в райцентре Саясан. Я сразу же с бумагой от военврача Акопяна отправился к военкому района Х. Денилову, который тут же направил меня к главному врачу райбольницы для лечения. Главврач же сказал мне:

Честно говоря, я не знаю, от чего вас лечить. Идите-ка вы домой.

Так закончилась моя армейская жизнь.

В связи с этим хочу заметить, что я никогда не верил знахаркам, ворожеям, колдунам и прочим предсказателям, но оказалось, что моя мать тайком от меня вместе с матерью моего дальнего родственника Хасана Кадиева сразу после нашего отъезда побывала у знахарки. Предсказательница, имя которой я запомнил, проживала в селе Гуни Веденского района. Обе матери хотели узнать о дальнейшей судьбе своих сыновей.

Впоследствии мама рассказывала, что та знахарка сразу сообщила о том, что я вернусь домой, не доехав до места назначения, и что в будущем стану полезным для людей человеком. А вот Хасана она представила менее удачливым человеком. По ее предсказаниям, он должен был доехать до места назначения, отслужить в армии, но, как она сказала, «домой не вернется».

Не знаю, было ли это совпадением или нет, но предсказания той знахарки сбылись: меня, как я уже писал, с пути вернули обратно, а Хасан доехал до места назначения и пропал без вести во время Великой Отечественной войны. И тогда, и сейчас это обстоятельство заставляет меня думать о том, что какая-то сверхъестественная сила заставила военврача Акопяна, армянина по национальности, настоять на том, чтобы я вернулся домой. Наверное, судьба сжалась над моей матерью, для которой я был единственной опорой в жизни.

Тогдашний первый секретарь Саясановского РК ВКП(б) Магомед Тагаев пытался отстоять меня как комсомольского вожака и не оголять руководство районной комсомольской организации. Он созванивался с первым секретарем Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) В.А. Ивановым и просил помочь с отсрочкой моей службы в армии. Как мне стало известно, В. А. Иванов сказал М.Тагаеву, что он не может ничего сделать, ибо служба в армии - обязанность всеобщая, и касается каждого гражданина СССР призывного возраста. При этом он посоветовал: Если можешь, договаривайся с военкомом района.

Договориться с Дениловым Тагаев не смог.

После возвращения я как-то встретился с Дугу Канзиевым, который в тот период занимал пост заведующего районо. Он предложил мне занять должность директора школы-интерната. Я согласился. Но работать там мне пришлось не более двух месяцев, так как вскоре меня пригласил первый секретарь РК ВКП(б) Магомед Тагаев и предложил вернуться на прежнюю работу. Таким образом я снова занял пост первого секретаря РК ВЛКСМ - до июня 1942 года, пока меня не забрали на партийную работу в качестве заведующего отделом пропаганды и агитации РК ВКП(б).

В 1943 году я был командирован на двухмесячные курсы идеологических работников райкомов и горкомов партии Северного Кавказа и Закавказья. Курсы были организованы ЦК ВКП(б) и проходили в столице Грузии Тбилиси. Обучение я прошел на хорошо и отлично. По возвращении с курсов продолжил работу, находясь на своей должности.

В том же году меня пригласили в обком партии на собеседование на предмет выдвижения моей кандидатуры на должность секретаря РК ВКП(б) по кадрам. И здесь я хочу чуть-чуть приоткрыть завесу над невидимыми для посторонних глаз интригами, которые могли рождаться на совершенно безобидном пространстве.

Когда случился звонок из обкома, я болел ангиной. Хотя эта хворь в течение двух-трех дней могла полностью исчезнуть (знаю по опыту), меня для обкомовцев представили, как человека тяжело больного и чуть ли не доживающего последние дни на этом бренном свете. И тут с подачи заведующего районо Д.Канзиева партийный руководитель районо М.Тагаев предлагает на упомянутую должность кандидатуру Абдулали Паталиева - инспектора районо. Как потом выяснилось, некоторым руководителям районо, и в первую очередь Д. Канзиеву, оказывается, очень не нравилось мое быстрое продвижение по службе. При этом сам Канзиев был человеком малограмотным и держался на плаву в качестве заведующего районо исключительно благодаря своим организаторским способностям.

Такой поступок нашего партийного лидера меня серьезно задел, и я немедленно написал заявление с просьбой освободить меня от партийной работы в связи с «плохим здоровьем». Видя, чем вызвано такое заявление, меня пригласили на бюро обкома ВКП(б) и на предстоящей районной партийной конференции рекомендовали мою кандидатуру на пост секретаря по кадрам Чеберлоевского РК ВКП(б).

На том же бюро первым секретарем РК ВКП(б) был рекомендован Халим Рашидов, который, кстати, был намного старше меня. Тут же, на бюро, я попросил слова и сказал: Прошу вас не рекомендовать меня на эту должность, так как мне нет никакого резона с моим плохим здоровьем из одного горного района перебираться в еще более высокогорный Чеберлоевский район. На эти мои слова отреагировал первый секретарь обкома ВКП(б) В. А. Иванов: Здоровье надо укреплять. И работать надо.

После заседания бюро я сразу же позвонил первому секретарю Саясановского РК ВКП(б) Юленкову. Его в наш район прислали из ЦК ВКП(б). Для уточнения: в то время всех первых секретарей-чеченцев заменили на русских - это было этакое завуалированное недоверие к местным первым руководителям районо. Итак, я известил Юленкова о том, что мне предлагают поехать в Чеберлоевский район на работу в качестве секретаря РК ВКП(б) по кадрам. Я дал понять, что данное решение меня не устраивает.

Юленков на мое сообщение отреагировал следующими словами: Откажись. У обкома партии к тебе претензий не будет.

Он пообещал дать мне хорошую работу на месте, у себя в районе. После этого разговора я осмелел и вернулся домой. И все равно на душе было беспокойно. Чтобы оправдать свое отсутствие на районной партийной конференции в Чеберлоеве, мне пришлось взять больничный лист. Эту услугу мне оказал главный врач райбольницы. Я тут же дал телеграмму в Чеберлой, и предупредил, чтобы меня там не ждали. Также телеграммой проинформировал и обком партии. Таким образом, я отделался от предложенной мне почетной должности в Чеберлоевском районе.

Перед этим у меня состоялся любопытный разговор с Решидовым, рекомендованным на пост первого секретаря Чеберлоевского РК ВКП(б). Заметив, что я еще очень молод, и притом еще одет в гражданский костюм и фуражку, он сказал мне: Когда будешь ехать на районную конференцию, надень большую чеченскую папаху. Надеюсь, ты знаешь, куда мы едем?

Я, в свою очередь, ему ответил: Не беспокойтесь - меня в Чеберлое вы не увидите.

Он удивился: Как это так? Тебя же на бюро обкома партии утвердили! Ты что, с ума сошел? Надо было там же, на бюро, предупредить, что ты не желаешь ехать на работу в Чеберлой.

Пришлось наполнить Решидову который так же, как и я, присутствовал на бюро обкома партии, что я сразу же, как только прозвучала моя фамилия, попросил оставить меня на прежней работе в Саясановском районе.

В ноябре 1943 года меня назначили заместителем председателя райисполкома. В моем ведении находились вопросы государственного обеспечения семей военнослужащих. Это была номенклатурная должность, и поэтому меня пригласили в обком партии на утверждение на этот пост.

Я, конечно, опасался, что на бюро мне при помнят мой отказ ехать в Чеберловский район. Однако об этом разговор не зашел, и вся процедура по утверждению меня на эту должность прошла спокойно, без каких-либо эксцессов. Правда, был один момент, напомнивший мне о моем невольном «грехе»: когда я зашел в зал заседания, секретарь обкома партии по кадрам Лисов заговорщически улыбнулся и промолчал. «Пронесло», - подумал я в ту минуту.

В этой должности я проработал вплоть до дня выселения чеченцев и ингушей 23 февраля 1944 года.

Мое повествование было бы неполным, если я не упомяну здесь о своем «знаменитом» односельчанине Абдулле Орцуеве. Это был мужчина редкой непривлекательной наружности: низенького роста, среднего телосложения, темнокожий, с грубым, громким голосом. По натуре он был большим комиком. Тот, кто не был с ним знаком, встретив Абдулла где-нибудь по дороге, мог запросто испугаться, посчитав, что он встретил шайтана во плоти. Плюс ко всему он часто шастал по селу, пугая детей вывернутыми наизнанку глазами веками.

В течение года наш доморощенный комик менял внешность несколько раз. Он то бороду отпускал (кстати, она у него на редкость быстро росла - в течение трех-четырех месяцев становилась примерно такой же, как у старика Хоттабыча), и с этой благообразной черной бородой он поочередно вливался в ряды разных религиозных течений - становился то мюридом Янарсы, то примыкал к «зикристам», или примыкал еще к кому-нибудь.

Он также участвовал в различных религиозных обрядах, в том числе и в похоронах. В Гордали имелись несколько сект мюридов: мюриды Янарси, мюриды Чиммирзы, мюриды Авди. Последних было несколько семей. Они из своего ежегодного урожая грецких орехов половину отвозили в село Автуры наследникам Авди в качестве пожертвования. Иногда наш Абдулла примыкал к группе, ведущей вольно-праздный образ жизни. Им не чуждо было курение табака, употребление спиртных напитков и т. д.

Однажды Абдулла, напившись допьяна и усевшись верхом на ишаке, задумал напоить животное из родника, водой которого пользовалось целое село. Но, к несчастью, ишак поскользнулся и плюхнулся вместе с седоком прямо в родник. Незадачливого лицедея вытащили из глубокого родника вместе с ишаком оказавшиеся неподалеку сельчане. После очередного «подвига» Абдуллы Орцуева людям пришлось очищать родник, ведрами вычерпывая воду. Чтобы родник полностью очистился, эту процедуру пришлось проделать несколько раз. Это происходило недалеко от сельской мечети. Родник пробивался из земли недалеко от задней стены мечети. Мечеть была большая, просторная, ее стены были выложены из жженного кирпича, который в свое время привезли из Г розного на

гужевом транспорте Находилась мечеть в центре села и была построена на пожертвования сельчан.

Как я уже говорил, Абдулла был большим комиком. Своими абсолютно непредсказуемыми действиями он веселил людей, заставляя их чуть ли не кататься по земле в приступах смеха. Он устраивал сценки, имитирующие картинки из жизни, искусно копировал людей, мастерски подражая кому-нибудь из сельчан. Абдулла был своего рода местной знаменитостью. Его хорошо знали и за Терек, и в окрестных горных селах, где он часто появлялся.

Бывало, иногда он выдавал себя за шейха. Однажды Абдулла оказался в Чеберлое. Как только тот ступил на территорию села, в округе распространился слух о том, что у них гостит шейх из Гордали. Сюда стали стекаться люди из окрестных сел, чтобы воочию увидеть шейха, послушать его проповеди, задать ему вопросы. Они одаривали Абдуллу подарками, снабжали продовольствием.

Рассказывали, как к «шейху» привели беременную женщину и попросили его определить, кто у нее родится. Он, не спеша, осмотрел ее сначала спереди, затем сзади, и сказал: Когда смотрю на нее спереди, я вижу мальчика, а когда смотрю сзади, вижу девочку, а на самом деле у нее родится тот, кого пошлет Аллах.

Когда «шейх» засобирался домой, чеберловцы собрали для него солидные пожертвования: сушеные бараньи курдюки, сушеное мясо, домашние колбасы, топленое масло, выделанные овечьи шкуры и многое другое. Все это погрузили на арбу, запряженную рабочими волами, и доставили в село Дарго Веденского района. Через некоторое время жители Дарго, в свою очередь, с такими же почестями отправили Абдуллу домой, в селение Гордали.

Дело было летом. Ярко сияло солнце и установилась сильная жара. Во время своего очередного вояжа по горным селениям Абдулла остановился в Харачое, что в Веденском районе, и тут же отправился в мечеть. Это было в пятницу, и люди собрались на полуденный намаз. Вскоре Абдулла во всеуслышание объявил, что сегодня после обеда случится сильный ливневый дождь, сопровождаемый грозами. Он также провозгласил, что будет большое наводнение, которое принесет огромный ущерб хозяйствам, будут жертвы, погибнет не только скот, но и люди. Те, кто слышал это сообщение, скорее всего, отнеслись к этому скептически, поскольку ничего предвещающего подобной беды, судя по установившейся погоде, не было.

Но, к всеобщему удивлению, произошло то, что предсказал Абдулла. Пошел сильный ливневый дождь с грозами, вышли из берегов реки, которые унесли много скота, были и людские жертвы. Таким образом, и чеберловцы, и харачоевцы твердо уверовали в святость Абдуллы. С этого дня у новоявленного шейха была репутация предсказателя, и его, кроме как «шейхом из Гордали», и не называли. После того случая в нашем селе часто стали появляться жители из высокогорных сел, и каждый спрашивал дом, где проживает шейх Абдулла.

Однажды я допустил большую оплошность, за которую потом очень пожалел. Получилось так, что я совершил необдуманый поступок, не учтя возможные последствия. И это обстоятельство, не поверите, было связано с Абдуллой Орцуевым. На тот период я работал секретарем сельского Совета. В один из очередных рабочих дней июля 1937 года я вышел с работы в обеденный перерыв, и в сельском магазине встретил Абдуллу. Он мне, то ли в шутку, то ли всерьез, сказал: Если ты купишь мне пол-литра, то я, на одном дыхании, не отрываясь от горлышка, выпью ее. Согласен?

Я согласился и купил ему пол-литра водки. Не поверите, но он действительно на одном дыхании выпил эту бутылку водки без всякой закуски. Немного погодя, он опять предложил поставить ему еще пол-литра водки, взяв прежние обязательства,

но уже с некоторой поправкой - с переводом дыхания на полпути, т. е. дать возможность оторваться от горлышка, выпив половину содержимого бутылки, и дать в качестве закуски один комочек кускового сахара. Я был заинтригован, и поэтому согласился купить ему еще одну поллитровку водки. Он же в точности выполнил это условие и выпил вторую бутылку. По окончании этой процедуры у меня закончился перерыв, и я ушел на работу. После обеда в сельский Совет пришел мой дальний родственник Сайда Баймирзаев, которому я предложил: Давай, сходим, проведем Абдулла. Когда мы с Сайдой приблизились к дому Абдуллы, услышали душераздирающий вопль его матери. Старуха Забаат, встав посреди двора, громогласно проклинала того, кто до такой степени напоил ее сына, и просила Аллаха уничтожить этого злодея.

Я не стал признаваться, что это по моей вине Абдулла напился до беспамятства. Признаюсь, я испугался, что эти проклятия теперь уже обретут конкретного адресата, и наравне с именем горького пропойцы Абдуллы будут называть и мое имя. В конце концов, я только угостил его водкой, поддавшись на его предложение поучаствовать в таком достаточно экстравагантном споре. Но больше всего в эту минуту я боялся, что Абдулла может умереть. В этом случае его родственники могли мне объявить кровную месть, а Абдулла из шута и пропойцы мог превратиться в сущего ангела, которого сгубили злодеи. Абдулла лежал в комнате осунувшийся, весь бледный. Его время от времени рвало. Словом, шутнику и балагуру Абдулле было очень худо. Так он пролежал более двух недель. А я, тем временем, молил Всевышнего о его выздоровлении. Таким образом, из-за безобидного спора Абдулла чуть не лишился жизни А я получил хороший жизненный урок.

Социализм построить, конечно, можно, но для этого надо выбрать страну, которую не жалко.

Отто фон Бисмарк

В 1930-х годах на территории Чечни существовал некий отряд во главе с командиром Мазлаком Ушаевым. Сам он был из селения Ведено. В составе отряда были в основном жители этого района, и, следует заметить, преобладали мужчины достаточно пожилого возраста, ранее занимавшиеся кражами домашнего скота, в том числе и лошадей. Основная задача, поставленная перед отрядом, была борьба с бандитизмом и кражами скота.

Мазлак Ушаев был наделен НКВД СССР такими широкими полномочиями, что без суда и следствия мог расстреливать людей, подозревавшихся в бандитизме и краже скота и коней. Эти действия он оправдывал тем, что тот или другой расстрелянный попал под пули при попытке к бегству. Дальше составлялся соответствующий акт, и случай расстрела таким образом узаконивался. Схема была очень простая: человека расстреливали, и на этот случай составлялся акт, словно на списание погибшего животного.

Были и другие меры воздействия на людей. Например, их обязывали ежемесячно приходиться в органы НКВД и расписываться, тем самым подтверждая свою явку в означенную структуру. Так, ежемесячно пешком из села Гордали в город Грозный вынужден был ходить и мой дядя Халим Эслоев. Он не был ни бандитом, ни скотокрадом и ни конокрадом. Его вина была в том, что он иногда принимал гостей из этой категории людей, ибо он по чеченским обычаям и традициям не имел права отказать в гостеприимстве любому, кто постучится в его калитку.

Мазлак Ушаев использовал Абдуллу в своих целях как шутника-балагура. Однажды М. Ушаев отправил его в качестве нарочного с донесением в НКВД города Гудермеса. По дороге около села Бачи-Юрт его поймали бандиты, отобрали пакет с донесением, и, поддав пинка, повели куда-то, намереваясь расстрелять.

Очевидцы рассказывали, что, когда его уводили, Абдулла принялся кричать. При переводе на русский язык его слова не могут передать истинный смысл сказанного, так как в чеченском языке есть устоявшиеся понятия, имеющие очень колоритную окраску. И, тем не менее, приведу здесь перевод этих слов на русском языке, а для того, чтобы чеченский читатель мог понять смысл сказанного, в скобках отмечу эти слова на чеченском языке. Итак, бедный Абдулла орал:

О-о-о, Аллах, уводят твоего козла! О-о-о, Ушаев, уводят твоего помощника! Не дайте им увести меня! *(Во-о-о, Аллах! д1аюьгуш ю хьан бож! Во-о-о, Ушаев, д1авуьгуш ву хьан г1оьнча! Со д1а ма вигийта хьаьрга!)*.

Видимо, бандиты, когда узнали, что из себя представляет Абдулла, решили отпустить его.

Однажды у Мазлака Ушаева спросили, почему его отряд состоит из бывших конокрадов. Он, говорят, ответил: Какая мне разница: мы выстрелим - попадем в бандита, а когда они выстрелят в нас, тоже попадут в бандита.

Летом 1940 года райком партии направил меня в качестве руководителя делегации в Москву, на ВДНХ. Делегация состояла из животноводов, среди которых в основном были пожилые женщины-дойрки из колхозов района. В качестве помощников руководителя делегации в составе нашей команды в Москву поехали инструктор РК ВКП(б) Умар Баснакаев и зав. райзо Хасмагомед Межидов. Мы по железной дороге отправились в путь со станции города Гудермес.

По прибытии в Москву нас определили в гостиницу «Украина». График мероприятий был составлен таким образом, что члены делегации днем посещали выставочные павильоны, а вечером возвращались в гостиницу. Когда я уходил, я предупредил членов нашей делегации, чтобы они без меня никуда не отлучались. Я беспокоился, что, отправившись в город без провожатого, они запросто могли заблудиться в таком большом мегаполисе, как Москва.

В один из дней я отправился на столичный рынок с целью приобрести себе материал для костюма. К счастью, я очень скоро нашел нужную мне шерстяную ткань и стал пробираться к выходу. И тут, на рынке, я увидел свою делегацию во главе с Умаром Баснакаевым. Спрашиваю их: Как вы сюда попали?

Они мне в ответ: Приехали на такси.

Я сразу понял, в чем дело: они оставили такси возле рынка, пока будут отовариваться. Такси, конечно, стояло. Счетчик выбивал тарифные копейки, успешно складывающиеся в рубли. Оказывается, мои горе-делегаты думали, что за время стоянки такси плату не берет. Когда я узнал об этом, я сказал Умару Баснака еву: Немедленно собери людей и отправляйся в гостиницу. Иначе останетесь без рубля в кармане. И они вернулись в гостиницу. Отовариться они, конечно, успели, но несколькими днями позже.

Был еще один интересный момент. Когда я с делегацией прибыл на железнодорожную станцию города Гудермес для дальнейшего следования в Москву, я встретил здесь Шайха Сайгатова, который был двоюродным братом моего отца. Вместе с ним был и его родственник по матери. Они ни словом не обмолвились о том, что едут в Москву. Когда мы уже были в Москве, я их встретил в универсаме - они делали покупки: ситец, сатин, фланель и другое. Все это предназначалось для перепродажи. Этим они зарабатывали себе на жизнь.

Почему вы не сказали мне, что едете в Москву? - спросил я у них.

Я сказал им, что мог бы помочь им в приобретении билетов на поезд. В тот период с билетами на Москву было очень туго, так как пассажиров на поезд было предостаточно, и мест не хватало. Сайгатов мне сказал, что они не хотели, чтобы я узнал о том, что они едут в Москву за покупками.

Как-никак ты руководящий работник района, - попытались они сгладить неловкое положение.

Выходило, что он перестраховался, так как в то время была развернута жесточайшая борьба со спекуляцией. Это была известная предосторожность с их стороны. И это была еще одна примета того времени - даже родственники не доверяли друг другу, опасаясь, как бы кто не донес на них в органы НКВД.

А сейчас я поведаю вам о случае, который чуть не погубил меня. Села Гордали и Бас-Гордали разделяет маленькая речка, называемая Ахк. Начало речка берет с горного гребня близ села Центарой. Вода в речке поддерживается многочисленными маленькими ручейками, стекающими в ее русло с обоих склонов. Ручьи образуются в основном за счет продолжительных ливневых дождей весной и осенью. Зимой речка замерзает и покрывается ледяной коркой. Летом, в засушливое время, река мелеет, и русло практически становится сухим.

В 1933-м, а может быть, и годом позже, во время продолжительных ливневых дождей произошли сильные оползни с обоих склонов ущелья, в результате чего русло реки перекрылось и образовалось маленькое, но достаточно глубокое водное пространство, напоминающее небольшое озеро. В этом озере купались и взрослые, и дети, несмотря на то, что вода здесь была мутная. Из-за того, что поблизости не было других рек и водоемов, пригодных для купания, здесь в теплые летние дни было довольно многолюдно.

Я тоже не был исключением и часто ходил на это озеро купаться, вернее будет сказать, барахтаться и плескаться в мелководе, так как не умел плавать. Но однажды получилось так, что я чуть было не утонул. На озере в тот день купался мой дальний родственник по матери Цуцу Витаев, который был намного старше меня и умел плавать. Я поинтересовался у него, где можно искупаться, не опасаясь утонуть.

Иди по краю озера - там не глубоко.

Приняв эту информацию к сведению, я пошел по краю водного полотна и неожиданно провалился в глубокую яму. Вынырнув из воды, я попытался

выбраться на берег, но склон был настолько скользким, что я неоднократно сползал обратно в воду и уже начал глотать грязную воду и барахтался из последних сил, стараясь не утонуть. К моему счастью, в это время меня заметил сидевший неподалеку на берегу наш односельчанин Алаудин Хомчуев, который моментально нырнул за мной и вытащил на берег. Тем самым он спас мне жизнь. После того случая, я, естественно, перестал ходить купаться на это озеро.

В годы Советской власти, как и по всей стране, в нашем районе отмечали такие праздники, как День весны и мира Первое мая, годовщина Октябрьской Революции и другие. Готовясь к этим праздникам, разворачивались социалистические соревнования, принимались повышенные соцобязательства. К Первому мая заканчивали весенний сев, к октябрьским праздникам, как правило, завершали уборку урожая.

К октябрьским праздникам в села обычно командировали работников райкома партии и райисполкома с докладами о значении Великой Октябрьской революции, свершившейся в СССР. Как известно, в первые годы Советской власти кадры в райкомах партии в своем большинстве были малограмотные. В Ачерешкинский сельсовет был командирован инструктор райкома партии Садик Устарханов, который был родом из Веденского района. Парторгом в селе был Ахмад Хабаев из селения Центарой.

Оба они были малограмотными, но обладали хорошими организаторскими способностями. Как-то в этом селе проводили собрание, посвященное октябрьскому празднику. С докладом на тему «Великая Октябрьская Революция» выступил Садик Устарханов. Доклад был, прямо скажем, очень скучным и неинтересным. С.Устарханов, сказав несколько слов об Октябрьской революции, сразу же перешел к знакомой ему теме, то есть стал рассказывать о текущих делах на селе, и на этом закончил доклад.

В сельской школе работали достаточно образованные учителя, некоторые состояли в партии. Среди них припоминаю фамилии Эльмурзаева и Датагаева. Они-то и стали задавать вопросы докладчику. Это было сделано специально - кому, если не учителям, знать, насколько компетентен выступавший перед аудиторией докладчик. Они пытались загнать Устарханова в тупик, задавая, на мой взгляд, вполне безобидные вопросы, в частности, касающиеся международного положения на тот период.

Им удалось задуманное, и докладчик ничего более умного не придумал, кроме как заслониться следующим ответом: Меня райком послал к вам сделать доклад об Октябрьской революции, а не отвечать на ваши вопросы.

Когда все разошлись, Устарханов спросил у парторга Хабаева, правильно ли он ответил на вопросы. Тот его заверил в том, что он совершенно правильно отреагировал на нападки учителей, на что Устарханов задумчиво произнес: Если бы я отвечал на такие вопросы, меня давно бы отправили туда, откуда люди не возвращаются. *(Оцу тайпанчу хаттаршна аса жоп луш хиллехь, со тоххара т/епаза вайи на хир вара).*

В райцентре людей собрали на очередной первомайский праздник. На маленькой площади из досок соорудили трибуну. И вот с этой трибуны собравшихся на Первомай приветствовали руководители района. После торжественной части отдельным представителям трудящихся вручали ценные подарки. В основном ценными подарками были поощрены руководящие работники района, как правило, партийные и комсомольские вожаки.

После окончания процедуры награждения, вдруг из толпы раздался крик жителя села Исай- Юрт Автахаджи. Смысл сказанного был таков: «А косарю -

рукою к косы в мягкое место!» (*Мангалхочунна мангалан г1олу яха*). За эти слова Автахаджи моментально забрали работники НКВД, посадили в КПЗ и держали там три дня, пока первый секретарь РК ВКП(б) Магомед Чапанов не распорядился отпустить его.

Во время торжественной части М. Чапанов пригласил на трибуну Магометхаджи Джаватханова из села Саясан. Он был совершенно слепой.

Чапанов объявил, что сейчас будет говорить Махматхаджи, некогда служивший в знаменитой Дикой дивизии. Еще при царской власти в ее составе он с боями дошел до Австрии и Венгрии. Это произошло во время австро-венгерских событий.

Магометхаджи расскажет нам, как люди жили при царской власти, и как живут теперь, при Советской власти, - провозгласил первый секретарь райкома, обращаясь к участникам праздника.

М. Джаватханова за руку подвели к трибуне и он начал свою речь. Он сообщил, что при царской власти для управления селами подбирали наиболее авторитетных, уважаемых и имеющих приличное состояние людей. Их поддерживали, слушались и почитали, а потому и дела шли хорошо. А сейчас сельскими главами на местах ставят людей никому неизвестных, не имеющих уважения со стороны жителей, плешивых, доносчиков и стукачей, у которых в доме нет даже хлеба, чтобы прокормить семью, а посему их не слушаются и их не поддерживают, соответственно, и дела на селе продвигаются весьма плохо.

М. Чапанову, естественно, такая речь не понравилась, и он вскоре оборвал выступающего: Хватит, Махматхаджи! Достаточно! Сойди с трибуны!

Выступающий, в свою очередь, позволил себе такую реплику: Я, конечно, сойду с трибуны. Вам не нравится, когда говорят правду. Поэтому вы спешите снять человека с трибуны!

Разговор шел на чеченском языке, и поэтому я позволю себе передать слова Махматхаджи Джаватханова на родном языке: *«Паччахьан заманахь юьртда х1оттаво ра наха лоруш верг, сийдолуш верг, ц1ахь яа сискал ерг, цуьнга наха ла а дуг1ура, 1едалан г1уллакх д1а а доьдура. Ткъа х1инца муха ду? Х1инца уггар сийдоцург, чери к1унзал берг, ц1ахь яа сискал йоцург юьртан куьй галле д1ах1оттаво. Цуьнга наха ла а ца дуг1у, 1едалан г1уллакх д1а а ца доьду.*

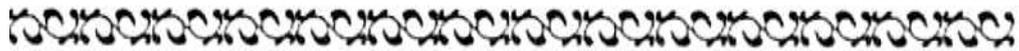
И къамел хаза ца хеттачу Чапановс элира:

Товар ду, Махьматхьяьжа, ахь дийцинарг. Х1инца охьявосс.

Х1аь, вуссур ву дера, бакьдерг аьлча х1окху т1ера охья вossa во! - аьлла, трибуни г1ера меллаша охья воьссира Махьматхьяьжа».

На этом митинге присутствовал и я, как ответственный работник РК ВЛКСМ.

*Развязать войну могут и трусы, а бороться с ее опасностями приходится смелым.
Тацит, римский историк.*

Нарушив мирную жизнь, началась Великая Отечественная война. 22 июня 1941 года без объявления войны, вероломно, нарушив договор о ненападении, фашистская Германия напала на Советский Союз. В связи с этим всю работу партийных, советских и комсомольских организаций пришлось перестраивать на военный лад, необходимо было подчинить все силы и ресурсы задачам отражения врага.

В этих условиях мне тоже пришлось, как заведующему отделом пропаганды и агитации РК ВКП(б), перестраивать партийно-политическую, пропагандистскую и агитационно-массовую работу среди населения. В этих целях совместно с первичными партийными и комсомольскими организациями в клубах были организованы агитпункты. Подобранные из числа грамотных коммунистов и комсомольцев агитаторы выполняли поставленные перед ними задачи.

Кроме того, за каждыми десятью дворами были закреплены читчики газет и журналов, чтобы держать население в курсе событий, происходящих на фронте и в целом по стране. Эти и другие меры, принимаемые партией для поддержания морального состояния населения, сохраняли положение дел в достаточно удовлетворительном состоянии. В районе широко проводилась работа по сбору теплых вещей, продуктов питания и многого другого для отправки на фронт. В этом деле непосредственное участие принимал и я.

Для организации этой работы я был командирован в селение Гордали (меня постоянно посылали в свое село, считая, что там мне безопаснее). Мы с парторгом колхоза Сарали Камшаевым с помощью партийных активистов организовали в селе сбор теплых вещей: шерстяных носков, варежек, свитеров, бурок, каракулевых шапок и продуктов питания. На фронт отправлялось мясо, куры, топленое масло, фасоль, яйца, грецкие орехи, яблоки, груши и т. д. Собранные вещи и крупный рогатый скот свозили в селение Ялхой-мохк, откуда все это отправлялось в город Грозный для отправки на фронт.

Всего по району было собрано более трехсот голов крупного рогатого скота и большое количество продуктов питания. Среди собранных вещей также были шашки, кинжалы. Все это погрузили на арбы, запряженные в рабочие быки. Только из нашего района было отправлено 128 подвод. Я сопровождал этот обоз, будучи командированным от РК ВКП(б) в качестве ответственного представителя района. В качестве помощника со мной поехал Межидов, уполномоченный от министерства заготовок. Мы с ним этот груз доставили на приемный пункт республики и сдали по всем правилам.

В это время первым секретарем РК ВКП(б) был Дуга Канзиев. Его обком партии и отправил на фронт с подарками, собранными по республике. За время его командировки обязанности первого секретаря РК ВКП(б) были возложены на меня, как на члена бюро райкома, так как второй и третий секретари райкома были в очередном отпуске.

В один из таких дней ко мне позвонили из обкома партии и потребовали обеспечить явку двух колхозников для отправки в освобожденные районы. На

следующий день я быстро подыскал людей. Это были Дауд Исаков и Иса Дудаев из села Саясан, и отправил их в обком партии. Они побывали в освобожденных районах Краснодарского края. По возвращении домой они рассказывали населению об увиденном и услышанном от людей, побывавших в оккупационном аду.

В начале 1944 года, а именно - в феврале месяце, в районе проходило мероприятие по сбору денежных средств на сборку танковой колонны для фронта. По этому вопросу я был командирован в селение Энгеной. Мы там в добровольном порядке собрали определенную сумму денег у населения. Эти деньги были переданы в райком партии, где находился пункт сбора денежных средств по району.

Жители района не только участвовали в сборе теплых вещей и продуктов питания для армии, но и участвовали в боях на фронте против немецко-фашистских войск. Приведу один пример, подтверждающий сказанное. Из моего села Гордали много людей призывного возраста ушли на фронт. Достаточно сказать, что из моего небольшого рода на фронт ушли пять человек и все они участвовали в боевых действиях. Это Сайда Баймурзаев, Зайнди Косумов, Хасан Кадиев, Зайналабди Аюбов и Яхихаджиев, и кроме Зайналабди Аюбова из них никто не вернулся домой.

И в эти военные годы, несмотря на проводимую работу по обеспечению партийно-политической и организаторской работы, отдельные политически неграмотные и неустойчивые люди подняли головы и стали на преступный путь. Появились случаи вооруженного нападения на представителей партийных и советских деятелей, происходили убийства отдельных руководителей партийных и советских органов района. Был зверски убит парторг колхоза им. Орджоникидзе в селении Энгеной Адиз Селимов, был ограблен дом двоюродного брата моего отца, председателя Гордалинского сельского Совета Зовлмакана Мидалишева. Правда, впоследствии наши родственники установили личности участников этого ограбления, и грабителям пришлось вернуть украденные вещи.

Участились случаи нападения с целью грабежа на государственное и колхозное имущество. Случалось, что воры и грабители даже посягали на золотые украшения, которые носили женщины. Это было неслыханно - они позволяли себе срывать эти украшения с женщин.

Снова возвращаюсь к деятельности Абдуллы Орцуева, о котором я вам поведал ранее. Это была, как я уже говорил, очень интересная и колоритная личность, и, в силу своего неугомонного характера, он всегда бывал в гуще событий. Естественно, обойти его выходки молчанием было просто невозможно. Как только вспомню этого человека, я тут же начинаю про себя улыбаться и вспоминать некоторые детали, связанные с ним.

В один из жарких летних дней Абдулла шел по дороге из Гордали в Центарой, и, зная, что в придорожном кустарнике часто устраиваются бандитские засады, просил Аллаха устроить ему встречу с ними. В это время, как бы услышав его молитву, бандиты вышли из укрытия и сказали ему:

Абдулла, слышал Аллах твою просьбу и вот мы здесь. Что ты хотел нам сказать?

Глазом не моргнув, Абдулла им говорит: Сейчас все сельское руководство и представитель района находятся в сельсовете. Прошу захватить их и разгромить сельсовет.

Бандиты удовлетворили его просьбу: пришли в сельсовет и разгромили его. А вот руководство сельсовета и представителя из района им захватить не удалось, так как председатель сельсовета Докку Хетиев, председатель колхоза Висха

Мудаев и районный уполномоченный министерства заготовок Ибрагим Лолуев скрылись в зарослях кукурузы и спаслись от них. Парторг же колхоза Шедид не сумел уйти, и они увели его с собой. Потом старейшинам села пришлось освободить его из бандитского плена, упросив их отпустить Шедида.

Абдуллу Орцуева органы НКВД арестовали, и он был этапирован в Азербайджанскую ССР. Его содержали в тюрьме города Баку. Люди, побывавшие в тюрьме, рассказывали, как Абдулла каждое утро кричал, изображая петушиное кукарекание. Говорят, он периодически задавал свой излюбленный вопрос следователям: По 58-й статье вы расстреляете меня, а что будете делать с 59-й статьей? *(58-чу статьяца-м тоьпаш тухур яра аша, ткъа 59-чу статьяца х1ун дан дохку шу суна?)*

Этот вопрос был задан с некоторой подковыркой, потому что 58-я статья - расстрельная. И ему хотелось поиздеваться именно по поводу этой ситуации, и вполне естественно интересовался насчет того, что они собираются с ним делать уже после расстрела.

Несколько раз и я подвергался опасности. Так, однажды я возвращался из Грозного через Ведено. Это был воскресный день. В селе Ведено на рынке я встретил знакомого жителя села Центарой Хусихаджи Боралиева.

Домой мы отправились по пешеходной дороге, которая проходила по большому урочищу ниже села Эрсеной. Идем мы с ним, спокойно разговаривая друг с другом, и вдруг слышим: внизу у небольшой речки под грушей слышен громкий разговор и детский плач. Обзор нам закрывали густые кукурузные стебли.

Потом мы встретили идущего нам навстречу человека среднего возраста с ребенком лет семи-восьми. Спрашиваем у него: В чем дело? Что за шум внизу?

Он говорит: Там, внизу, под грушей, сидят вооруженные люди, которые останавливают прохожих и отбирают у них деньги и ценные вещи. Мне тоже пришлось отдать все деньги, которые у меня были. Отдал потому, что сын плакал и говорил: «Отец, отдай им деньги, чтобы они нас не убили».

Но, тем не менее, мы продолжили свой путь. Перешли речку и поравнялись с местом, где сидели грабители. Раздался окрик: Тот, кто в фуражке, подойди к нам, а другой пусть идет своей дорогой!

Я говорю своему попутчику: Возьми мой партбилет и деньги, и иди, а я подойду к ним - что будет, то и будет.

Хусихаджи оказался мужественным человеком. Он и слушать меня не стал, и твердо произнес: Я без тебя никуда не уйду. И ты к ним тоже не пойдешь! Иди впереди меня и постарайся ускорить ходьбу.

Мы ускорили шаги и продолжили свой путь. А бандит шел за нами с наведенной на нас винтовкой. Затем он стал прицеливаться и стрелять. Но при этом стрелял в воздух прямо над нашими головами.

Таким образом, он гнался за нами до самой мельницы, что под селом Тазинкали. Те, что оставались под грушей, кричали вслед своему подельнику и предлагали вернуться назад. Но тут бандит принялся стрелять на поражение. Когда мы кинулись в стоящие стеной кукурузные заросли, я заметил, как пули срезали верхушки стеблей кукурузы.

Когда, наконец, мы добрались до села, жители удивленно спрашивали, в кого это там стреляли. Мы удовлетворили их любопытство, сообщив, что стреляли в нас. Люди зацокали языками, кто-то недоверчиво смотрел на нас, кто-то, пытаясь получить дополнительные подробности, принялся делать расспросы.

В другой раз я наткнулся на абреков при следующих обстоятельствах. В ноябре 1943 года РК ВКП(б) проводил разъяснение доклада Сталина на

торжественном митинге, посвященном очередной годовщине Октябрьской революции. В связи с этим я был командирован райкомом партии в Гордалинский сельский Совет. Мы с парторгом колхоза Сарали Камшаевым собрали народ на площади у мечети села Бас-Гордали и провели собрание.

Завершив эту работу, мы вышли на улицу, и стояли, раздумывая, к кому бы зайти, чтобы попить чайку - время как раз было обеденное. Вдруг неподалеку от нас послышались два винтовочных выстрела, и вскоре мы увидели жителя Гордали Хаса Айдамирова, который накануне ушел в абречество с поста председателя колхоза им. Карла Маркса. Он сказал нам, чтобы мы немедленно ушли с площади, так как недалеко от этого места находятся люди, которые ему не знакомы, и которые могут нам навредить.

Эти слова меня заделали. Я сказал Хасу: Никуда я отсюда не уйду! Это мое село!

Затем, показав пальцем через речку, добавил: Видите, где живут мои родственники? Если со мной что-то случится, ты будешь отвечать перед ними.

Бывший председатель вытащил из кармана несколько немецких листовок и попросил прочитать их содержание - сам Хас был неграмотным. В листовке с одной стороны было напечатано воззвание к чеченскому народу, а с другой стороны эта же листовка служила в качестве пропуска с немецкой печатью. Это была своего рода охранная грамота для тех, если кто-то вдруг вздумает перейти к немцам.

В возвании было написано: «Мы вам несем свободу и освобождение от ига большевистских жидов, свободную религию! Сохраняйте колхозы, свой скот, зерно - они вам пригодятся в будущем».

В это время высоко в небе появился немецкий самолет и стал проделывать круги над селом, издавая свойственный ему звук, скорее похожий на вой животного, чем на рев самолета. Х. Айдамиров поднял палец, и, направив его вверх, к небу, сказал: Это летит наш самолет!

После этого Хас Айдамиров ушел. Мы с Сарали Камшаевым отправились к моему школьному другу Адаму Маилову, который в местной школе работал учителем. Когда мы пришли к нему, то выяснилось, что у него в доме в эту самую минуту гостят абреки. Их было несколько человек. Я запомнил только фамилии нескольких. Это Джахаров из села Сержень-Юрт, Минкаил Хаджиев из села Хиди-Хутор, Абумуслимов - из села Центарой. Имена остальных я сейчас не припомню.

Раз мы пришли сюда, то отступить уже не было смысла. Мы зашли, поздоровались с ними. Сели, разговорились. Один из них поинтересовался, чем мы тут занимаемся. Я сказал, что разъясняли на собрании доклад Сталина. Джахаров у меня попросил: Нельзя ли нам получить текст этого доклада?

С удовольствием, - ответил я и отдал ему текст доклада Сталина.

Доклад был отпечатан на бумаге большого формата, на первой странице красовался портрет вождя. Вручая ему доклад, я отметил, что не только можно получить доклад, но и нужно, так как райкомом партии нам было поручено разъяснять этот доклад всему населению.

Здесь хочу отметить, что беззаконие, творимое органами НКВД, обозлило народ, в результате чего множились ряды тех, кто по разным причинам совершали правонарушения. Душная, затхлая обстановка, царившая в стране, когда с трибун говорили одно, а на деле люди наблюдали совсем другую картину, не могла не влиять пагубно на умонастроения населения. Именно власть, пользуясь своей безнаказанностью, была повинна в том, что молодые, инициативные, полные жизненных сил люди уходили в ряды абреков. Это был протест на действия власти. Люди размышляли так: лучше умереть, защищая свою физическую свободу, чем дожидаться полуночного стука в дверь и сгнить навсегда в тюремных застенках.

Вот и сейчас передо мной сидели достаточно молодые, полные сил мужчины. Я не знал, что вынудило их уйти в лес. Но то, что они мне высказывали, было для меня крайне неприятным откровением. Они разуверились во власти, они цинично отзывались о тех, кто ее принимает и поддерживает, они высмеивали наши собрания и наши идеалы.

Мне было неприятно слышать подобные речи. Я стал с ними спорить, приводя свои аргументы. Но разговор у нас не получался - я не хотел слушать их, они не слышали меня и мои доводы. Кроме того, трудно спорить с вооруженным человеком - силы неравны.

После такого оборота дел, у нас здесь нормального чаепития не получилось бы, и мы ушли из этого дома. Потом мне рассказывали, что они после нашего ухода между собой говорили: Напрасно мы их отпустили - надо было избить.

У нас в районе проводилось очередное мероприятие. На этот раз - достаточно необычное: сверху была спущена директива, предписывающая изъять у населения оружие и боеприпасы. Практически это выглядело так: работники органов НКВД с помощью своих осведомителей составляли списки более или менее обеспеченных людей, с которых можно было получить некоторое материальное вознаграждение. По этим спискам в массовом порядке задерживали и сажали людей, и держали их в заключении, требуя сдачи оружия. А у людей не было не только боевого оружия, но даже гладкоствольных охотничьих ружей не было, не говоря уже о других боеприпасах.

Перед родными и близкими задержанных вставал вопрос о том, как освободить родственника. Они тут же начинали искать оружие с тем, чтобы купить его, затем сдать и вызволить задержанного. И тогда им на помощь приходили люди, работающие на сотрудников НКВД. Они одну пятизарядную винтовку, принадлежащую тому же НКВД, продавали нескольким десяткам людей, сдирая с каждого по пятнадцать-двадцать тысяч рублей. В результате оприходовали одну винтовку, как изъятую у населения.

Чтобы не быть голословным приведу пример. Как-то я был в командировке в своем селе Гордали. На тот период я работал заведующим отделом пропаганды и агитации райкома партии. Узнал, что в селе орудует опергруппа, возглавляемая старшим оперуполномоченным РО НКВД Матвеевым. По прибытии в село они собрали по своим спискам мужчин и загнали их в одну комнату в доме Муцу Ажиева в селении Бас-Гордали. Каждого обязали сдать оружие - винтовку, наган, гранату или еще что-нибудь в этом роде. В числе задержанных был и мой дядя Халим Эслоев, у которого отродясь не было не только боевого оружия, но даже и охотничьего ружья.

Я подошел к Матвееву и говорю: Среди задержанных находится мой дядя, Оружия у него нет и никогда не было. Я прошу отпустить его.

Он честно признался, что не может этого сделать, так как боится начальства. Затем посоветовал: Пусть за него сдадут какую-нибудь гранату.

Дальше, уже не нами отработанной, но нам навязанной схеме мы принялись искать названный сотрудником НКВД боеприпас. Нашли, купили, сдали гранату и освободили дядю Халима.

В тот самый период в районе также орудовала оперативная группа НКВД республики, которую возглавлял бывший начальник милиции нашего района. Очевидцы рассказывали, что он в селении Веной таким образом собрал большую сумму денег и, наполняя мешок, трамбовал деньги ногами.

Я видел и слышал все, что делается вокруг. Признаться, страшно было смотреть правде в глаза. Теперь, по прошествии многих лет я вспоминаю, как у

меня было мало аргументов, чтобы возразить тем абрекам, с которыми неожиданно встретился в доме у своего школьного друга.

В то время для связи между оперативными группами была налажена наземная военно- полевая телефонная связь. Штаб опергруппы находился при районном отделе НКВД в райцентре Саясан. Упомянутый выше руководитель опергруппы НКВД звонил в поселок нефтяников Стерч-Керч в Веной, к заведующему магазином, и кричал в трубку: Стерч-Керч! Стерч-Керч! Завмаг!

Его интересовало, не завезли ли в магазин женские высокие галоши. А когда на линии кто-то вклинивался и в трубке появлялся шум, он кричал: Не мешайте! Идет оперативный разговор!

Вот чем порой занимались работники НКВД.

Другой эпизод, связанный с тем же начальником опергруппы. До того, как возглавить эту структуру, этот человек работал начальником райотдела милиции Саясановского района. В соответствующие структуры часто поступали сигналы о том, что ночью будет нападение со стороны бандитов с целью захватить райцентр. После одного из таких сигналов, начальник райотдела вызвал к себе милиционера Якуба Турпалханова и приказал ему укрепить подступы к районному отделу НКВД. Тогда Турпалханов спросил у него: Как это так - укрепить подступы к РО НКВД, оставив снаружи и райком партии, и райисполком?

На что начальник ответил: Ленин говорил: «Когда круг становится слабым, надо укрепить центр».

Расскажу еще один занятный случай. Однажды начальник районного отдела милиции ни за что, ни про что начал допекать вышеупомянутого милиционера Якуба Турпалханова. Слова вылетали грубые, непристойные, причем, вперемешку с ненормативной лексикой. В конце концов, терпение Якуба лопнуло, и он, сняв с плеча винтовку, направил ее на начальника и сказал: Теперь чье оружие раньше выстрелит, тот из нас и начальник!

Начальник изменился в лице, сильно побледнел и говорит: Ты что, Якуб, дурной, что ли? Я же пошутил. (Д1авала, Якъуб, хьо 1овдал-м вац, ас йинарг забар ма яра).

Саясановцы говорили, что начальник районного отдела НКВД Магомед-Салах Экажев, когда к нему приехали гости из НКВД республики, послал своего работника к жителю села Саясан Билалу Юнусову попросить барана, чтобы угостить приехавших к нему коллег, а Билал возьми да и откажи ему. Тогда М-С. Экажев через своих сексотов состряпал на него заведомо ложный материал: якобы Билал на площади у мечети села Энгеной распространял слухи о том, что скоро Советская власть падет и Чечня окажется под протекторатом Афганистана. На Билала завели уголовное дело по статье 58-й - контрреволюционная агитация против Советской власти, и посадили в КПЗ. На очную ставку с Билалом вызвали своего сексота, жителя селения Энгеной Гери Чучуева. Когда к нему привели Гери, Билал, не разбиравшийся в этих кознях, обрадовался, что Гери скажет правду в его пользу, и сказал ему: Хорошо, что именно ты пришел. Ты расскажешь правду.

Гери говорит: Конечно, расскажу. Для этого меня сюда и пригласили.

И вот что он выдал собравшимся: Я бы многое отдал, чтобы не слышать своими ушами и не видеть своими глазами, как ты в окружении людей на площади у мечети села Энгеной говорил, что скоро Советская власть падет, и мы окажемся под властью Афганского государства.

Билал и тогда не понял, о чем говорил Гери на очной ставке с ним, И продолжал повторять: Спасибо тебе, я знал, что ты скажешь правду. На чеченском языке это звучит так: *«Дера эр ду ас бакъдерг, и ала вал ийна со-м. Кхин хъайна ца*

хуучу х1уманца, Энгина а веана, маьждиган майданыхь, нахана юкъахь, Советан ледал духуш ду, вай Авхьанан пачхьалкхан кара доьлхуш ду, бохуш, и хабар дийцанза хьо а велара, и сайн лергашна хазанза а, б1аьргашна ганза со а велара», - аьлла, тоьшалла ч1аг1дира Гзрис. Цо дуьйцучух ца кхеттачу Билала Гери на баркал ла элира, «бакьдерг» дийцарна. Иштта ч1аг1 дира цо Герин тоьшалла.»

По данному явно сфабрикованному уголовному делу Билала Юнусова осудили на десять лет, которые он провел в лагерях.

Органы НКВД республики во главе с наркомом внутренних дел Султаном Албагачиевым каждый единичный случай вылазки скрывающихся от властей уголовных элементов возводили в величину в тысячу и более раз и отправляли соответствующие донесения в Москву, в органы НКВД СССР. Нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия, в свою очередь, докладывал Сталину, завышая численность бандгрупп в тысячу раз - выходило, что чуть ли не все взрослое население Чечено-Ингушетии состояло из бандитов. Исходя из этих дутых данных, руководство СССР делало свои выводы, и готовило то, что случилось в феврале 1944 года.

Черный день для чеченского и ингушского народов готовился скрытно, очень тщательно и в строжайшей секретности. Все было продумано до мелочей. Чтобы людей не настораживало присутствие в республике большого количества внутренних войск, предлог придумали вполне благовидный: для обучения солдат методам ведения военных действий в горной местности. Численность военных в несколько раз превосходила взрослое население - на одного взрослого мужчину приходилось чуть ли не по три солдата.

Приближалась дата, которую мои сверстники для себя давно обозначили как черный февраль. Времени с тех пор прошло достаточно много - шестьдесят пять лет, но утрата родных и близких, боль, обида за незаслуженно оболганных и униженных соотечественников продолжает жить во мне по сей день.

Люди на самом деле вполне искренне верили, что войска на территории республики сосредоточены именно для обучения методам ведения военных действий в горах, и старались во всем помогать им. Солдаты и офицеры были рассредоточены в домах местных жителей, которые очень доброжелательно относились к ним, кормили и поили, старались создать для них нормальные условия.

Кроме воинских частей в каждом населенном пункте находились работники НКВД, присланные за два-три месяца до выселения. Все они были в гражданском. Свое присутствие в селах объясняли служебной надобностью: они занимались подсчетом скота, жилых домов и другого имущества. Кто мог возразить против такой важной государственной задачи? Люди вроде занимались вполне мирным делом - вели учет всего движимого и недвижимого имущества, чтобы, как они объясняли, «иметь точные данные народнохозяйственного учета».

Тогда и сейчас я часто задумываюсь над тем, откуда взялся этот миф о многочисленных бандитах, обитающих в горах, и бандитских группировках, мечтающих о захвате Кавказа фашистами. И прихожу к мнению, что в Чечено-Ингушетии этот миф активно поддерживался и даже подпитывался некоторыми «фактами», отправляемыми в Центр.

Поделюсь некоторыми своими соображениями о том, какую цель преследовали нарком внутренних дел республики Султан Албагачиев и его подчиненные - районные начальники органов НКВД, докладывая заведомо завышенные данные о бандитах и их группировках. Они просто выслуживались, показывая, в каких трудных и чрезвычайно опасных условиях им приходится работать, вымаливали для себя чины и привилегии.

И им это удавалось. К примеру, С. Албагачиева откомандировали в Киргизскую ССР в распоряжение наркома внутренних дел Киргизской республики за два-три месяца до упразднения Чечено-Ингушской республики. Он работал первым заместителем Ошского областного управления НКВД. М-С. Экажев был назначен начальником РО НКГБ Гульчинского района Ошской области. Также были определены в органы НКВД и НКГБ и другие бывшие работники этих служб, перед выселением работавшие в Чечено-Ингушской республике. Таким образом, органы НКВД в самом прямом смысле этого слова стали могильщиками чеченского и ингушского народов.

Слухи о поголовном выселении чеченцев и ингушей периодически доходили до нас. Поверить в это было трудно. Я тоже не был склонен верить в эти сообщения, прекрасно понимая, в какое сложное время мы живем. Авторами этих слухов мог быть кто угодно - пойдти, разберись, откуда они приходят и кто их запускает. Сама мысль о том, что без разбора будет выслан весь народ, мне казалась кощунственной. Только враг мог придумать такое.

Как всякий здравомыслящий человек, я полагал, что виновные, если таковые есть, будут наказаны или изолированы, а народ, как жил на своей земле, так и будет жить. Только нужно потерпеть, пока закончится война.

Моя мать жила одна в нашем родовом доме в селе Гордали, и все наше имущество находилось там, а на квартире в Саясане, где в тот период я работал, у нас были только постельные принадлежности и небольшая ручная кладь. Мама мне говорила, что некоторые люди продают свое имущество и превращают все в деньги, и каждый раз меня спрашивала, что ей делать - продавать наши вещи или нет. Я ей советовал ничего не продавать, а, наоборот, если люди что-то будут продавать дешевле, приобрести что-нибудь для семьи. Я наивно полагал: за что меня выселять, рожденного при Советской власти, члена ВКП(б), ответственного работника района (в то время я работал заместителем председателя Саясановского райисполкома), и даже мысли не допускал, что меня и моих близких тоже могут выслать. К тому же, как я думал, на все есть правосудие. На что тогда власть, судебные органы? Не могут же они всех разом - детей, стариков, больных, калек - считать врагами народа.

Когда сообщения становились особенно настойчивыми, я приводил доводы. Вы знаете, сколько нужно сил, чтобы выслать целый народ? - спрашивал я.

- Кому придет в голову оторвать от фронта столько людей и ресурсы, когда война еще продолжается? Быть такого не может! Врагами народа являются те, кто распространяет такие слухи!

22 февраля 1944 года, после обеда, ответственных работников района, а также представителей воинских подразделений, расквартированных в селах, собрали в райкоме партии. На совещании выступил генерал госбезопасности (его фамилию я запомнил), который в своем кратком выступлении проинформировал собравшихся о том, что Политбюро ЦК ВКП(б) и Советское правительство вынесло решение выслать чеченцев и ингушей на другое место жительства с формулировкой - за измену Родине. Помню, как только он произнес эти слова, у меня волосы на голове стали дыбом, и я ощутил, как моя шапка

заметно приподнялась. О таком явлении я только слышал, а теперь ощутил это на себе - настолько чудовищным было то, что в эту минуту прозвучало из уст генерала госбезопасности.

Он не сказал, когда это произойдет, но предупредил, что за разглашение данной информации до особого распоряжения органов НКВД полагается расстрел без суда и следствия. Из дальнейших инструкций генерала госбезопасности мы узнали, что ответственные работники вместе с военными должны отправиться в села в качестве переводчиков. Меня определили в селение Алерой.

После совещания мы вышли, и капитан, с которым мне предстояло отправиться в село, выразил желание побывать у меня дома - поужинать и, как он сказал, выпить чего-нибудь горячительного. Но при этом поставил условие: я ни одним словом не должен обмолвиться с женой на родном языке.

Вскоре мы вместе с капитаном и его ординарцем отправились ко мне на квартиру. Мы выпили шампанского (ничего другого у меня не было), жена накормила всех обедом. Перед тем как выйти, я сказал жене на чеченском языке: Собери вещи - нас отправляют на другое место жительства.

Капитан тут же мне говорит: Мы же с вами договорились, что вы не будете разговаривать с женой на своем языке.

На что я ему ответил: Да, я сказал жене, что еду в командировку и сегодня домой не вернусь. Как я могу уехать, не предупредив ее об этом? Русского языка она не знает, поэтому я был вынужден сказать ей об этом на родном языке.

В Алерой мы приехали к вечеру. Я сказал капитану, что пойду ночевать к своему знакомому, а он мне в ответ: Ночевать будем вместе. Начальство мне запретило тебя куда-либо отпустить.

Пришлось остаться там, где квартировал капитан. Он пригласил хозяина дома и сказал ему: Ко мне приехал гость. Надо зарезать курицу и угостить его.

Хозяин не стал этого делать, сославшись на позднее время: мол, невозможно поймать курицу в такой темноте. Тогда капитан рассердился на хозяина дома и говорит мне: Если бы он знал, что будет завтра утром... Он бы не то что курицу, корову бы зарезал!

И тогда я понял, что выселение состоится завтра.

Мы поужинали, поговорили на отвлеченные темы, но на душе у меня было тревожно. Все внутри ныло и болело. Капитан, заметив мое состояние, спрашивает: Почему ты такой хмурый? Не беспокойся, вас выселяют на Украину, в хорошие места. Там чернозем, ты будешь работать на своей должности. Ничего не изменится.

Я, конечно, не поверил ему, потому что догадывался, что в такой регион, как Украина, нас выселять не будут, тем более с таким обвинением.

Через некоторое время он мне в шуточной форме говорит: Хочешь, я тебе подарю коня? А ты мне подаришь свою шапку.

На что я ему ответил: Не надо мне твоей лошади, я и свою оставляю здесь, а шапку подарить не могу, так как по нашим обычаям мужчине свою шапку дарить не разрешается.

А потом, когда уже было за полночь, мы легли спать, но сон не шел: нервное состояние не давало уснуть.

Отдохнуть в ту ночь мне так и не удалось. На второй день, 23 февраля, мы встали чуть свет. К тому времени солдаты уже сгоняли людей на сельскую площадь под предлогом того, что должен состояться митинг по случаю Дня Красной Армии. Когда площадь заполнилась людьми, вокруг по периметру поставили пулеметчиков и автоматчиков. Капитан выступил перед собравшимися и объявил, что чеченцы и

ингуши решением Политбюро ЦК ВКП(б) и Советского Правительства поголовно выселяются на новое местожительства. И снова прозвучала эта чудовищная формулировка: за измену Родине.

Установки были такими: время на сборы - три часа. Разрешается брать с собой пищу, постельные принадлежности, одежду. Мужчины домой не отпускаются. Женщинам надо собраться в дорогу с детьми, а мужчинам будет разрешено присоединиться к ним перед самой отправкой. Я все это переводил на чеченский язык. Глубокий старик по имени Вара попросил меня перевести капитану его слова: Я человек старый, поэтому ехать не могу. Мой сын служит в армии, я должен его дожидаться.

Я сказал Варе, что это собрание не похоже на те собрания, которые я проводил здесь раньше. Поэтому ничего не изменится от того, переведу я его вопрос капитану или нет. Тогда Вара спросил меня: Вы тоже едете с нами?

Я ответил: Да, мы поедем вместе.

Тогда ничего, - сказал Вара.

Видимо, он подумал, что нас оставляют дома, а их выселяют.

Затем капитан отправил меня в сопровождении солдата в село Саясан.

23 февраля 1944 года все чеченцы и ингуши были подвезены к железнодорожным станциям и погружены в товарные вагоны. Но перед этим жители моего родного села Гордали ночь провели на площади, рядом с мельницей, что стояла на реке Аксай. В их числе была и моя мать и другие близкие родственники.

Военные не допускали меня к родным. Я хотел забрать мать, но мне это не удалось. Им тоже не разрешали отдаляться от места сбора. Я метался в растерянности и не знал, что делать. Тут я встретил начальника нашего районного отдела НКГБ Пескова и рассказал о своей проблеме. Мы с ним были в достаточно хороших отношениях, поэтому я надеялся, что он мне поможет. Песков остановился, выслушал и деловито произнес: А ну-ка, пойдем со мной.

Он подвел меня к генералу. Тот, выслушав Пескова, не говоря ни слова, оторвал клочок бумаги от папиросной пачки, написал на ней несколько слов, адресованных офицеру, занимавшемуся гордалинской группой. Смысл его записки был таков: передать мать Асталова ее сыну.

Эту бумажку я передал по назначению. Офицер прочитал ее содержание и разрешил мне встретиться с матерью. Я тут же кинулся к группе родственников, среди которых была и моя мать, и сообщил ей, что пришел забрать ее с собой. Но она стала отказываться, мотивируя это тем, что не может оставить больную племянницу с детьми на произвол судьбы. Она решила ехать вместе с ними.

Даст Аллах, встретимся там, - произнесла она, прощаясь.

Дядя Халим тоже поддержал мать: Пусть она едет с нами, нам без нее будет трудно.

Я не мог согласиться с этим и попытался высказать свое мнение: Мы ведь не знаем, куда нас повезут. Возможно, мы окажемся в разных местах. Я не знаю, когда смогу вас найти, лучше бы матери поехать со мной.

Однако по нашему обычаю настаивать на своем, когда дядя говорит другое, было неудобно. Поэтому было решено, что мать поедет вместе с ними. Тогда я попросил офицера, занимавшегося гордалинской группой, разрешить одному из моих дальних родственников, бывшему председателю колхоза Висхе Мудаеву, пойти со мной и забрать теплые шерстяные носки и варежки: они могли пригодиться людям в пути. Эти вещи были собраны для семей военнослужащих и находились в моем кабинете в райисполкоме. Теперь не было смысла оставлять их там. Поэтому

я передал их Висхе Мудаеву, чтобы он сразу мог раздать их людям. Это было все, что я мог сделать для них в эту минуту.

После того, как из Саясановского района были вывезены все жители чеченской национальности, мы еще неделю оставались дома. Второго марта подошла и наша очередь для отправки в путь. Я и Баудди Арсанукаев, ответственный секретарь райисполкома, держались вместе. Мы запрягли быков, сложили на подводы свои вещи, продовольствие, которое в основном состояло из кукурузной муки, и тронулись в путь.

Когда мы поднимались к основной дороге, ведущей в Ножай-Юрт, нам навстречу в сопровождении милицейских работников шли дагестанцы. Они были налегке. Помню, у одного из них на боку висел маузер, и он, посмеиваясь, говорил своим попутчикам, что это едет последнее чеченское правительство.

Таким образом, мы добрались до селения Ножай-Юрт, а там нас погрузили на грузовые автомашины - студебеккеры - и повезли на железнодорожную станцию в город Хасав-Юрт. Здесь нас всех поместили в товарный вагон и отправили неизвестно куда. О пункте назначения военные пока молчали. Так началась наша длинная дорога в неизвестность.

В пути, не выдержав суровых испытаний, умирали больные, затем мы стали терять пожилых людей. Их выносили из вагонов и укладывали прямо на снег - на съедение собакам. Хоронить не разрешалось. В пути мы находились в невыносимых условиях. Трудно описать словами то, что нам пришлось пережить.

Эшелон охранялся вооруженными солдатами. Выходить из вагонов категорически запрещалось. Самые тяжелые испытания ложились на девушек, которые, стесняясь мужчин, не могли в вагоне совершать свои естественные нужды. В результате этого было немало случаев, когда они погибали от разрыва мочевого пузыря.

Дорога на чужбину была усеяна телами умерших, и выглядела так, как ее увидел автор репродукции

17-го марта 1944 года мы прибыли на станцию Бишкек в Киргизии. Оттуда на гужевом транспорте сосланных стали развозить по селам. Мы, бывшие работники Саясановского района - нас было десять человек, попали в Ново-Павловский сельский Совет, в колхоз «Красная заря» Кзыл-Аскерского района Фрунзенской области. Поселили нас в домах местных жителей, выделив по одной комнате на семью. Здесь, в колхозе, работы на всех не было, и я ушел в соседний колхоз «Большевик» этого же сельского Совета. Там мне дали работу старшего учетчика по труду среди спецпереселенцев.

В 1944 году будучи в Кзыл-Аскерском районе Фрунзенской области Киргизии меня пригласили в Кзыл-Аскерский районный отдел НКВД и предложили сотрудничать с ними в качестве секретного сотрудника, а по народному - сексота. Видимо, выбор на меня пал, поскольку я был молодым, грамотным и состоял в партии. Наверное, они считали, что при наличии этих качеств я быстро соглашусь на это предложение. При этом обещали устроить на хорошую работу и оказывать материальную помощь.

Тогда я спросил: А что я должен буду делать?

Ничего сложного, просто надо чаще бывать в гуще чеченцев, подслушивать их разговоры и рассказывать нам.

От такого предложения я отказался, приведя не совсем убедительные доводы: мол, с той работой я не справлюсь, и добавил, что не занимался этим и будучи у себя на родине.

После моего отказа они приказали молчать о нашем разговоре и пригрозили: если я проговорюсь, то очень об этом пожалею. Обещали также устроить так, что я нигде не найду работу. Так не суждено было состояться моей работе в качестве сексота НКВД.

Не лучше было положение чеченцев и ингушей по месту их прибытия и в других регионах, Людей выгружали прямо на снег, и оттуда развозили по колхозам и совхозам. На местах нас никто не ждал, соответственно, не было и условий для проживания - обустроиваться приходилось самим. Людей в массовом порядке заселяли в животноводческие помещения, в конюшни.

Председатели колхозов, директора совхозов, секретари партийных организаций, председатели сельских и поселковых Советов, ощущая поддержку со стороны спецрежима, соответственно, относились к спецпереселенцам с презрением, а иногда и с откровенной ненавистью.

Оказывается, еще до прибытия чеченцев и ингушей в тех краях упорно распространялись слухи о том, что к ним везут людоедов. Таким образом, готовилась почва для того, чтобы местное население относилось к нам враждебно и ни в чем не помогало.

В начальный период пребывания в этих местах людей даже в колхоз не принимали. Чеченцы и ингуши оказывались пострадавшей стороной гораздо чаще, чем немцы и другие этнические группы. Многие руководители не хотели отпускать им даже тот минимум предусмотренных продуктов и отказывались оформлять на работу. Их публично оскорбляли, называя «ворами», «бандитами», «изменниками Родины», посылали на самые тяжелые работы, а для некоторых руководителей избиение людей стало обычным делом. И как здесь не вспомнить когда-то услышанную мной фразу: «Дым отечества светлее огня на чужбине».

В первый год пребывания на новом месте умерло очень много людей. Основная причина массовой гибели людей были голод, холод, болезни, перемена климата. Люди были истощены до невозможности и для их спасения местные власти ничего не предпринимали. Это видно и на примере моих родственников:

умерла в Казахстане моя мать Буру, в Караванском районе Киргизии скончались сестра Тамаров Маасиева и двое ее детей Также умерли в Казахстане дядя по отцу Халим Эслоев и двоюродный брат Шаъман. Умер другой дядя по отцу Шехид Эслоев, не стало его жены Куцу и их сына Сири. Это произошло в Базар Курганском районе Киргизии. Остались две их дочери - Ризман и Хазман.

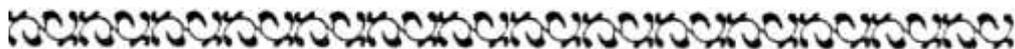
Этих сирот я забрал к себе. Они были очень истощены, и я предупредил жену, чтобы она кормила их понемногу, пока дети не привыкнут к нормальному питанию. Но девочки вскоре умерли, обе - почти одновременно. Таким образом, из пяти человек семьи Шехида, в живых не осталось никого. Таких семей, в которых умерли все члены семьи, было немало. Умер в Базар-Кургане Эми Махматов, двоюродный брат моего отца.

Вскоре я узнал, где находятся моя теща и ее дети. И тогда я решил переехать поближе к ним, чтобы, оставив с ними жену и ребенка, продолжить поиски матери и других родственников. Так я переехал в село Базар-Курган Базар-Курганского района.

Первым делом я отправился в комендатуру райотдела НКВД по спецпереселенцам и встал на учет, а также поставил на учет и жену. Затем я пошел в райком партии КП Киргизии, чтобы запросить из Кзыл-Аскерского РК КП Киргизии учетную карточку члена партии. После этого я начал разыскивать свою мать и других родственников.

Затем я обратился с заявлением в областные управления всех шестнадцати областей Казахской ССР и пяти областей Киргизской ССР с просьбой сообщить о месте нахождения моей матери. Но ни положительного, ни отрицательного ответа ни от одного из этих управлений я не получил.

О судьбе матери я узнал из письма одно сельчанина Магомеда Денильханова, который узнал мой адрес через людей, знавших мое местонахождение. Магомед сообщил о том, что мать умерла от тифа в первый же год пребывания на чужбину Это произошло в селе Эркеншили Эркеншилинского района Акмолинской области Казахской ССР.

*Изгнанник, нигде не имеющий дома, - мертвец без погребения.
Публий Сир, древнеримский драматург и актер*

По истечении некоторого времени отношение к нам у местного населения изменилось. Они, наконец, поняли, что чеченцев и ингушей чудовищным образом оклеветали, что они не воры, не бандиты, не изменники Родины, и тем более не людоеды, а такие же люди, как и они сами. Отношение к нам стало меняться. Многие семьи подружились между собой, помогали и оказывали друг другу необходимую помощь и поддержку.

О том, что отношение к вайнахам менялось, говорят следующие примеры. Они основаны на данных, которые я помню до сих пор. На примере Базар-Курганского и Молотоабадского районов Киргизии могу сказать, что и райкомы партии, и райисполкомы постепенно меняли свое отношение к вайнахам, их чаще стали принимать на работу во властные структуры. Например, в Базар-Курганском районе в райкоме партии заведующим парткабинетом работал чеченец Усман Нацулханов. Сначала Хизри Дамаев, а затем и Хасмагомед Битиев работали заведующими переселенческим отделом райисполкома, заведующим районной сберкассой работал Махмуд Бетельгереев, различные посты в райфинотделе занимали другие чеченцы.

Так, Махмуд Паталов был старшим инспектором бюджета, Усман Делиев был в должности инспектора госдоходов. Свою нишу занял и я - сначала в качестве заместителя заведующего райФО, потом - контролером-ревизором КРУ МФ СССР по району. В различных структурах также работали Магомед Джабраилов - старший экономист по налогам и сборам, Чанка Баскаев - налоговый агент, Абдулхакиим Бибулатов - инспектор районо, Юнус Баскаев - бухгалтер районо, Паша Таймазов - бухгалтер детдома, Сайдселах Шепиев - заведующий учетом райуполминзага, Аднан Халидов - инспектор райуполминзага, Элихаджи Хусаинов - бухгалтер райсельхозуправления, Салаудин Исламов - главный бухгалтер райпо, Мусанби Чажаев сначала работал главным бухгалтером колхоза «Красная заря», затем - председателем артели.

Комендантом по спецпереселенцам в РО НКВД работал Хаким Бисултанов, помощником коменданта оформился Абдулбасир Махмудов, Братья Гайтукаевы - Байсалу и Махмуд - работали в МРК заготскота. Постепенно представители из числа чеченцев и ингушей стали избираться в выборные органы. Однако, чтобы не нарушать некоторую хронологию событий, немного вернусь назад.

В 1945 году меня и Махмуда Бетельгереева пригласили в Джалал-Абадский обком КП Киргизии. Нас принял заместитель заведующего отделом кадров Рябченко. Когда мы в приемной ждали своей очереди, русская женщина, технический секретарь отдела, поинтересовалась: Куда вас направляют?

В город Ташкумыр.

Тогда она нам говорит: Ни в коем случае не давайте согласие ехать туда. Это не город, а обожженный солнцем котлован. Пропадете от жары! У нас говорят: кто провинился, того в Ташкумыр. Кстати, за отказ вам ничего не будет.

Спасибо этой женщине. Благодаря ей мы узнали, на что можем обречь себя в случае согласия ехать в этот город. Благодаря ее напутственным словам, мы осмелели.

Когда я зашел к Рябченко, он сразу сказал: Мы вас рекомендуем Ташкумырскому горкому партии. Тебя - в качестве заведующего переселенческим отделом горисполкома, а Махмуда Бетельгереева - инструктором идеологического отдела горкома партии. Пакет подготовлен, с этим пакетом поедете и передадите его первому секретарю горкома.

Я выслушал его, а потом сказал: Я не могу туда поехать. Я уже дважды переселялся - с Кавказа в Киргизию, во Фрунзенскую область, а оттуда - в Джалал-Абадскую область, чтобы воссоединиться с родственниками. Поэтому у меня нет ни физической, ни материальной возможности переселяться.

Тогда он у меня спросил: А как настроен Махмуд Бетельгереев?

Мы с ним обсуждали этот вопрос. Он настроен так же, как и я.

Мой ответ ему явно не понравился. С неприятными интонациями в голосе, он сказал: Тогда вы не будете работать нигде! Я вас больше не задерживаю.

И мы вернулись в Базар-Курган к своим семьям. Времена были не самые лучшие. Я был единственный кормилец в семье, и я был без работы - таков был мой статус. Но тут деятельное участие в моей судьбе принял первый секретарь Базар-Курганского райкома партии Кенжебаев. Именно он занялся вопросом моего трудоустройства. Вскоре райком партии рекомендовал меня директором киносети и направил в Джалал-Абадское областное Управление кинофикации.

Когда я приехал на место и передал рекомендательное письмо райкома, начальник Управления спросил меня: У вас есть желание работать в киносети?

Я ему честно ответил: У меня нет такого желания.

Тогда он мне говорит: Скажите в райкоме, что вас не приняли на эту работу, так как вы не имеете соответствующей специальности. Тогда райком не может обвинить вас в том, что вы не хотите работать.

Я так и поступил. В райкоме к этому отнеслись с пониманием и пообещали:

Не расстраивайтесь Устроим вас на другую работу.

Через некоторое время меня направили на работу заведующим торгом в Советское сельпо. Там я проработал ровно одну неделю. Дело в том, что меня вскоре отозвал райком партии

В связи с этим мне было сказано:

Эта работа вам не подходит. Давайте мы устроим вас заместителем заведующего райфо.

Приступив к этой должности, на этом месте я проработал ровно один год. Вскоре эту должность сократили и я снова оказался без дела. Интересно, что мне сразу сказали, что долго на этой работе я не продержусь. Доводы были такие: заведующий райфо Андреев – человек тяжелый, и с ним трудно сработаться. Однако, потом я сам убедился, Андреев оказался прекрасным человеком и замечательным руководителем, и мы с ним хорошо сработались. В то время освободилась должность контролера-ревизора КРУ МФ СССР по Базаркурганскому району, и я по рекомендации заведующего райфо Андреева был назначен на эту должность. Здесь я проработал до 1949 года. При этом моя деятельность на этом поприще вышестоящими контрольно-ревизионными органами оценивалась весьма положительно. Руководство особо подчеркивало, что материалы ревизии оформлены грамотно, аккуратно и при этом обеспечивается их реализация. Несмотря на это, мне пришлось оставить должность контролера-ревизора. Причина была в том, что органы НКВД усилили режим передвижения спецпереселенцев. Могу рассказать о том, как это произошло.

В феврале 1949-го меня в составе комплексной ревизионной бригады направили в город Кок-Янгак. Там предстояло провести ревизию в городской больнице. После того, как я сделал примерно половину работы решил на выходные поехать в Базар-Курган с тем, чтобы проведать семью. Но вернуться обратно в Кок-Янгак для продолжения работы мне не удалось - органы НКВД наотрез отказались выдать пропуск на выезд. Причем, сделали это без всякой причины, этим самым продемонстрировав свою неограниченную власть над спецпереселенцами.

Вскоре ко мне из областного управления приехал контролер-ревизор КРУ и забрал все ревизионные материалы. А старший ревизор КРУ по Джалал-Абадской области Селянко мне сказал: Должен вам сказать, что вы один из лучших контролеров-ревизоров области. Но в связи с тем, что вам не разрешается выезжать за пределы места поселения, мы не можем оставить вас на этой работе.

Подобную ситуацию, в которую попал не только я один, но и многие представители вайнахской национальности, я склонен связывать с тем, что в 1948

году за подписью заместителя председателя Совета Народных Комиссаров СССР В. М. Молотова вышло постановление об усилении режима передвижения спецпереселенцев. Этому контингенту в бумагах именуемому "спецпереселенцами" запрещалось отлучаться из мест поселения дальше чем на пять километров. Чтобы, пересечь невидимую границу, нужен был специальный пропуск комендатуры НКВД. За самовольную отлучку следовало наказание двадцать лет каторжных работ. А комендатуры НКВД в выдаче таких пропусков отказывали, а если и выдавали, то брали за это соответствующую мзду. Вот в такие жесткие условия были поставлены спецпереселенцы.

В 1949 году я был назначен бухгалтером Базар-Курганского района, где проработал до 1955 года. Несмотря на то, что я не допускал ничего такого, чтобы ко мне были какие-либо претензии, Базар-Курганский райком партии в буквальном смысле слова измотал меня своими придирками. Они заключались в том, что райком партии трижды исключал меня из партии. В первом случае формулировка была такая - «за нецелевое использование ссуды, полученной на строительство жилья в сельскохозяйственном банке». Грешен, я использовал эти деньги на покупку коровы, чтобы обеспечить малолетних детей молоком, а жильем к тому времени меня обеспечили на работе.

Я, естественно, обжаловал это решение райкома партии в Джалал-Абадский обком компартии Киргизии, который счел, что данное нарушение не является основанием для моего исключения из партии, и отменил решение Базар-Курганского райкома партии. Проводивший бюро второй секретарь обкома партии мне порекомендовал наладить свои отношения с райкомом партии, ибо у них и в будущем могут быть ко мне претензии.

Второй раз причина была чисто житейская - якобы за участие в пьянке. А подоплека моего дела заключалась в том, что второй секретарь райкома партии Денисов пригласил меня на работу в качестве инструктора райкома. Я отказался, и при этом объяснил причину отказа: на партийной работе до переселения я работал в качестве заведующего отделом пропаганды и агитации РК ВКП(б) и мне нет смысла возвращаться на партийную работу рангом ниже заведующего отделом.

Может быть, в моем бесправном существовании в качестве спецпереселенца предложенная мне работа и была хороша, но я был неисправим, потому что в таких случаях за меня всегда говорила моя гордость. Гордость человека, который сам перед собой был честен и никогда не опускался до недостойных мужчины поступков. И придирки Денисова выглядели как месть за то, что я никогда не сгибался перед теми, кто находился у власти.

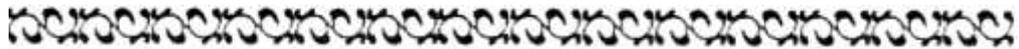
Когда на бюро райкома партии обсуждался вопрос о моем пребывании в рядах коммунистов, Денисов мне припомнил тот случай с приглашением на работу: За вашу чрезмерную грамотность, которую вы нам тут демонстрируете, за вашу непоколебимую гордость мы сегодня исключаем вас из партии.

Я в очередной раз обжаловал это решение райкома в обком партии. Снова заседало бюро, и снова шла речь о моем пребывании в партии. На этот раз бюро обкома партии утвердило решение Базар-Курганского райкома партии Киргизии о моем исключении из рядов коммунистов. Я прекрасно знал, как строилось это дело, и какими белыми нитками оно шито. При более-менее пристальном взгляде на этот вопрос, в моем деле можно было угледеть столько прорех...

Это давало мне хороший шанс на благополучный исход. Я, естественно, обжаловал это решение в ЦК КП Киргизии. Бюро ЦК отменило решение бюро Джалал-Абадского обкома партии о моем исключении из рядов партии. На этот раз уже я праздновал свой триумф.

Базар-Курган. Дети Роза (стоит), Манащ, Шамиль, Ваха и Шукран (сидят). Накануне возвращения домой.

Лучше оставить преступление безнаказанным, чем осудить невиновного.
Траян

В 1955 году, нежданно-негаданно со мной произошли большие неприятности. В один из новогодних выходных дней, точнее, третьего января, я вышел из дома и отправился в райцентр. Здесь встретил своих знакомых Чанку Бескаева и Алаудина Исламова, которые с какой-то заковыристой издевкой говорят мне: Что-то ты стал избегать своих земляков. Не встречаешься с ними, не зовешь в гости, и сам не бываешь у нас в гостях. Что происходит?

Кроме того, они подчеркнули, что я более доброжелательно и благосклонно отношусь к узбекам, киргизам, русским, и встречаюсь с ними, как с близкими друзьями. Естественно, мне пришлось парировать на подобный словесный подкол. После непродолжительной словесной дуэли, я все-таки решил отправиться с земляками. Иначе за мной так и остался бы непопулярный в людской среде статус рафинированного интеллигента. Но прежде чем пойти с ними, я их сразу предупредил: Хорошо, сегодня я пойду с вами - отметим новогодний праздник. Но при одном условии - долго засиживаться не будем.

Они согласились, и мы зашли в столовую.

Людей почти не было, поэтому мы сели за стол, слегка поужинали. Вскоре, как и договорились, не задерживаясь, встали из-за стола и направились к выходу. И тут у самого выхода мы столкнулись с пьяным узбеком, который с ходу кинулся драться. Я лица его не видел, только услышал какую-то возню. Позже выяснилось, что этот человек был умственно недоразвитым, и его вот такое неадекватное поведение можно было объяснить именно этим.

Бескаев сразу предложил мне уйти подальше от столовой, мол, тебе здесь не место. Они были наслышаны о моей ситуации с исключениями из партии, и, видимо, из-за этого решили оградить меня от возможных неприятностей.

Мы все уладим. Не беспокойся, - сказал он и быстро направился в сторону столовой.

Бескаеву я крикнул вдогонку: Не связывайтесь ни с кем!

Когда заметил, что тот даже не оглянулся, крикнул еще раз: Ни в коем случае не связывайтесь ни с кем! И не применяйте холодного оружия.

На улице уже стемнело. Вокруг трудно было что-либо разобрать. На душе было скверно и беспокойно.

Мои самые худшие опасения подтвердились: оказалось, что один из моих знакомых ударил узбека. Чем - я не знаю, так как не видел удара. В итоге у зачинщика драки оказалась перерезанной сонная артерия. Потом выяснилось, что до больницы его не довезли - он скончался от потери крови. Но об этом я узнал позже.

Я не знал, что происходит у столовой. Немного постояв, решил пойти домой. В это время ко мне подошел Бескаев и вместе мы дошли до моего дома. Мы немного посидели, выпили чай, и Бескаев ушел к себе домой. Мне он о происшедшем ничего не сказал. Проводив Бескаева, я лег спать.

Среди ночи большая толпа узбеков заполнила двор моего дома. В дверь постучал знакомый милиционер. А во дворе стоял шум, гам, звучали угрозы.

<http://www.checheninfo.ru/bibliotekainfo>

Жена сказала мне: Милиционер Гезик требует открыть дверь. А за дверью толпятся узбеки. Я ничего не понимаю. Что происходит?

Я сказал милиционеру: Убери со двора людей. Тогда я открою дверь.

Он вывел людей со двора и я открыл дверь и впустил Гезика в дом. Он сказал: Одевайся, тебя вызывает начальник РОВД Зыков.

Я быстро оделся и потел с ним в милицию. Оказалось, что Бескаев и Исламов уже сидели в КПЗ. Меня не стали сажать, а держали в дежурной комнате милиции.

Я сказал дежурному: Что вы на показ всем держите меня в дежурке? Отведите в КПЗ.

После этого меня тоже поместили в камеру предварительного заключения. Началось следствие, которое вел старший следователь областной прокуратуры Саримсаков. Мы с ним были хорошо знакомы.

Джалал-Абад, 1954 год.

Нам всем предъявили обвинение по ст. 58 - убийство. Спустя некоторое время повезли в город Джалал-Абад и поместили в тюрьму, в одиночные камеры, изолировав друг от друга.

Я находился в крайне нервном состоянии. И не потому, что боялся предстоящего суда. Мне было обидно, что оказался в такой ситуации, будучи не причастным к этому делу. Никакими действиями, ни физическими, ни словесными я не был повинен в убийстве узбека, которого я даже в глаза не видел, никогда его не слышал и до сего времени не знаю, кто он такой.

Я очень беспокоился из-за своей семьи. Жена и пятеро малолетних детей были предоставлены самим себе, без всякой опоры. Жена не работала, не имела никакой специальности, семья существовала исключительно на мою зарплату. Я все время думал о них и без конца задавал себе вопрос: как они будут жить без меня? Без моей помощи они могли пропасть, потому что некому было обеспечить их едой. Все три месяца, которые я провел в тюрьме, я почти не спал, неотступно думая об этом.

Когда мне сообщили, что завтра на выездном судебном заседании Джалал-Абадского областного Суда будет слушаться уголовное дело, перед сном я в очередной раз обратился к Аллаху, Его пророку и своему устазу с просьбой: «О, Аллах! Если я в этом деле виновен, я не прошу Тебя об освобождении, а если я не виновен, молю, помоги мне в освобождении от наказания!»

В эту ночь, как ни странно, я уснул так крепко, что даже видел необычный сон, будто я сижу на белом коне, который сам стоит на колесах, и он не бежит, как обычно это делают кони, а катается по оврагам и бездорожью с такой невероятной скоростью, что я все время боялся упасть с него и разбиться насмерть. Но конь продолжал двигаться на этих самых колесах и привез меня прямо в райцентр. Когда я слез с него, первым человеком, который мне встретился, был мой сосед Джалаудин Сативальдиев. Этот сон я запомнил на всю жизнь. На следующий день меня освободили прямо из зала суда. Услышал Аллах мою мольбу о помощи. На чеченском языке мольба прозвучала так: *«Вега Дела, Делан элча, Сесанара Воккха хьаьжа, доьху шуьга - нагахь х/окху г1уллакх т1ехь со бежхе вацахь, со х1окху баланах хьалхаваккхар!»*.

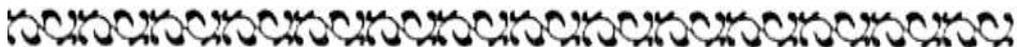
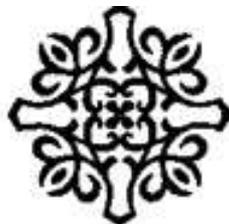
Теперь уже в третий раз я был исключен из партии в связи с арестом, и мне предстояло в очередной раз бороться за восстановление в ее рядах. Для этого сначала надо было добиться оправдания по суду, так как я при освобождении областным судом был осужден на один год условно. Пока на мне висела эта судимость, о восстановлении в партии не могло быть и речи. Я обратился с кассационным заявлением в Верховный суд Киргизской ССР. Через некоторое время ВС отменил приговор Джалал-Абадского областного суда и оправдал меня по суду, как невиновного. Согласно закону, мне выплатили зарплату за эти три месяца. Следующим этапом борьбы было мое обращение в ЦК КП Киргизии с просьбой о восстановлении в партии. Моим делом занялась партийная комиссия при ЦК КП Киргизии. Бюро ЦК восстановило меня в партии, и я получил партбилет в Молотовском РК КП Киргизии по месту работы.

Во второй половине 1955 года я со своей семьей переехал в Молотоабдский район Ошской области. Вскоре меня назначили бухгалтером детского дома. Детдом находился на бюджете Джалал-Абадского областного отдела народного образования. Директором детского дома была замечательная женщина - Клавдия Александровна Ширяева, с которой было очень легко работать. Сама она была в достаточно зрелом возрасте, соответственно, имела солидный опыт работы. У нее я многому научился, а главное - умению ладить с людьми, умению убеждать, а

иногда - прощать ошибки, совершенные по недоразумению или просто по беспечности. Здесь же, в Молотоабаде, я окончил десять классов средней школы сельской молодежи. Бухгалтером детского дома я проработал до возвращения на родину - вплоть до 1957 года.

После смерти Сталина, когда главой государства стал Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) Н. С. Хрущев, отношение к спецпереселенцам несколько изменилось. Стало возможным свободное передвижение, и это позволило депортированным воссоединиться со своими родственниками, где бы они не находились. Этой возможностью воспользовался и я. В 1956 году вместе с двоюродным братом отца Зовлмаканом Мидалишевым я съездил в селение Эркеншилик, что в Акмолинской области. Побывал на могиле матери, поставил надмогильную плиту, устроил поминки по ней, по обычаю собрав людей на мовлид. Этот свой долг перед матерью я смог выполнить только спустя много лет.

9 января 1957 года был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР о восстановлении Чечено-Ингушской АССР и в том же году люди в массовом порядке стали возвращаться на родину. Возвращение происходило хаотично, так как местная власть не приняла соответствующих мер с тем, чтобы облегчить жизнь возвращающимся.

*Любят родину не за то, что она велика, а за то, что она родина.
Сенека*

Я со своей семьей вернулся на родину в ноябре 1957 года. Если в феврале 1944 года мы с женой Хаврой Асталовой были депортированы с дочерью Розой, то сейчас мы возвращались с шестью детьми: в нашей семье росли два сына и четыре дочери. Пятеро детей родились в Киргизии.

Возвращались мы не с теми, кто выезжал в массовом порядке, а самостоятельно. Перед тем, как выехать, я полностью сдал дела новому бухгалтеру. В этих вопросах я всегда был очень щепетилен: главное, чтобы ко мне не было никаких претензий.

Ехали мы через Москву, где остановились на два дня, чтобы приобрести здесь одежду и обувь для всей семьи. Свои домашние вещи мы отправили контейнером со станции Кзыл-Кия Ошской области.

Дорога была очень длинная и очень хлопотная. Особенно для моей супруги. Сам до сих пор не понимаю, как это женщинам удается справляться с таким неугомонным хозяйством, к тому же в таком замкнутом пространстве, как обычный вагон поезда. Ведь детей надо накормить, напоить, умыть, одеть, переодеть, уложить спать, попутно исполняя все их прихоти.

Прибыли мы на станцию города Гудермес в конце ноября 1957 года. Одновременно к нашему приезду прибыл и контейнер с нашими вещами. К счастью, на железнодорожной станции я встретил знакомого шофера из села Саясан - Шахида Хасиева, который любезно согласился отвезти нас в село.

Сразу же, получив свои вещи и перегрузив их с контейнера на его грузовую машину, мы отправились в путь. По дороге нас застала непогода - пошел дождь со снегом. Грузовик, буксуя, часто останавливался на подъемах, и нам периодически приходилось подбрасывать жерди и другой подручный материал под колеса, чтобы машина могла продолжить движение.

С неимоверным трудом, благодаря изобретательности и упорству Шахида, мы вырвались из дорожного плена и добрались до Саясана. Здесь мы остановились у близкого родственника жены Ахматгери Арсаханова. После нескольких дней пребывания в его семье, за нами приехал мой двоюродный брат Дардаил Эслаев. Он забрал нас домой в селение Гордали и мы поселились в своем доме.

Вскоре дети школьного возраста пошли в школу. Моя семья зимовала в Гордали. Дардаил помог нам привезти дрова на зиму, обзавестись необходимыми продуктами питания.

Здесь следует отметить, что в нашем селе в момент выселения жили дагестанцы. После возвращения домой чеченцам пришлось выкупать у них свои домовладения. В их числе был и я. Мне тоже пришлось выкупить свой собственный дом у дагестанца. Говорить о том, что это моя собственность и выкупать ее я не должен, было бесполезно, так как власть прекрасно знала всю ситуацию, связанную с недвижимостью.

Итак, моя семья вернулась в Саясан. Пост первого секретаря райкома партии на тот период занимал Садудин Бунахович Мизаев. Мы с ним были знакомы по комсомольской работе. Он мне и предложил пост заведующего райфинотделом. Это была номенклатурная должность, поэтому меня направили в обком партии на собеседование. После вот такой обязательной процедуры мне надлежало отправиться в Наркомат финансов республики. После беседы с первым заместителем Наркома, он же своим приказом назначил меня заведующим Саясановским райфинотделом. В этой должности я проработал до ноября 1959 года.

На открытии Саясановской подстанции 1959 год.

Садудин Бунахович Мизаев был из той категории руководителей, которые, прежде чем пригласить кого-нибудь на работу, предварительно приглядываются, изучают человека. И если он находил его инициативным, работоспособным в той или иной сфере, то непременно продвигал его дальше по служебной лестнице. С такой же целью он, оказывается, приглядывался и ко мне - об этом я узнал позже.

Однажды он взял меня с собой на собрание в мое родное село. Вопрос, с которым он собирался выступить на собрании коммунистов, был очень важный и касался объединения двух колхозов в один укрупненный колхоз им. Кирова. Его выступление перед собравшимися было по-деловому лаконичным, аргументированным и в то же время достаточно напористым. В своей речи он не преминул подчеркнуть, что решение объединить два хозяйства в один крупный колхоз исходит от районной парторганизации, давая этим понять, что за них все уже решено - остается только проголосовать. Он был неплохой оратор - умный, эрудированный, неплохо знал село и его проблемы. Словом, у него было чему поучиться.

Когда после собрания мы возвращались в райцентр, С. Мизаев неожиданно спросил меня: -Ну, как я разговаривал с колхозниками?

Я понимал, что вопрос, который первый секретарь райкома только что обсуждал с колхозниками, был для него своеобразным экзаменом. И сейчас он хотел быть уверенным, что на собрании он говорил с людьми убедительно, и они его хорошо поняли и поддержали. В данном случае ему важно было услышать мнение человека, который со стороны наблюдал за ходом собрания. Нисколько не лукавя, я сказал ему: Вы разговаривали с колхозниками в полном соответствии с постом первого руководителя района. Говорили вы коротко и очень убедительно.

Видно было, что мой ответ ему понравился. Потом, уже когда я сам работал на ответственных должностях, я вспоминал наш короткий разговор в машине, и ловил себя на мысли о том, что иногда, даже занимая высокий пост, человеку свойственно сомневаться, критиковать самого себя и по сути заниматься самообразованием. Так уж устроен человек.

Я продолжал работать заведующим райфинотделом. Как мне казалось, неплохо втянулся в работу. По опыту знаю, что один из признаков успешной работы - это когда утром ты с удовольствием отправляешься в свой коллектив.

Стояла осень 1958 года. Как раз в это время РК КПСС направил меня на двухмесячные курсы переподготовки руководящих партийных и советских работников, которые были организованы при Грозненском филиале Высшей партийной школы ЦК КПСС. Через неделю после начала учебы на курсах меня пригласили в обком КПСС. Заведующий отделом партийных органов обкома партии Анатолий Иванович Сухов во время беседы мне сказал: Эти краткосрочные курсы много вам не дадут в плане образования. Есть мнение обкома партии рекомендовать вас на должность председателя Саясановского райисполкома.

Новость для меня была неожиданная, поэтому я спросил: А как же председатель райисполкома Ахмед Сапарбиевич Батыжев?

Почему вы беспокоитесь о судьбе Батыжева? О нем побеспокоится обком партии, - ответил вопросом на вопрос А. И. Сухов.

Мне безразлична судьба Ахмеда Сапарбиевича. Ведь я работал с ним в качестве его заместителя до выселения. И сейчас работаю в его подчинении.

На это А. И. Сухов мне ответил: Вот поэтому мы и рекомендуем вас на руководящую работу. Именно потому, что вам безразличны судьбы других людей.

Я догадывался, что в первую очередь мою кандидатуру одобрил первый секретарь Саясановского райкома партии С. Б. Мизаев, а обком с ним согласился.

Здесь я сделаю небольшое отступление. Однажды мы с С. Мизаевым обедали вместе. Человек он был интересный, слушать его было одно удовольствие. Он никогда не имел привычки разговаривать с людьми свысока. Кроме того, я знаю, что он многим людям дал путевку в жизнь. И в тот день мне представилась возможность его поблагодарить. И я ему сказал: Я никогда не забуду, что вы для меня сделали и делаете. Вы по существу сделали из меня человека.

Тогда, помню, он мне ответил: Ты ошибаешься, я никогда не смог бы сделать из тебя человека, если бы ты не был им. Ты сам сделал из себя человека. *(На чеченском языке это звучит так: «Хьо хьуо ву хьайх стаг винарг, хьо стаг ца хиллехьа ра, соьга хьох стаг валур вацара»).* Вот таким умным, скромным, чрезвычайно корректным человеком был ныне покойный С. Б. Мизаев. Дала цунна геч дойла!

Однако вернемся к нашему повествованию. После беседы А. И. Сухов направил меня в Совет Министров республики, к первому заместителю председателя Совета Министров ЧИАССР М. А. Дорохову. После достаточно продолжительной беседы моя кандидатура была одобрена, и в ноябре 1958 года меня избрали председателем Саясановского райисполкома. Как известно, председатель райисполкома по своему статусу являлся вторым лицом в руководстве района.

Наш район входит в зону высокогорных районов республики. Скажу вам прямо, мое боевое крещение в качестве руководителя исполнительного органа района проходило в очень тяжелый период. Это было время, когда в республику из мест депортации в массовом порядке стали возвращаться спецпереселенцы.

Здесь следует отметить, что государство не обеспечило их возвращение: не был решен вопрос обеспечения людей жильем (их собственное жилье было занято), для возвращающихся на родину не были предусмотрены рабочие места, репатрианты не могли получить земельные наделы для выращивания овощей и других нужд своих семей, не было детских садов. Кроме всего прочего, люди возвращались домой с минимальным количеством вещей, достаточно потратившиеся в пути, изможденные дорогой. При этом люди возвращались на свои собственные средства, не получая от государства ни копейки.

Воспитанники Саясановского детского сада, среди которых затерялись и мои сыновья - Шамипь и Ваха 1958 год

Люди по существу были предоставлены сами себе при обустройстве и восстановлении своих жилищ. Практически все приходилось возрождать заново, с нуля. Все, кто пережил период возвращения на родину, знают, насколько сложный путь прошли сосланные при новом обустройстве у себя дома.

Но жизнь не стоит на месте. С невероятными трудностями, но жизнь постепенно налаживалась. Население района обзаводилось домашними животными, приобретали необходимые для хозяйства предметы, возделывали землю, обустраивали свои жилища и хозяйственные постройки, обветшавшие за долгое время отсутствия хозяев.

В горных районах основой хозяйственной деятельности издавна являлось животноводство, садоводство и частично - выращивание зерновых культур, в основном - кукурузы. Колхозы только-только начали восстанавливаться и являли собой одно название. В горах нет возможностей для размаха - сеять зерновые на бескрайних просторах, как это делается на плоскости, разнообразить ассортимент высеваемых культур, проводить орошение посевных площадей и т. д. Крохотные по плоскостным меркам земельные участки колхозов разбросаны по всей территории хозяйства, а значит, нет единого поля для выращивания зерновых. Это крайне неудобно при возделывании земель.

Поля в основном засеивались кукурузой. Определенное количество земель отводилось под сенокосные участки, преимущественно, для колхозного скота, так как основным кормом для скота являлись сено и стебли кукурузы. Часть непригодных для посевов земель отводилась под пастбища.

В районе отсутствовали дороги с твердым покрытием не только местного, но и республиканского значения. Ездить приходилось верхом на лошадях. Ощущался большой недостаток в грамотных кадрах. Колхозы возглавляли малограмотные практики. Сельские Советы и партийно-комсомольские организации также возглавлялись людьми малограмотными. Большая нужда была в специалистах сельского хозяйства - их почти не было в колхозах (агрономы, зоотехники, ветеринары, экономисты). Все колхозы района были нерентабельными и держались исключительно на ограниченных государственных кредитах. Колхозники работали на трудодни, и эти трудодни не оплачивались, так как не из чего было платить. На трудодни работали не только колхозники, но и другие специалисты и даже председатели колхозов.

С членами районного актива. Начало 60-х годов

Несмотря на трудности, мы активно искали возможности наладить работу в колхозах, чтобы они, наконец, стали рентабельными. С этой целью принялись искать пути выхода из экономического тупика, в котором оказались хозяйства района.

Однажды мы с С. Б. Мизаевым пригласили в райком нескольких председателей колхозов. Это были люди, которые на деле не единожды демонстрировали пытливый ум, хозяйскую хватку и практичность в делах. В числе приглашенных были председатель колхоза им. Орджоникидзе Дадаш Хусихаджиев, председатель колхоза им. Калинина Ами Мунапов и председатель колхоза «Заветы Ильича» Зовлмакан Байраков. С ними мы и поделились своими соображениями о том, чтобы запустить в хозяйствах района выращивание хмеля. При этом привели следующие доводы: хмель - культура не трудоемкая, широко используется в пищевой промышленности, и на него, как нам казалось, можно найти рынок сбыта.

Первым, в качестве эксперимента, должен был начать эту работу председатель колхоза имени Орджоникидзе Дадаш Хусихаджиев. Он первый и начал разводить эту культуру у себя в колхозе. Хмель хорошо принялся, тем более что эта культура в диком виде здесь уже росла.

Узнав о нашей затее, первый секретарь обкома партии Александр Степанович Трофимов и председатель Совета Министров ЧИАССР Муслим Гайрбекович Гайрбеков, а также председатель Госплана республики Брыксин приехали к нам в район с целью посмотреть, как прижилась культура в колхозе, расположенном в горной части республики. Они хотели убедиться в том, что выращивание хмеля в дальнейшем можно будет рекомендовать и другим горным районам.

Мы все вместе отправились в колхоз имени Орджоникидзе. Побывали на поле, и убедились, что культура хорошо принялась. Теперь оставалось дожидаться осени и посмотреть, насколько востребованным окажется урожай хмеля.

Вскоре мы убедились в том, что это была неудачная попытка пополнить колхозную казну. Осенью, собрав мешок хмеля, Дадаш Хусихаджиев обошел все пищевые предприятия республики, но ни одно предприятие пищевой промышленности не откликнулось на его предложение закупить в колхозе хмель. При этом все заявляли, что у них уже есть в достаточном количестве готовый к употреблению обработанный хмель. Таким образом, одна из наших попыток пополнить доходную часть колхоза потерпела фиаско из-за отсутствия рынка сбыта.

Обком партии и Совет Министров республики своим решением во временное пользование колхозам горных районов выделили земельные участки из неиспользуемых земель плоскостных районов. Колхозам Саясановского района были выделены земли в Алханчуртской долине, в частности, такой земельный участок достался малоземельному колхозу им. Орджоникидзе. На нем колхоз посеял пшеницу и рис. Когда рис дошел до уборочной стадии, директор совхоза «Алханчуртский» Льянов, оказывается, положил глаз на рисовый участок. Впоследствии он поставил вооруженную охрану и не позволял колхозникам убрать созревший рис, выращенный этими же людьми.

Льянов не мог не знать о том, что семена принадлежали колхозу им. Орджоникидзе, трудились на этом участке земледельцы именно этого хозяйства. Будучи прекрасно осведомленным, он позволил себе заявить, что рис посеян на самовольно захваченном участке. Спрашивается, почему он терпел доселе такое самоуправство? Почему не уделил внимания данному вопросу до того момента, пока рис не дошел до предуборочной кондиции? Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы не понять скрытую подоплеку данного вопроса, а именно: Льянов просто решил присвоить рис и в этом его поддерживал тогдашний прокурор Малгобекского

района, и на пару с ним - первый заместитель прокурора республики Хасан Мехтиев.

В связи с данным инцидентом ко мне обратился председатель колхоза им. Орджоникидзе Дадаш Хусихаджиев. Я тут же доложил об этом первому секретарю райкома партии Сайд-Али Гайрбековичу Даурбекову. Затем, получив от него добро, я вместе с Дадашем отправился в обком партии и доложил об этом секретарю обкома партии Шамсуддину Сагаевичу Сагаеву. А дальше, как водится, закрутилась телефонная карусель: секретарь обкома позвонил прокурору республики Романову и поручил разобраться в этом деле. А мне было предложено отправиться к Романову.

Я, в свою очередь, объяснил ситуацию уже прокурору республики, после чего в кабинет был вызван первый заместитель прокурора республики Хасан Мехтиев. Ему было дано поручение в кратчайшие сроки разобраться по существу и доложить. И тут Мехтиев при Романове мне говорит: Кто вам мешает убрать рис? Убирайте!

Тогда, разгоряченной таким циничным вопросом, а также будучи осведомленным об оборотной стороне дела. Я не сдержался, и говорю: Именно вы вместе с прокурором Малгобекского района мешаете нам убрать рис!

Романов тут же позвонил начальнику управления откормочных совхозов республики Черкевичу. Тот очень удивился этому факту и написал записку директору Совхоза «Алханчуртский» Льянову, из которой следовало: немедленно снять охрану и дать возможность колхозу убрать рис.

Иногда обстоятельства складывались таким образом, когда обычное твоё поведение в рамках приличия другая сторона могла расценить как слабость. Поэтому вопросы приходилось решать так, будто ты ввязался в навязанный тебе кулачный бой. Вот и в этот раз, придя на рисовое поле, я предложил охране немедленно убираться оттуда. И вдобавок пригрозил: Сюда собирались приехать колхозники, которые сейчас сидят на полуголодном пайке и которые невероятно озлоблены, если бы это случилось, они растерзали бы вас. Я обещал им решить этот вопрос мирным путем. Поэтому уходите отсюда подобру-поздорову.

Конфликт вскоре был исчерпан, колхозники удачно собрали урожай, и этот инцидент остался далеко в прошлом, напоминая нам о том, что иногда следует быть начеку и не расслабляться.

Колхозы, расположенные в горных районах, и ориентированные на мясомолочное направление, вскоре стали производить только мясо. Если проще - эти колхозы должны были получать высокие приплоды и выращивать скот на мясо, а дойное стадо отныне содержалось только на производство молока для внутриколхозных нужд и для выкармливания телят молоком. Схема была простая - откармливать скот, доводить его до нужной кондиции и продавать государству.

Но при этом району сверху спускались планы по закупке излишков мясомолочных продуктов для государства как от коллективных, так и индивидуальных секторов. Колхозам было разрешено вместо молока сдавать топленое масло.

Из-за этого обстоятельства случались некоторые казусы. Воспользовавшись тем, что разрешалось сдавать топленое масло, в колхозах тут же сообразили, каким образом можно решить план по сдаче государству молочных продуктов. Они стали закупать у торговых предприятий сливочное масло за наличный расчет, перетапливали его уже на топленое масло и сдавали в маслопром. Это, конечно, был прямой обман, так как вот такие махинации не пополняли государственные ресурсы молокопродуктов.

Уровень жизни людей в нашем районе был очень низкий. Не думаю, что положение дел в других таких же районах было лучше. Но при этом ежеквартально выполнялись планы закупок животноводческих продуктов как по коллективному сектору, так и по индивидуальному. Эти достижения традиционно отмечались переходящими знаменами обкома партии, Совета Министров и Облсовпрофа республики.

Высокие места занимал район и по другим позициям. К примеру, ежегодно отмечалась хорошая подготовка школ к зиме – качественный ремонт школьных зданий и заготовка топлива к зиме. Первые места занимал район по развитию художественной самодеятельности. Коллективы самодеятельных артистов выступали на районных и республиканских смотрах, их мастерство с каждым годом совершенствовалось.

Постепенно менялся облик районного центра Саясан. Были построены дома, предназначенные в первую очередь для специалистов, работающих в разных сферах, начала функционировать сельская баня, на реке Аксай заработала региональная электростанция. В честь этого знаменательного события мы провели торжественный митинг. В районном празднике приняли участие заведующий идеологическим отделом обкома КПСС Б. Г. Габисов, первый секретарь Ножай-Юртовского РК КПСС Г. Э. Межидов, третий секретарь Саясановско-го РК КПСС З. Дзиабаев, от старейшин района выступал Роаду Окуев, житель селения Энгеной.

Первомай в Ножай-юрте. 1962 год.

Все населенные пункты Саясановского района были электрифицированы. По большому счету это был подарок не только для жителей Саясановского района, но и соседних Ножай-Юртовского и Веденского районов, поскольку наша подстанция снабжала электроэнергией и населенные пункты, расположенные в этих районах.

Словом, «лампочка Ильича» стала желанной гостьей в домах жителей нашего района.

В тот же период на реке Аксай был построен большой мост, соединяющий дорогу республиканского значения, а чуть выше, на этой же реке, был построен еще один мост, но уже местного значения. Им в основном пользовались школьники, так как новая типовая школа была построена на окраине села Саясан на другой стороне реки.

Тут следует отметить, что выбор места строительства школы пал на этот участок, поскольку в райцентре не нашлось более подходящего места для такого крупного объекта. Здесь также учитывался еще один момент: этот участок находится между тремя населенными пунктами, откуда дети должны были ходить в школу, - это Нижний Саясан, Верхний Саясан и хутор Мааси.

Комсомольская свадьба в Саясановском районе.

Для строительства автодороги с гравийным покрытием в направлении от райцентра Саясан к городу Грозному предлагалось два варианта. Первый вариант - через селение Шуани, второй - по гребню селения Гордали. Единственным преимуществом первого варианта было то, что длина этого участка дороги была несколько короче, чем во втором варианте, и дорога прямо выходила на мост.

Однако здесь был один нюанс: поэтому направлению дорога прокладывалась по крутому левому склону речки Ахк, впадающей в реку Аксай, и имела большой подъем. К тому же грунт был с примесями сланцевой породы, и каждый раз при обильных дождях местами сползал на дорожное полотно, закрывая тем самым движение транспорта. Точно так же происходил и оползень участков самого дорожного полотна, так как не было никакой возможности для обустройства берегоукрепительных сооружений на такую большую глубину склона.

Видя такое положение дел, я предъявил претензии к прорабу дорожных работ. Почему они выбрали эту трассу для строительства дороги? Этот вопрос, конечно, был несколько не по адресу, но тот, в присутствии начальника районного управления сельского хозяйства Дугу Канзиева, кивая на него, сказал, что это он настоял на таком варианте. Д. Канзиев, в свою очередь, покраснев, вспылил: Я что, инженер по-дорожному строительству, что ли? Я вас не заставлял вести эту дорогу по этой трассе!

А на самом деле, так, наверное, и было, так как Канзиев был заинтересован, чтобы дорога проходила через Шуани, а именно - недалеко от его собственного дома. Потом, намереваясь провести дорогу по гребню Гордали, дорожники довели республиканскую дорогу до села Бас-Гордали, проложив ее по водоразделу.

Как бы там ни было, дорогу республиканского значения построили, и райцентр теперь имел выход на Грозный. Но участок этой дороги от Саясана до села Шуани, как я уже говорил, постоянно подвергается оползням. Чаще всего это происходит после дождей. И в этих случаях в очередной раз приходится производить ремонтные работы и держать дежурную дорожно-строительную технику, затрачивая на нее колоссальные денежные средства.

Немало времени мне приходилось уделять подготовке и проведению выборов в Верховный Совет республики и местные Советы депутатов трудящихся. Проводились, как и положено было, отчетные и отчетно-выборные собрания в колхозах. В некоторых из них участвовал я, а в остальных принимали участие ответственные работники РК КПСС и райисполкома.

На одном из таких собраний в колхозе им. Жданова председателем правления колхоза была избрана двадцатилетняя девушка Курбика Докуева. Из этого на первый взгляд неординарного события телевидение, радио и газеты сделали сенсацию Курбику Докуеву фотографировали, снимки помещали на обложках таких популярных журналов, как «Огонек» и другие издания. Даже в зарубежных средствах массовой информации появлялись статьи по этому поводу.

Сама Курбика, шутя, говорила: Кроме меня и Юрия Гагарина ни о ком в этом мире не говорят. На чеченском языке это выражение Курбики звучит примерно так: *«Сой, Гагаринний бен кхин дуьйцуш х1умма а дац-кх кху дуьненахь»*.

Через некоторое время, летом, после того, как Курбика Докуева стала председателем колхоза, ко мне позвонил председатель Совета Министров республики Муслим Гайрбекович Гайрбеков и сказал: Завтра мы с первым секретарем обкома КПСС Александром Степановичем Трофимовым едем в колхоз им. Жданова. К полудню подъезжай в Курчалой нам навстречу.

Честно говоря, это обстоятельство меня несколько озадачило. С чем ехать? Брать с собой что-нибудь из еды и напитков, как это обычно было принято? И какие именно напитки брать: сладкие или горячительные? К тому же, я не знал, как ко второму варианту отнесутся Трофимов и Гайрбеков - я раньше с ними не встречался в такой обстановке.

На тот период Мизаев и Володин, первый и второй секретари райкома партии, отсутствовали - оба были на выезде. На месте был третий секретарь райкома партии Зайнди Дзибаев. Я ему сказал: Я должен встретить Трофимова и Гайрбекова. Предлагаю поехать со мной.

Он согласился, и мы отправились навстречу гостям, не имея при себе ни еды, ни напитков.

После встречи с ними в Курчалое, мы отправились в колхоз им. Жданова. Я ехал на своей служебной машине впереди. Не доезжая до селения Хиди-хутор, Гайрбеков, обгоняя нас, махнул мне рукой, сделав знак остановиться.

Мы остановились около небольшого кустарника. Гайрбеков постелил на траве небольшой ковер, вытащил из багажника жареную курицу, хлеб, несколько помидоров. Мы сели все вместе - Трофимов, Гайрбеков, Дзиабаев и я. Гайрбеков разломал курицу на части и предложил последовать его примеру.

На природе аппетит разыгрался так, что дальше ехать уже не было сил, - сказал Муслим Гайрбекович.

А мне в эту минуту было не по себе. Надо же оказаться в таком положении! «Мог бы догадаться и взять с собой что-нибудь из еды», - упрекал я себя мысленно.

Немного посидев и подышав свежим воздухом, мы продолжили путь в колхоз. Доехали до села Региты, где находилась контора колхоза. По случаю приезда первых руководителей республики здесь уже собрались колхозники. Они поднимали свои проблемы, задавали вопросы. С колхозниками в основном общался Александр Степанович Трофимов.

Улучив момент, я отозвал в сторонку председателя сельисполкома Абдулкеримова и спросил его: Вы подготовили обед для гостей?

- А он мне отвечает, что ничего не стал готовить.

-Я ему говорю: Как же это так? Я же вчера вечером прислал к тебе председателя Ялхой-Мохковского сельисполкома Нажу Алатаева с наказом, чтобы ты подготовился к встрече гостей.

Апатаев мне не говорил, что что-то надо готовить. Он только сообщил, что приедут гости.

Вот те раз! У меня внутри все стало закипать. Мало того, что я сам все еще продолжал корить себя за свою промашку, а тут еще один сюрприз нарисовался.

Ты же не маленький мальчик, чтобы не знать, как надо встречать гостей. Мог бы сам догадаться.

Он стоял, потупив голову. А я про себя думаю: «Пропал я совсем. стыда теперь не оберешься.» А тем временем беседа колхозников с Трофимовым и Гайрбековым была в самом разгаре. Многие затрагивали наболевшие проблемы, говорили открыто и раскованно - оба гостя были люди демократичные, открытые и могли расположить людей к себе. Но в людской массе оказывались и такие, кто начинал говорить только для того, чтобы что-то сказать. Одним из таких «ораторов» был мельник Минкаил Дадаев, несколько туговатый на слух. Он, по своему обыкновению, принялся говорить какую-то чепуху. Тут я не выдержал и говорю ему: Минкаил, твоя кормушка - колхозная мельница. Поэтому попридержи свое красноречие, пожалуйста.

А он мне в ответ: А что, мне нельзя кормиться мельницей, когда твоей кормушкой является весь район?

Мне, как руководителю района, не пристало устраивать здесь словесную перепалку. По опыту знаю - чем больше обращаешь внимание на подобные выпады, тем больше человек распаляется. Поэтому я не стал отвечать на слова мельника, к тому же на этот разговор М. Г. Гайрбеков не обратил внимания, а А. С. Трофимов не знал, что тот сказал на чеченском языке.

Собрание продолжалось, а у меня на душе скребли кошки. Через некоторое время я говорю председателю колхоза Курбике Докуевой: Я сейчас могу оказаться в очень неловком положении. Оказывается, Абдулкеримов, которому я поручил еще вчера подготовиться к встрече гостей, практически ничего не сделал. Теперь позора не оберешься.

Она, не моргнув глазом, мне отвечает: Не беспокойтесь. Я сейчас все организую. Надо было отправить сообщение мне, а не Абдулкеримову.

Она тут же отправилась к своей сестре, которая жила неподалеку, и, отдав соответствующие распоряжения, вернулась обратно. А та действительно не подкачала: быстро сварила курей, в темпе сделала галушки в качестве основного блюда. Когда после окончания встречи мы отправились на обед, стол в доме сестры Докуевой ломился от яств.

После обеда мы выехали из колхоза. Я проводил гостей до Курчалоя. Здесь Гайрбеков сказал мне: Дальше нас провожать не надо. Отсюда мы уедем сами. А ты возвращайся. Наши гости уехали в Грозный, а я вернулся в Саясан.

В период моего руководства вместе со сменявшими друг друга первыми секретарями РК КПСС С. Мизаевым, С.-А. Даурбековым и С. Амхадовым приходилось заниматься проблемой укрупнения колхозов и сельских Советов путем их объединения. Таким образом были объединены колхозы им. Кирова и колхоз им. Карла Маркса в один колхоз им. Кирова, и, соответственно, были объединены Центральный Гордалинский и Бас-Гордалинский сельские Советы в один Гордалинский сельский Совет. Колхоз «Заветы Ильича» (Ялхой-мохк) и колхоз им. Стаханова (Ахкинчу-Борзой) объединили в один колхоз «Заветы Ильича» с центральной усадьбой в селении Ялхой-Мохк. В соответствии с этим объединились Ялхой-Мохковский сельсовет и Ахкинчу-Борзоевский сельсовет в один Ялхой-Мохковский сельский Совет. Населенные пункты Ачерешки, Хиди-Хутор, Регита, Джагларги, Ники-Хита и Корен-Беной были объединены в один Хиди-Хуторский сельский Совет и вошли в колхоз им. Жданова. Населенные пункты Шуани и Гансолчу вошли в Шуанинский сельсовет, село Турты-Хутор отошло к колхозу им. Калинина, и, соответственно, относилось к Аллероевскому сельскому Совету. Колхоз им. Кагановича (селение Саясан) и колхоз им. Орджоникидзе (селение Энгеной) были объединены в один колхоз им. Орджоникидзе с центральной усадьбой в селении Энгеной, и в соответствии с этим были объединены

На отдыхе в Нальчике 1967 год.

Энгеновский и Саясановский сельсоветы в один Саясановский сельсовет с центром в селении Энгеной.

В 1961 году в районе появились слухи о том, что Саясановский район будет упразднен. Оказывается, в это самое время в адрес обкома партии и Совета Министров республики стали поступать письма от отдельных личностей района. В связи с этим мне позвонил председатель Совета Министров республики М. Г. Гайрбеков и сказал, что к ним приходит большой поток писем от жителей нашего района с просьбой о сохранении райцентра в Саясане.

- Я бы тоже хотел центр Республики перенести в свое родное село Валерик, но так получается. Почему вы не разберетесь там у себя и не остановите этих людей? - спросил меня Муслим Гайрбекович.

Что-то мне подсказывало, что он подозревает меня в организации потока этих писем. Раздраженный этим, я сказал М. Г. Гайрбекову: Мне лично нет никакой разницы где будет находиться райцентр. Я пойду туда куда меня пошлют работать в любом ранге, а авторов писем я не могу остановить, так как понятия не имею, кто эти люди.

В это самое время первый секретарь РК КПСС С.-А. Г. Даурбеков добивался в обкоме КПСС своего перевода в один из плоскостных районов, что ему впоследствии и удалось: его перевели первым секретарем райкома партии в Ачхой-Мартановский район, теперь стоял вопрос о его замене в Саясановском районе. Кандидатура намечалась моя, а на мое место намечалась кандидатура Д.К. Канзиева, занимавшего пост начальника сельхозуправления райисполкома.

По данному вопросу нас троих вызвали в обком КПСС. Шло заседание бюро обкома и нас попросили ждать своего вызова в приемной. Первым вызвали С.-А. Г. Даурбекова Он находился на приеме достаточно долго. У него оказывается, спросили, могу ли быть первым руководителем в районе я. Он ответил: Да, может, но при условии если туда послать другого председателя райисполкома извне.

Этим он, конечно, не хотел помешать мне, но выполнял наказ своих приближенных Э. Магомед Хаджиева и Б.Булуева, которым категорически не хотелось, чтобы председателем райисполкома стал Д. Канзиев. Они, кстати, тоже не думали, что это их желание помешает моему продвижению по должности.

После такого заявления Даурбекова А. С. Трофимов сказал: В таком случае, чем искать кандидата на пост председателя райисполкома, давайте подумаем, кого туда рекомендовать первым секретарем райкома партии. К тому же у нас там есть неплохой председатель райисполкома.

Тогда секретарь обкома партии по сельскому хозяйству Ш. Сагаев предложил кандидатуру С. Амхадова, работавшего председателем обкома союза работников сельского хозяйства. Он ранее работал вторым секретарем Урус-Мартановского РК КПСС.

В тот же день С. Амхадов был приглашен на бюро обкома партии, где и было решено рекомендовать его первым секретарем Саясановского РК КПСС.

Да, когда мы после визита в обком партии возвращались домой, в Саясан, мы по дороге остановились, чтобы пообедать. С.-А. Даурбеков сказал мне: Я не знаю, что вам говорил заворотделом Сухов, но я ни в чем не виноват перед вами в случившемся.

На это я ответил ему: Да не переживайте, не вы первым, и не вы последним предаете. Предательство идет со дня сотворения мира. И вообще, я не стремился

быть первым руководителем района, мне достаточно поста, который я сейчас занимаю, дай Бог мне справиться с этой должностью.

На чеченском языке это звучит так: «Тешна- бехк а, ямартло а хIара дуьне кхоьллинчхьана а дуьйна схьадогIуш долу хIуманаш ду, хьо дуьххьара вац, хьо тIаьххьара а вац». Больше мы с Даурбековым никогда не говорили на эту тему.

Надо отметить, что А. И. Сухов по поручению обкома позвал меня с Д. Канзиевым в свой кабинет, и сказал, что нас пригласили в обком партии для того, чтобы мы приняли соответствующие меры для проведения районной партийной конференции на должном уровне. А Даурбеков, оказывается, думал, что Сухов относится ко мне с особым доверием, и поэтому мог рассказать мне некоторые подробности закулисья. В этом и заключалась щекотливость момента. Именно поэтому он рассказал мне о содержании разговора на бюро обкома партии, и о том, что именно говорил он, Даурбеков, во время этого разговора. На самом деле А. И. Сухов ни словом не обмолвился о содержании разговора, который состоялся накануне.

В мае 1961 года Саясановский район Указом Президиума Верховного Совета ЧИАССР был упразднен. На основании этого часть сельских Советов были переданы в состав Ножай-Юртовского района. Это Саясановский, Аллероевский, Шуанинский, Гордалинский сельские Советы. Центароевский, Курчалинский, Шерди-Мохковский сельские Советы были переданы в состав Веденского района. Ялхой-Мохковский и Хиди-Хуторский сельские Советы из-за этой реорганизации оказались в составе Курчалоевского района.

Серноводск. Общий вид Конец 60-х.

В том же мае 1961 года я был переведен в Ножай-Юртовский район и избран председателем Ножай-Юртовского райисполкома. На этой должности я проработал до августа 1961 года, после чего был избран первым секретарем Ножай-Юртовского РК КПСС.

В 1962 году по инициативе Генерального секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева партийные органы были реорганизованы по производственному принципу, то есть райкомы стали парткомами производственного колхозно-совхозного управления, и я был избран секретарем парткома этого управления. В областных комитетах были

созданы два бюро обкома: это бюро обкома по сельскому хозяйству и бюро обкома по промышленности. Управление сельского хозяйства также было реорганизовано, то есть в районах были созданы производственные колхозно-совхозные управления.

Из-за этих нововведений получалось, что райкомы партии, руководившие в районе всеми отраслями хозяйства и советскими органами с его отраслевыми отделами, стали парткомами производственного колхозно-совхозного управления, по существу стали подчиненными без партийной структуры.

На этой почве часто случались конфликты между секретарями парткомов и начальниками производственного колхозно-совхозного управления. Отдельные начальники управлений по существу считали себя выше по рангу и игнорировали парткомы. На самом деле и в обкомах считали, что эти управления должны стоять во всех отношениях выше парткомов.

Приведу один пример. Как-то мне позвонил первый секретарь обкома партии А. С. Трофимов и предложил партком перевести на нижний этаж, а второй этаж здания райкома передать управлению. На тот период первый этаж занимало сельскохозяйственное управление райисполкома. Начальником производственного колхозного управления был Шуддин Баширов. Это был человек, прекрасно понимающий ситуацию. Он не претендовал на первенство в руководстве и работал в тесном контакте со мной. И на второй этаж здания претензий не предъявлял. Он словно знал, что такое положение долго просуществовать не может и скоро этот хаос закончится и все станет на свои места...

В 1962 году в Ростове ЦК КПСС проводил совещание с участием первых секретарей обкомов партии, председателей Совета Министров республик, секретарей парткомов производственных колхозно-совхозных управлений Северного Кавказа. Совещание проводил по поручению ЦК КПСС председатель Совета Министров РСФСР, член политбюро ЦК КПСС Воронов. Мне тоже довелось стать участником этого совещания, которое полностью было посвящено работе партийных органов в условиях реорганизации.

В том же 1962 году нас, секретарей парткомов производственных колхозно-совхозных управлений, вызвали в ЦК КПСС на собеседование. Проводил собеседование заместитель заведующего сектором отдела партийных органов ЦК КПСС. При той беседе он мне сказал, что среднее образование для секретаря парткома недостаточно. Тогда я ему сообщил, что учусь на заочном отделении экономического факультета Горского сельхозинститута. Тогда он мне сказал: Будете работать секретарем парткома или нет, но институт обязательно закончите. Это вам поручение от ЦК КПСС как члену партии.

Это поручение я выполнил. Окончил институт успешно, а на выпускном вечере был приглашен в президиум этого мероприятия. Помню, ректор института тогда сказал: Если бы в нашем учебном заведении хотя бы одному студенту заочного отделения давали бы красный диплом, мы бы его вам вручили в первую очередь. Окончить институт, да еще с такими знаниями в возрасте 53 лет - это большое достижение.

В марте 1962 года в Москве ЦК КПСС проводил Всероссийское совещание, в котором участвовали первые секретари обкомов, крайкомов, секретари парткомов производственных колхозно-совхозных управлений, начальники республиканских, областных и районных объединений, производственных колхозно-совхозных управлений РСФСР, председатели Совета Министров республик, крайисполкомов, облисполкомов РСФСР. С докладом на совещании выступил первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев. Доклад был посвящен вопросам реорганизации

партийных организаций районов и сельскохозяйственных органов и их задачам по подъему сельского хозяйства.

Доклад занял два с половиной часа времени. Дойдя примерно до середины, Никита Сергеевич неожиданно оторвался от текста, и начал говорить произвольно, не заглядывая в текст доклада. А когда вернулся к тексту, то, не найдя места, где он остановился, махнул рукой и продолжил речь, и говорил так часа полтора.

Говорил он очень просто, стал учить присутствующих, как кормить коров, при этом сказал, что у коровы молоко на языке, что положишь в рот, то выходит сзади, причем, это продемонстрировал нам жестами, объясняя, как это происходит. Мы же, естественно, аплодировали ему. Дальше он стал говорить, что в колхозах и совхозах воруют корма, а мы это не видим и не принимаем соответствующие меры по их сохранности и применению кормов по назначению. Сказал также, что они в ЦК КПСС это видят.

Затем он перешел к взаимоотношениям между секретарями парткомов и начальниками производственных колхозно-совхозных управлений, и сказал, что о подчиненности не может быть и речи, что они являются старшими братьями. Закончив доклад, Хрущев взял свою папку и удалился из зала.

После упразднения Курчалоевского района в 1962 году в состав Ножай-Юртовского района были переданы колхозы «Заветы Ильича», им. Жданова и, соответственно, Ялхой-Мохковский и Хиди-Хуторский сельские Советы. С плоскости были присоединены колхозы «Дружба», «40 лет Октября», «Кавказ», а также Ишхой-Юртовский, Энгель-Юртовский и Кошкельдинский сельские Советы. Район намного расширился и в нем теперь насчитывалось более 37 тысяч человек.

В свою бытность в должности первого секретаря РК КПСС, а затем и секретаря парткома производственно-колхозного управления, мне приходилось заниматься вопросами проведения выборов в Советы, отчетных и отчетно-выборных собраний в колхозах. В некоторых колхозах лично сам принимал участие в отчетно-выборных собраниях колхозников. Случались трудные и очень трудные вопросы. Например, в колхозе им. Орджоникидзе, где председателем работал Дада Хусихаджиев, в том году были озабочены своим положением, так как на земельном участке, выделенном для хозяйства в Гудермесском районе, из-за засушливой погоды урожай пшеницы не удался. То, что было собрано, едва перекрывало количество семян, потраченных на засев участка. Из-за сложившейся ситуации на трудодни людям нечего было выдать, что не могло не отразиться на настроении колхозников на отчетно-выборном собрании.

Тогда мне пришлось отдать на полное усмотрение колхозников вопрос об избрании председателя колхоза. В этом случае никакой кандидатуры от РК КПСС не было предложено. Я сказал колхозникам: Кого вы считаете более подходящей кандидатурой на эту должность, того сами и выберите.

Д. Хусихаджиев, безусловно, был неплохой руководитель. Бухгалтер по специальности, он достаточно хорошо разбирался в экономике хозяйства. И тем не менее, я не стал навязывать колхозникам его кандидатуру.

После отчетного доклада Д. Хусихаджиева встал вопрос об избрании председателя колхоза. Начались, как обычно бывает в таких случаях, выступления колхозников. Первым, естественно, слово взял постоянно выступающий на любых собраниях Алвари Юсупов. Он сказал: Товарищ Асталов, решайте сами, кого избрать в руководители колхоза, но в этом году мы остались на голодном пайке.

Тон выступлениям был задан. Один за другим люди вставали и говорили о сложившейся в хозяйстве незавидной ситуации. После некоторых дебатов, иногда переходивших в горячие споры, Д. Хусихаджиев был переизбран председателем

колхоза. По окончании собрания ему я сказал: Оказывается, у тебя в колхозе некрепкие корни. Стоило мне сказать пару слов против твоего избрания, более половины колхозников были готовы не голосовать за твое избрание. Я этого, естественно, не стал делать, так как у меня не было более лучшей кандидатуры.

В колхоз им. Калинина, расположенный на территории селения Алерой, я также поехал на отчетно-выборное собрание. Мне в данном случае нужно было услышать голос колхозников по поводу замены Ами Мунапова на посту председателя колхоза. На него в райком партии шел целый поток заявлений и жалоб. Поэтому, выступая на собрании, я дал понять колхозникам, что мне надоели жалобы на А. Мунапова.

Поэтому я и приехал на ваше собрание, чтобы сказать вам, что я не настаиваю на переизбрании Мунапова в качестве председателя колхоза. Вопрос оставляю на полное ваше усмотрение: хотите, переизберите Мунапова, не хотите - выберите другого. Я приехал сюда не отстаивать Мунапова, а для того, чтобы обеспечить вам возможность свободных выборов, - сказал я в заключении.

Но тут случилось неожиданное: колхозники стали говорить, что их вполне устраивает А. Мунапов, что они хотят избрать только его. И в итоге переизбрали его председателем колхоза.

Но, как я много раз убеждался, людям трудно угодить. Позже выяснилось, что колхозники, несмотря на полную свободу действий, предоставленную им во время выборов, после моего отъезда, уже мне вдогонку, стали говорить, что А. А. Асталов приезжал на собрание в колхоз специально для того, чтобы поддержать Мунапова, поэтому его и переизбрали на пост председателем колхоза.

В колхозе им. Калинина, расположенном в селении Ножай-Юрт (здесь я не оговорился, потому что после объединения Саясановского района с Ножай-Юртовским в один Ножай-Юртовский район, здесь образовались два колхоза им. Калинина; позже колхоз с центральной усадьбой в селении Алерой переименовали в колхоз им. XXII съезда КПСС), при первом секретаре РК КПСС Г. Э. Межидове была избрана председателем колхоза З.Хамаева - по примеру Саясановского района. Вскоре, пользуясь некомпетентностью З. Хамаевой, ее окружение стало продавать колхозных овец, якобы для колхозных нужд. Колхоз реально стал сдавать позиции по всем показателям. Учитывая эти обстоятельства, я поехал в обком партии и был на приеме у первого секретаря обкома партии А. С. Трофимова. Я подробно объяснил ему эту ситуацию и попросил дать разрешение освободить З. Хамаеву. На что Трофимов ответил: Чем быстрее вы это сделаете, тем будет лучше для хозяйства. На очередном собрании колхозники освободили З. Хамаеву от должности председателя колхоза и избрали на этот пост Абдурахмана Межидова.

Из колхоза им. Х. Нурадилова, который возглавлял Увайс Горбаев, неоднократно поступали письменные и устные сигналы о том, что в колхозе неблагополучно обстоят дела с сохранностью колхозного скота. Сообщалось, что при инвентаризации скота его, как правило, выручает друг, председатель соседнего колхоза им. Ленина Абдулхаким Мусанипов. Схема была предельно проста: необходимое количество скота из колхоза им. Ленина перегонялось в колхоз им. Нурадилова, чтобы покрыть недостающее поголовье.

Однажды я пригласил У. Горбаева в партком и спросил его: Все ли у вас в порядке со скотом? Сумели вы сохранить поголовье?

Он мне сказал: У нас все нормально. Недостачи скота в колхозе нет.

И при этом добавил: Если бы случилась недостача, я давно бы ее покрыл, перегнав к себе пасущийся на горных пастбищах скот дагестанцев.

Признавшись в этом, председатель колхоза невольно делал соучастником такого обмана и меня. После такого заявления, в строгом секрете от Горбаева и Мусанипова, я ночью послал в эти хозяйства две группы проверяющих для инвентаризации скота. Эти две группы возглавляли мой заместитель, секретарь РК КПСС Э. А. Магомедхаджиев и начальник сельхозуправления райисполкома Ш. Б. Баширов. В результате скот оказался в наличии в том количестве, который числится по бухгалтерии. Никакой недостачи обнаружено не было.

Вскоре в РК КПСС поступил сигнал о том что на горных пастбищах колхоза им. Х. Нурадилова пасется индивидуальный скот дагестанцев. Животных пригоняли на нашу территорию несмотря на то, что их неоднократно предупреждали о недопустимости подобного явления. По этому поводу мы организовали рейды из активистов колхоза и в помощь им дали работников милиции на случай, если дагестанцы предпримут противоправные меры и не допустят перегона скота, пасущегося на наших горных пастбищах.

Поставленная задача в ходе рейда была выполнена успешно. Весь скот, пачшийся на горных пастбищах, был организованно перегнан в колхоз им. Х. Нурадилова. Затем этот же скот был сдан на заготовительный пункт. Владельцам скота оплатили его стоимость по ценам госзакупки по предъявлению ими соответствующего документа.

В числе перегнанного скота оказались два племенных быка дагестанского колхоза которых им вернули. По этому вопросу у меня был первый секретарь Ботлихского РК КПСС ДААССР, который по пути в Махачкалу специально заехал к нам, чтобы попросить о возврате колхозных племенных быков.

Он поблагодарил нас за проведенную операцию по перегону индивидуального скота. В разговоре мой коллега признался, что они долго искали этот неучтенный скот, и им не удавалось забрать его.

А вот с приемом первого секретаря Ботлихского РК КПСС случился небольшой конфуз. Он зашел в приемную, и, не сообщив, кто он и откуда, долго сидел, ожидая своей очереди. Когда секретарь доложила, что ко мне просится на прием дагестанец, я подумал, что это, наверное, какой-нибудь владелец перегнанной скотины, и сказал ей: Пусть подождет. Я пока занят.

Когда я его принял, он представился мне первым секретарем Ботлихского райкома партии. Я ему говорю: Вы что, не могли сказать секретарю, кто вы и откуда? Я бы пригласил вас к себе сразу.

Мне стало досадно, что я его столько времени продержал в приемной в ожидании своей очереди.

Потом, мы с ним, конечно, дружески переговорили, и я попросил его остаться на обед. Он вежливо отказался, сказав, что опаздывает, и отбыл в Махачкалу.

Всякое случалось на работе. Однажды начальник РО КГБ, член бюро РК КПСС Харитонов поехал в колхоз им. Ленина, где на тот период председателем работал Абдулхаки Мусанипов. Подъехав к дому председателя колхоза, он тут же принялся фотографировать стог сена, стоящий у него во дворе. Видимо, кто-то из его сексотов сообщил, что А. Мусанипов привез для себя колхозное сено, и тот поспешил срочно проверить этот факт. Об этом мне доложил сам Мусанипов.

Таким образом, Харитонов занялся несвойственной КГБ работой. На бюро РК КПСС я очень жестко высказался по этому поводу и сказал ему: Вам незачем заниматься такими вопросами. Ваша деятельность должна быть сосредоточена на другом направлении, а именно - связанном с государственной безопасностью. Уголовно наказуемыми делами должны заниматься другие органы. На это есть милиция, прокуратура. Пусть ОБХСС занимается хищениями социалистической

собственности, а вы занимайтесь своими непосредственными делами. Кстати, вы работаете, привлекая к своей деятельности опорочивших себя, отсидевших за разные преступления людей, которым веры нет, и не может быть. Но при этом ни один честный, порядочный колхозник не знает, где находится дверь вашего кабинета.

Таким образом, я предупредил, чтобы ноги его не было во дворе председателя колхоза. После этого он накатал на меня жалобу на имя первого секретаря обкома партии А. С. Трофимова. В своем письме он так и написал, что А. А. Асталов создал против него группу и хочет устранить его, и попросился в другой район, пока его не угробили.

Как-то я был в обкоме партии и хотел пойти к А. С. Трофимову для решения некоторых вопросов. Когда я зашел в приемную, из своего кабинета вышел помощник первого секретаря обкома Суханов, с которым у меня были неплохие отношения. Суханов сказал: Зайди, пожалуйста, ко мне на минутку.

Я зашел к нему, и он, протягивая мне какую-то бумагу, говорит: Читайте, пришла очередная жалоба на вас.

Прочитав текст этой жалобы, я попросил Суханова, чтобы он положил ее сверху: тот как раз собирался занести почту первому секретарю. Я хотел, чтобы Трофимов ее сразу заметил.

Пожалуйста, намекните Александру Степановичу, что я нахожусь здесь.

Он так и сделал. Первый секретарь пригласил меня в кабинет и подал мне эту жалобу со словами: На, ознакомься, что ваш начальник КГБ пишет.

Я взял эту жалобу, сделав вид, что впервые ее вижу, и прочитал ее. Закончив читать и возвращая бумагу, я сказал: Александр Степанович, какую группу может создать против начальника КГБ председатель колхоза с четырехкласным образованием?

Он говорит: Действительно, ты прав, какую группу может создать малограмотный председатель колхоза против начальника КГБ!?

С этими словами он наложил на жалобу резолюцию: в папку Ножай-Юртовского района.

Я рассказал А. Трофимову, что из себя представляет Харитонов: ведет себя отвратительно, пьянствует в рабочее время.

Если бы он был чеченцем, мы бы его без партбилета выпроводили бы из района! Его спасает то, что он по национальности русский, и сделай мы что-нибудь в отношении его, нас мо гут неправильно понять в обкоме партии, - добавил я.

В 1962 году после успешного окончания районной отчетно-выборной партийной конференции, мы в узком кругу организовали ужин прямо в здании РК КПСС. Я пробыл с сослуживцами каких-то минут пятнадцать, и, сославшись на усталость, ушел домой. А перед уходом предупредил остальных, чтобы они тоже долго не задерживались.

На второй день я узнал, что Харитонов здесь напился до того, что во дворе райкома партии обронил свой пистолет и его утром, придя на работу, нашел заведующий отделом пропаганды и агитации РК КПСС Шукурби Ибрагимов, сосед Харитонова по квартире. Пистолет он принес мне, и я его положил в сейф в своем рабочем кабинете, намереваясь припугнуть Харитонова, чтобы он умерил свою страсть к спиртному. Он же, бедняга, мучился, не зная, куда дел ось служебное оружие.

На второй день, сжалившись над Харитоновым, Ш. Ибрагимов пришел ко мне, и попросил вернуть ему оружие. Я вернул пистолет и больше этот вопрос не

поднимал. Вскоре республиканский КГБ перевел Харитонову заместителем начальника Гудермесского ГО КГБ.

До этого случая приезжали в район секретарь обкома партии по идеологии Б. Г. Габисов и председатель КГБ ЧИАССР, кандидат в члены бюро обкома партии Хлестаков. Они зашли ко мне в кабинет, и мы стали беседовать. Хлестаков спросил у меня, как работают его подчиненные в районе, как ведут себя. Я ответил: Ничего, работают неплохо.

Я не стал характеризовать их, как есть на самом деле. Но, как бы между прочим, сказал: Вы меня извините, если что не так, но до меня доходят слухи о том, что некоторые работники ваших органов в своей практике используют запрещенные методы: притворяясь пьяными, подходят к группе людей, подсаживаются к ним, выуживают у них всякие слухи и непроверенную информацию, и пользуются этими слухами в своей служебной деятельности. Это как? Положением о КГБ допускаются такие действия или нет?

Хлестаков ответил: Подобное ни в коем случае не допускается. Мы за такие действия наказываем своих сотрудников.

Так, беседуя, подошло обеденное время, и я пригласил их к себе домой пообедать. Угощал их, как у нас принято угощать дорогих гостей. Стол был сервирован, как положено. И тут же, сидя за столом, Хлестаков самым бессовестным образом стал говорить: Вы так обедаете каждый день? Как это вам удается? У вас добротные кровати. Сколько они стоят? Столовые приборы у вас шикарные, да и вся обстановка в доме...

Я ему говорю: Этот стол жена сервировала для вас, как для дорогих гостей. Мы же обедаем каждый день, чем придется. Эти две кровати я покупал, каждая стоит по пятьсот рублей

Этот разговор оставил неприятный осадок у меня на душе. О поведении Хлестакова я рассказал члену бюро обкома, заведующему отделом партийных органов А. И. Сухову. Он был очень возмущен и сказал: А ты не послал его куда следует, не сказал, что ты работаешь для того, чтобы вкусно есть и прилично одеваться?

Когда у меня был М. Г. Гайрбеков, он тоже мне сказал: Не води к себе на квартиру кого попало.

По-чеченски это звучит так: *«К1ант, хьайн чу мил-милла а ма кхийлахь»*.

Позже я узнал, как Хлестаков с неизменной ухмылкой периодически любил рассказывать, что я живу, как буржуй.

Была еще одна структура, которая на территории района чувствовала себя вольготно - это был военкомат. Военкомом в тот период работал Алексеев. Главная черта сотрудников этой структуры - повальное пьянство. Работники военкомата пьянствовали почти ежедневно. Непонятно, когда им удавалось работать.

Одно время в районе, как очередную байку рассказывали, как один из сотрудников РВК, возвращаясь из селения Даттах в пьяном виде, упал с верховой лошади. Его подняли проходившие мимо люди и привезли в район. А он - лыко не вяжет.

Была и другая отличительная черта, присущая сотрудникам этой структуры - это постоянное, хорошо отлаженное мздоимство. Они беззастенчиво вымогали деньги у родителей призывников - за продление отсрочек от службы или еще за какие-то послабления.

Однажды я пригласил районного военкома Алексеева в райком партии и предъявил ему эти претензии, сказав при этом: Хотя вы и не состоите на учете у нас в райкоме партии, я найду на вас управу через политотдел республиканского

военкомата. Уймьтесь сами и уймите своих подчиненных! Прекратите издеваться над родителями призывников! Вместо того, чтобы предоставить положенные законом отсрочки от службы в армии, вы занимаетесь вымогательствами.

В качестве примера я ему привел случай, когда он отправил в армию единственного кормильца у Индерби Тулаева и его жены. Военком стал оправдываться тем, что у них есть дочь и она должна содержать старых родителей, и что их сыну по закону не положена отсрочка. Я тогда уточнил, что дочь Индерби живет совершенно в другом селении, имеет свою семью и малолетних детей и не может содержать своих престарелых родителей.

После того разговора Алексеев уехал из района, освободившись от должности районного военкома.

Младший сын Аслан принимает воинскую присягу.

Колхоз «40 лет Октября» имел большой экономический потенциал. Здесь было достаточно плодородных земель, имелись хорошие ресурсы для расширения посевов высокодоходных культур, были также возможности для поднятия уровня других областей хозяйства, но не было хорошего, инициативного руководителя.

Мы решили рекомендовать в качестве председателя колхоза грамотного, способного коммуниста из местных жителей. Выбор пал на работающего в этой зоне инспектором-организатором сельского хозяйства производственно-колхозного управления Усмана Геримсултановича Осмаева.

Вскоре до меня стали доходить слухи о том, что в Энгель-Юрте общие выборные собрания, как правило, проходили трудно, а иногда даже продолжались два-три дня, пока большинство не достигнет согласия между собой. Вся проблема была в том, что в таких случаях начиналась отчаянная тейповая борьба.

В Энгель-Юрте, например, существует два основных тейпа - зандаковцы и бильтинцы. Каждый из этих тейпов старается провести в руководители колхоза представителя своего тейпа, и на этой основе начинается борьба между двумя кланами.

Видя эту сложную ситуацию, я решил поехать туда и самому принять участие в отчетно-выборном собрании. Перед началом собрания я решил встретиться с коммунистами, узнать их мнение, определить кандидатуру будущего председателя колхоза. И уже с этой кандидатурой я вышел к людям.

Собрание проходило во дворе правления колхоза. К его открытию приехал представитель обкома партии Хасан Мехтиев - первый заместитель прокурора республики. При таком тщательном подходе на собрании без особой видимой борьбы председателем колхоза был избран У. Осмаев.

Время показало, что мы не ошиблись в своем выборе. Оказывается, в этом человеке таились большие организаторские способности, которые раскрылись уже в процессе работы. Под его руководством хозяйство стало рентабельным, а через определенное время его стали называть в числе передовых хозяйств республики.

При новом руководителе изменился в лучшую сторону и облик села: были отремонтированы дороги, улучшилось водоснабжение, села были электрифицированы, были построены административные здания - правления колхоза и сельского Совета, в которых разместились и другие сельские учреждения. Были также построены жилые дома для специалистов совхоза «Терек».

В дальнейшем У. Осмаев активно стал продвигаться по карьерной лестнице. Когда колхоз был реорганизован в рисоводческий совхоз «Терек» с присоединением к нему совхоза «Степной», он стал директором этого уже значительно укрупненного хозяйства. Рис, как высокодоходная культура, давал большие прибыли хозяйству. Заметно улучшилось и благосостояние рабочих совхоза, они стали получать приличные заработки и стали жить более зажиточно.

У. Г. Осмаев за трудовые успехи в сельском хозяйстве был награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени. Был также избран депутатом Верховного Совета ЧИАССР. Без отрыва от производства он окончил экономический факультет Горского сельскохозяйственного института. Через определенное время был назначен начальником республиканского объединения «Чечингскотопром». После упразднения этого объединения вернулся на работу в качестве директора совхоза «Терек» Гудермесского района.

Мне всегда везло на хороших людей. Одним из них был Магомед Индербиев, с которым я был знаком с 1960 года, когда он еще работал главным врачом Веденской районной больницы. Через определенное время Магомед Индербиев стал министром здравоохранения ЧИАССР. Он также был участником Великой Отечественной войны.

Однажды, это было в 1963 году, мне пришлось обратиться к нему с просьбой, которая заключалась в том, чтобы помочь двоюродному брату отца, который очень тяжело заболел. Ему срочно требовалась консультация хорошего врача. Естественно, я отправился к Магомеду. Я попросил послать со мной опытного врача, которого я сам отвезу на такси и также доставлю обратно. Тогда М. Индербиев мне сказал: Никакое такси ты нанимать не будешь. Пока ты доедешь до дома, у твоего родственника уже будет врач, доставленный в село на вертолете. Будь ты первым секретарем РК КПСС, я сделал бы это для тебя, а сейчас ты им не являешься, и я тем более окажу тебе эту услугу. Только дай мне ориентир, где можно посадить вертолет.

Я объяснил ему, где это лучше сделать, и действительно, пока я доехал до дома, вертолет с врачом уже стоял на земельном участке моего родственника. Врач тщательно осмотрел больного, сделал нужные назначения и снова вернулся в Грозный.

Во время отдыха в Серноводске. 1973 год.

Это была очень большая услуга для меня, и об этом я не забываю никогда. Такой был человек Магомед Идербиев. И это не единственное благое дело Магомеда. По рассказам многих моих знакомых я знаю, что он очень заботился о здоровье людей. Про таких говорят - человек слова и дела. В 2007 году его не стало. Дала гечдойла цунна.

Ответственные работники парткома, райисполкома, производственного управления колхозов, как я уже говорил, принимали участие в отчетных и отчетно-выборных собраниях колхозов. Многими хозяйствами в основном руководили не специалисты, а малограмотные практики, так как негде было взять нужных специалистов. Такое положение дел объяснялось тем, что тринадцать лет, проведенные в депортации, сказались на народе самым негативным образом: в республике катастрофически не хватало специалистов.

Но при этом народ не оскудел на таланты. В его среде родились и возмужали самые настоящие самородки. Это относится и к руководителям колхозов. И здесь следует назвать имена председателей следующих колхозов: им А. Шерипова - Ахмад Баймурадов, им. Ю. Гагарина - Абдулатип Хаджиматов. Абдулатип был механиком по образованию, и в дальнейшем окончил Дагестанский сельхозинститут.

Между тем продолжалась работа по укрупнению колхозов района за счет их объединения. Так, были объединены колхоз им. Дмитрова (с. Даттах) и колхоз им. Ленина (с. Зандак-Ара) в один колхоз им. Ленина с центральной усадьбой в селении Даттах, колхоз им. Гагарина (с. Зандак) и колхоз села Гиляны в один колхоз им. Гагарина с центральной усадьбой в селении Зандак, соответственно, объединились Зандаковский и Гилянинский сельские Советы в один Зандаковский сельский Совет с центром в селении Зандак, колхоз им. Х. Нурадилова (с. Беной) и колхоз села Гендерген в один колхоз им. Х. Нурадилова с центром в селе Беной.

Также широко была развернута работа по подготовке и проведению выборов в Верховные Советы РСФСР, ЧИАССР и местные Советы депутатов трудящихся. Я был избран депутатом Верховного Совета ЧИАССР по Ялхой-Мохковскому избирательному округу.

Организовывались встречи населения с кандидатами в депутаты РСФСР, ЧИАССР, районные и местные Советы. Летом 1962 года на встречу с избирателями в Ножай-Юрт приехал кандидат в депутаты Верховного Совета РСФСР А. С. Трофимов. Его сопровождал председатель Совета Министров М. Г. Гайрбеков. Встречу организовали на лоне природы, для чего там же соорудили трибуну. На эту встречу были приглашены избиратели со всего района. Я открыл встречу и предложил поддержать А. С. Трофимова. Затем слово предоставил Александру Степановичу Трофимову. Присутствовавшие здесь избиратели единодушно поддержали кандидатуру Трофимова и попросили его дать свое согласие баллотироваться по нашему району.

После окончания официальной части встречи была организована вторая, уже неофициальная часть. Гайрбеков меня заранее предупредил, что они к нам домой не придут, а если что-нибудь подготовил, то организуй, мол, это на природе. И мы выехали на территорию колхоза им. А. Шерипова и остановились на прекрасной лужайке, где и отобедали.

Александр Степанович спросил меня: Где ваши остальные работники?

На этот вопрос первого секретаря обкома Муслим Гайрбекович ответил: Он их оставил дома. И правильно сделал. Голодными никто не останется.

На обеде присутствовал Д. К. Канзиев - председатель райисполкома. После трапезы мы с Канзиевым проводили гостей до трассы Ростов-Баку.

Как только мы доехали до трассы, гости сказали: Дальше не провожайте. Возвращайтесь в район.

Конечно, любой руководитель может гордиться, когда у него успешно идет работа, а прогнозы на будущее не предвещают никаких неожиданностей. Я сейчас вспоминаю, как наш район занимал ведущие места по многим позициям. В частности, по индивидуальному сектору ежеквартально выполнялись и перевыполнялись планы социалистических обязательств по заготовке излишков мяса, молока, яиц и шерсти. Это позволяло руководителям района получать денежные премии, а иногда и награды.

Району неоднократно вручалось переходящее Красное знамя обкома КПСС, Совета Министров и Облсовпрофа республики. Заметные достижения были и в сфере культуры: коллективы художественной самодеятельности занимали первые места на республиканских смотрах, принимали участие во Всероссийском смотре художественной самодеятельности в Москве. Район также неплохо справлялся с задачами по подготовке школ и дошкольных учреждений к новому учебному году, к работе в зимних условиях.

На фоне этих положительных показателей в районе, между тем, не все было гладко. К примеру, неожиданно была выявлена крупная недостача в заготконторе. Заведующий складом заготконторы некий Алхазов, который в период упразднения района был переведен из Саясана в Ножай-Юртовскую райзаготконтору, допустил недостачу шерсти на 75 тысяч рублей. В то время это была колоссальная сумма. По этому поводу мгновенно всполошились все республиканские органы, в том числе обком КПСС и Совет Министров. На бюро райкома партии был исключен из партии директор райзаготконторы Б. Б. Булуев. В свою очередь Респотребсоюз снял со своего поста председателя Ножай-Юртовского райпо М. Чажаева.

Вопрос обсуждался на бюро обкома КПСС, где мне объявили партийное взыскание. Первый секретарь обкома партии А. С. Трофимов тогда сказал: Все. Больше к этому возвращаться не будем. Руки не опускай, работай.

А на бюро обкома я прямо сказал, что да, действительно, упустил из поля зрения этот участок работы, делая больший упор на колхозные проблемы. И случилось то, чего я больше всего боялся. Поэтому, нисколько не снимая с себя вины, я выразил готовность принять любое наказание бюро обкома партии.

Помню, второй секретарь обкома партии Осман Асланбекович Чахкиев задал мне вопрос: Кто курировал торговые организации от РККПСС?

Мне не очень хотелось делать акцент на этом, но не ответить на прямо поставленный вопрос тоже было бы неэтичным. Между тем торговые организации у нас курировал секретарь райкома партии В. М. Магамгазиев. Я понимал, что этим вопросом О. А. Чахкиев попытался смягчить мое наказание по партийной линии.

После бюро обкома партии в районе было проведено собрание партийного актива, где я выступил перед собравшимися с докладом о случившемся. Обсуждение состоялось дельное, принципиальное, члены партактива прекрасно понимали, в какой тупик был поставлен район этим поступком. Такое забывается долго, если это было вообще возможно. На собрании партактива выступил Муслим Гайрбекович Гайрбеков - он принимал участие в нашем собрании по поручению бюро обкома партии.

Вскоре первый секретарь обкома партии А. С. Трофимов был отозван в ЦК КПСС на должность инспектора, также был переведен в аппарат Совета Министров РСФСР заведующий отделом партийных органов, член бюро обкома А. И. Сухов. Первым секретарем обкома партии стал А. Ф. Титов, командированный в республику ЦК КПСС.

Нальчик. 1967 год.

Этим и воспользовались мои недоброжелатели из обкома партии, в частности, заведующий отделом обкома партии Сухоруков, которому не нравилось то, что А. С. Трофимов и А. И. Сухов относились ко мне с доверием и уважением. Он и его сторонники тут же прожужжали в уши А. Ф. Титова всякие небылицы, и тот поддался им.

Во время очередных выборов в партийных организациях я не был рекомендован секретарем парткома производственного колхозного управления. Я также по данному вопросу не был приглашен в обком партии. Вопрос решался без меня.

Хотя я и чувствовал, как вокруг меня вьется целый шлейф наговоров и небылиц, я не стал замыкаться в себе, и даже с особым тщанием подготовил партконференцию и выступил на ней с отчетным докладом.

Вскоре секретарем парткома был избран С.-А. Д. Даурбеков. На конференции от обкома партии присутствовал член бюро обкома партии, председатель Совета Министров республики М. Г. Гайрбеков, который в своем выступлении сказал, что обком партии решил не рекомендовать секретарем парткома А. А. Асталова, так как в районе произошел случай крупной растраты в заготконторе, но отнюдь не потому, что я не достоин возглавить район. Он сказал: В связи с этим случаем ему лучше будет перейти на другую работу. Над этим обком партии в данное время работает.

Потом, в 1979 году, когда я стал добиваться назначения персональной пенсии, министр социального обеспечения республики Лопатин сказал: Вам не положена персональная пенсия, так как вы освобождены обкомом партии от работы секретаря парткома.

На что я ему ответил: Я не освобожден, а только не рекомендован на эту должность. Видите, разницу?

Я, естественно, обратился в обком партии по этому вопросу. Там мне показали решение бюро обкома партии о моем освобождении от работы секретаря парткома производственного колхозного управления сельского хозяйства за «неправильный подбор, расстановку и воспитание кадров». Это обвинение нужно было сформулировать для того, чтобы утвердить на эту должность вновь избранного С.-А. Д. Даурбекова, т. е. надо было освободить место секретаря парткома, на которое ранее был утвержден я. А тут сразу, задним числом, оформили такое решение и подшили его в дело. О существовании такого решения бюро обкома партии я не знал до 1979 года, так как меня на бюро не приглашали и с решением этим не знакомили.

Кстати, вскоре случился такой парадокс: меня освободили от работы секретаря парткома и одновременно, буквально через несколько дней, району присуждают переходящее Красное Знамя обкома партии, Совета Министров и Облсовпрофа за успешное выполнение и перевыполнение планов и социалистических обязательств по заготовке излишков сельхозпродуктов в индивидуальном секторе и премируют секретаря парткома С.-А. Д. Даурбекова и других ответственных работников района денежными премиями. Выходит, что за одну неделю под руководством нового руководителя район добился этого успеха и получил поощрения? Но так не бывает!

Видя такую несправедливость обкома партии по отношению к себе, я, конечно, мог бы обратиться в ЦК КПСС с просьбой разобраться в моем деле и восстановить доброе имя, но не стал оспаривать этот факт, несмотря на то, что я в это время являлся депутатом Верховного Совета ЧИАССР. Однако вернемся к тем событиям, где мы прервались и сделали некоторое отступление.

После конференции я пригласил к себе домой М. Г. Гайрбекова, С.-А. Д. Даурбекова, А. Г. Киндарова и председателя райисполкома Х. Д. Денилова и принял их как дорогих гостей. На прощание М. Г. Гайрбеков мне сказал: Не знаю, что для тебя подготовил обком партии, но я обещаю устроить тебя директором небольшого совхоза, чтобы было легче работать.

Несмотря на это обещание Муслима Гайрбековича, я, конечно, к нему с этим вопросом не пошел. Секретарю обкома по промышленности С. С. Апрыткину было поручено трудоустроить меня. Тот позвонил первому секретарю Гудермесского горкома партии А. А. Чайкину и поручил тому трудоустроить меня на работу в городе Гудермесе.

Через некоторое время я был у А. А. Чайкина, который мне предложил должность главного бухгалтера железнодорожного депо, на что я сказал: Эта работа мне будет не по плечу - я на таких больших предприятиях бухгалтером не работал. Я - маленький бухгалтер бюджетных организаций.

После Чайкина я зашел к председателю горисполкома Г. У. Умарову - с ним я был достаточно хорошо знаком. Он предложил мне пойти в горсмешторг заведующим столовой N1 с ее филиалами. И с этим предложением мы пошли к А. А. Чайкину, который не стал возражать по поводу такого решения и я был назначен директором столовой N1 горсмешторга.

Здесь я проработал с декабря 1963 года по ноябрь 1964 года. С этой работы я ушел по собственному желанию. В мае 1965 года я был в обкоме КПСС, где попросил помощника первого секретаря обкома устроить мне прием с А. Ф. Титовым, что он и сделал.

Когда я зашел к нему в кабинет, он встал из-за стола, пошел мне навстречу до дверей и поздоровался. Я сразу сказал, что не пришел просить у него руководящей должности, а пришел сообщить ему, чтобы он знал, что следствие и суд по делу большой растраты в заготконторе закончились, и меня оно ни с какой стороны не коснулось. Так что никакой моей вины в данном деле нет, кроме как огромный моральный ущерб, который я понес в связи с этим случаем.

Он очень внимательно меня выслушал и сказал: Я в республике человек новый. Когда я заступил на эту должность, я очень много наслушался. В частности, речь шла о громком скандале, который случился в вашем районе. Каюсь - не разобрался сразу во всем.

Это было похоже на запоздалое покаяние, хотя люди такого ранга обычно не признавали таких своих ошибок и неверных решений.

В конце разговора, А. Ф. Титов сказал: Мы знали, где вы находитесь, и все равно не оставили бы вас там. Если дать вам работу в Грозном, сразу возникают трудности с квартирой. Давайте возвратим вас в район, где вы работали.

С этими словами он проводил меня до двери своего кабинета и распрощался по-товарищески. Вскоре он дал указание министру финансов республики, чтобы меня назначили заведующим райфинотделом. В мае 1965 года приказом министра финансов я был назначен заведующим Ножай-Юртовским райфинотделом, где я проработал более десяти лет.

Сразу отмечу, что райфинотдел все эти годы выполнял и перевыполнял доходную часть районного бюджета. За выполнение и перевыполнение планов по сбору налогов и сборов работники отдела получали денежные премии. Наш финотдел в Министерстве был на хорошем счету. Вскоре я был избран депутатом районного Совета депутатов трудящихся и членом исполкома райсовета депутатов трудящихся.

Случилось так, что в последнее время первый секретарь РК КПСС В. А. Янгунбаев без всякой причины стал косо смотреть на меня, а между тем председатель райисполкома А. С. Батаева, в подчинении которой я находился, была полностью зависима от него. Вскоре они предложили мне подать заявление об уходе, что я и сделал.

Вторая слева - Хавра Асталова.

В 1975 году я недорого купил дом в городе Грозном и со своей семьей переехал туда на постоянное место жительства.

В феврале 1976 года управляющий Грозненской межреспубликанской заготовительной конторой «Табаксырье» Г. Э. Межидов предложил мне работу в качестве главного бухгалтера, где я и работал до июня 1977 года.

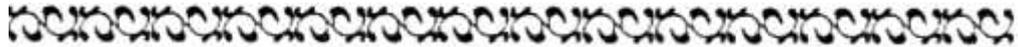
В мае 1978-го ко мне домой позвонил начальник объединения «Чечингушзаготскот» У. Г. Осмаев и предложил работу старшего экономиста по учету и анализу. Это по существу была должность ревизора объединения, на что я согласился.

В этой должности я проработал до июля 1982 года. Причем, уже находясь на трудовой пенсии - с 1979 года. Все эти годы я проводил ревизии финансово-хозяйственной деятельности всех откормочных совхозов объединения, оформлял качественные материалы ревизии и по ним начальник объединения У. Г. Осмаев принимал соответствующие меры. Он мне помогал и поддерживал на этой нелегкой работе. В июле 1982 года, когда стало трудно выдерживать постоянные поездки в совхозы на ревизии, я по собственному желанию ушел с этой работы.

Когда я почувствовал, что немного окреп после непродолжительного отдыха, в ноябре 1982 года я снова заступил на должность ревизора конторы «Чечингзаготскот». Управляющим этой конторой работал Абдулбек Хакимов, очень добрый и порядочный человек. Однако годы давали о себе знать, и в сентябре 1983 года я оставил и эту работу: дальше стало трудно в связи со здоровьем и возрастом. С тех пор нахожусь на заслуженном отдыхе.

Рассказывая о своей жизни, я не случайно вдавался в некоторые подробности своей жизни. Главное, к чему стремился - это передать сегодняшнему читателю дух того времени. Самый длинный отрезок моей активной жизни пришелся на так называемые годы застоя. Для сегодняшней молодежи это уже далекое безвозвратное прошлое. Кто знает, может, им будет интересно узнать, как жили их предшественники.

*В браке три четверти счастья человечества, а в остальном - едва ли четверть.
Фёдор Достоевский*

С семьей мне очень повезло. Моей супругой в свое время стала молодая девушка Хавра Саралиева. Она была из очень хорошей семьи и проживала в селении Саясан. Впоследствии она взяла мою фамилию и стала Асталовой. Видимо, у нее на роду было написано стать хорошей домохозяйкой. У нас с ней родились девять детей - пятеро сыновей и четыре дочери. Все дети в настоящее время живы и здоровы.

В кругу семьи. Дочери Роза (справа от меня). Манат, сноха Разита, Лиза и Шукран; сыновья Аслан и Шамиль

Хотя это у нас и не принято, но признаюсь: дети росли сравнительно хорошими. Семеро из них получили высшее образование, двое детей - среднетехническое специальное образование.

Два сына окончили педагогический институт. Это Ваха и Лечи Асталовы. Ваха кандидат исторических наук, в данное время работает Генеральным директором Национального музея, совмещая эту работу с преподавательской деятельностью в ЧИГУ.

Лечи в данное время работает в Гудермесском педагогическом училище в качестве заместителя директора по воспитательной работе.

Старший сын Шамиль заочно окончил строительный факультет Грозненского нефтяного института, сочетая учебу с работой архитектора Ножай-Юртовского райисполкома. После окончания института работал первым секретарем Ножай-Юртовского РК ВЛКСМ. Затем, переехав в город Грозный, работал в строительных организациях республики.

<http://www.checheninfo.ru/bibliotekainfo>

Сын Ваха Асталов (крайний слева). Генеральный директор Национального музея перед началом торжественной церемонии открытия музея. (На фото слева направо) депутат парламента ЧР Р. Бетрахмадов, вице-премьер Л. Магомадов и министр культуры ЧР Д Музакаев

Старший сын Шамиль

Младший сын Аслан работает в сфере предпринимательства.

Дочери Роза, Манаш, Шукран после окончания школы работали учителями в школе и одновременно, сочетая работу с учебой, окончили заочно Чеченский государственный университет. Младшая из дочерей, Лиза, также окончила педагогический вуз, и после окончания учебы работала преподавателем в школе. Старшая дочь Роза на пенсии и живет в Москве. Манаш в настоящее время работает завучем республиканской школы-интерната для глухих и слабослышащих детей. Кстати, у Манаш редкая специальность - она стала первым в республике сурдопедагогом.

Все дети имеют свои семьи. Основная тяжесть в воспитании детей в свое время ложилась на их мать Хавру, так как я все время проводил на работе, и мне всегда не хватало времени на детей. Жена умерла рано - ей было всего пятьдесят восемь лет. Не знаю, нужно ли подчеркивать, что все мои дети помогают мне материально. Но главное для меня сегодня - это их моральная поддержка. Я сейчас что-то вроде связующего звена - благодаря мобильной связи все дети и внуки у меня находятся «на линии». Поэтому сидеть и по-стариковски жаловаться на жизнь не приходится - некогда.

Дочь Шукран в свое время также получила специальность педагога

Военные действия в Чеченской республике наделали очень много бед. Многие ни в чем не повинные люди погибли, большинство из оставшихся в живых потеряли

свои жилища и имущество, нажитое за долгие годы жизни. Много людей скитается по всей России и за рубежом.

Дочери Лиза и Шукран; сыновья Аслан и Руслан.

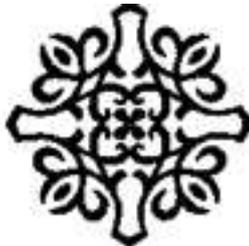
Я в настоящее время нахожусь в Нальчике, столице Кабардино-Балкарской Республики.

Дочь Манаш. В свое время получила специальность сурдопедагога.

Здесь же, в Нальчике, находятся старший сын Шамиль, дочери Шукран, Лиза и младший сын Аслан. Дом в городе Грозном после боевых действий находится в непригодном для проживания состоянии и подлежит большому капитальному ремонту. Как только дом удастся восстановить, мы всей семьей, конечно, переместимся в Грозный.

А когда это случится, ведаёт только Аллах.

Книга «По лабиринтам памяти» написана в жанре воспоминаний, и в какой-то мере восполняет ту нишу, которая образовалась в нашей литературе, в которой подобные публикации крайне редки. Воспоминания ценны и тем, что они правдивы, и, что очень важно, от первого лица, повествуют нам о тех временах, которые в новейшей истории Чеченской Республики оказались «за кадром».

Это, в первую очередь, период жизни чеченцев перед выселением и особенно - жизнь после возвращения на родину.

Данная книга будет интересна всем, кто интересуется нашей историей.

Адиз Асталов

ПО ЛАБИРИНТАМ ПАМЯТИ

Литературный редактор Г. Х. Чагаева
Оформление обложки Е. Б. Фадеев
Макет и компьютерная верстка Я. А. Фадеева
Корректор Ш. А. Асталов

Формат 84x108 1/32. Гарнитура Svoboda FWF.

Печать офсетная Усл, печ, л. 13.

Тираж 1500 экз.

Отпечатано в ООО «Кубаньагитпечать»
г, Краснодар, ул Уральская, 98/2 Заказ № 444